

О событиях в поселке Монастырщина в 1941–1942 гг

А. Симкин

Сообщаю, что мне известно о событиях, произошедших с еврейским населением в поселке Монастырщина Смоленской области в период фашистской оккупации 1941–1943 годов.

Сначала о себе. Я, Симкин Абрам Борисович, родился 23 декабря 1923 года в небольшом поселке Монастырщина в крестьянской семье. Мои дедушка и отец имели небольшой надел земли, занимались сельским хозяйством и извозом, а когда образовался колхоз в 1929 г., стали колхозниками.

Поселок Монастырщина был населен, в основном, евреями и русскими — мещанами. Все они занимались различными ремеслами, торговлей, сельским хозяйством и переработкой сельхозпродукции. В 1929 году в поселке было создано два колхоза: один — небольшой, в него вошли русские жители; второй, «Ленинс Вег» — довольно большой, национальный, объединивший основную массу населения Монастырщины и деревню Дудино. В него вступили евреи и некоторые русские, занимавшиеся сельским хозяйством. Возглавил колхоз «Ленинс Вег» активный коммунист Хайкин.

Довольно прямые улицы поселка были застроены деревянными домами. В центре стояли два кирпичных строения, церковь и синагога, превращенные в 1930-е годы в клуб и спортивный зал.

В это же время была построена новая семилетняя еврейская школа, а в здании бывшего имения создана средняя русская школа.

У нас в семье кроме меня было еще четыре сестры, с нами жил также дедушка. Родители работали в колхозе, а мы, дети, учились в школе. В 1934 году отец мой умер от воспаления легких. Материальное положение семьи резко ухудшилось, что вынудило меня перейти учиться в вечернюю школу и работать в колхозе.

В 1941 году я окончил 10 классов вечерней школы, попытка поступить в военное училище не увенчалась успехом из-за полуплоскостопия ног. В июне 1941 года в начале Великой Отечественной войны вступил в истребительный батальон, а 11 июля 1941 года добровольно вступил в ряды Красной Армии. В составе стрелковых частей (пехоты) участвовал во многих боях, был трижды ранен и контужен. Довелось освобождать Смоленскую землю, в том числе и Монастырщинский район. Войну закончил в звании гвардии капитана, в должности начальника штаба стрелкового батальона. Награжден шестью боевыми орденами и многими медалями. После войны продолжал службу в армии, а в 1968 году уволен в запас по состоянию здоровья. До 1993 года работал в Смоленске, в настоящее время пенсионер.

Итак, я уже упомянул, что мне довелось воевать на Смоленской земле. Наша воинская часть проходила в восьми километрах от Монастырщины. Однако лишь после освобождения поселка Красный и вывода нашей части во второй эшелон я получил разрешение съездить в поселок, освобожденный тремя днями раньше. Оседлав лошадь, я тронулся в путь.

Почти всю дорогу я гнал лошадь галопом, мне не терпелось быстрее доехать, узнать о судьбе моих родных. Вот уже показались знакомые места, река Вихра, за нею большой пригорок и спуск к реке Железняк, а там уже и мост виден. За ним открылась страшная панорама. Северная сторона улиц лежала в пепелищах, отдельные остатки домов еще дымились. Я подъехал к своему дому. Вместо дома лежала груда искореженного железа от крыши и куча тлеющих углей. Сердце мое словно оборвалось. Сойдя с коня, я стоял как вкопанный. Меня увидела женщина, подошла ко мне, узнала, бросилась ко мне со слезами. Это была тетя Поля, мать моего друга Шурки Цыркунова. Они жили рядом с нами, их дом тоже сгорел. Вскоре вокруг меня собрались бывшие соседи: Баньковы, Ивановы, Мастаковы и другие. Все они меня обнимали и были удивлены, что я уже старший лейтенант, командир Красной Армии, ведь они совсем недавно провожали меня, мальчишку, в армию. Подошел и Коля Цыркунов, младший брат Шурки. Мы с ним отошли в сторонку, и он мне сказал, что из моих родных в живых никого не осталось. А вечером мне поведали о том, что произошло в поселке.

Немцы пришли в поселок 12 июля 1941 года. Боя за поселок не было. Некоторые местные «доброжелатели» встречали немцев с хлебом-солью. Они давно ждали смены власти и видели в оккупантах своих освободителей от Советской власти. Среди них были: начальник радиоузла Исаенков, учитель математики Космачевский и другие. Исаенкова сразу назначили начальником полиции. Он подобрал себе в полицию армейских дезертиров Николая Чехиркина, Шенделева, Виктора Сысоева и многих других им подобных, верно служивших немецким оккупантам.

С первых же дней оккупации начались массовые репрессии. Первыми были преданы и повешены председатель колхоза Хайкин, не успевший эвакуироваться, многие бывшие советские работники и коммунисты.

Затем начались грабежи. У еврейского населения отбирали скот, ценные вещи, продукты. Все это делалось при активном участии полицейских.

В октябре 1941 года еврейское население поселка было выдворено из своих домов и согнано в гетто (в дома, находящиеся вдоль реки Железняк, у бывшей бани).

Гетто было опутано колючей проволокой, а вход охранялся полицейскими. Из гетто всех трудоспособных гоняли на работы, еды не давали. Люди питались кто чем может. Зимой 1941–1942 гг. для топки печей использовали мебель и все, что могло гореть. В гетто находилось более 1200 человек, большинство из них

дети, женщины и старики. В феврале 1942 года в гетто объявили, что все они подлежат перемещению в другой лагерь, поэтому им было приказано взять с собой только ценные вещи и продукты.

Узников строили в колонны, выводили к мосту через реку Железняк и гнали в сторону большого оврага. Там всех заставили раздеться догола, хотя лежал снег, стоял мороз. Кто сопротивлялся, того жестоко избивали, затем их ставили вдоль оврага и расстреливали.

Все обитатели гетто тремя колоннами были выведены к оврагу и уничтожены. Мне рассказали, что в одной из колонн шел мой дедушка. Он хромотал, еще до войны у него была сломана нога. У моста дедушка споткнулся и упал, его тут же пристрелили, а тело сбросили с насыпи к реке. Среди людей в колоннах никто не видел мою маму и сестер. Через неделю после массовых расстрелов ночью к нашим соседям Баньковым постучались. Когда они открыли, то увидели мою сестренку Фаину. Она им рассказала, что мои мама и сестры вместе с тетей Пашей, ее дочерью и внучкой скрываются в одном из подвалов. Сестра просила каких-нибудь продуктов, ибо они уже неделю ничего не ели. Так, Рая Банькова, Леля Разумова ночами пробирались к моим родным и снабжали их продуктами.

Лишь спустя полтора месяца после массового расстрела Чехиркин-старший, обследуя пустующие в гетто дома, заглянул в подвал и увидел там моих родных. Мать просила его не выдавать их, ведь они работали в одном колхозе, никому зла не делали. Но Чехиркин сообщил своему сыну-полицая. Тот доложил начальнику полиции Исаенкову. Вскоре моих родных из подвала вытащили и привели на рыночную площадь, где заставили снять верхнюю одежду. Мать упрашивала Исаенкова оставить в живых хотя бы младшую пятилетнюю дочь Бэллочку, но Исаенков первым выстрелом убил девочку, а затем всех остальных. Куда вывезли трупы убитых, никто не знал, Исаенков одежду убитых забрал себе домой.

На следующий день я отправился к жене Исаенкова, мне так хотелось найти его и собственноручно расправиться с этим негодяем. Дом Исаенковых находился на нашей же улице, недалеко от нашего дома. Их дом немцы не сожгли. В доме я застал его жену и дочь Исаенкова, ровесницу моей младшей сестренки. Девочка была одета в ее одежду. Я рассвирепел, чуть не выстрелил в ее мать, но сдержал себя. Она ползала у моих ног, рыдала, говорила, что Исаенков давно уже их бросил и живет с другой женщиной. Где он сейчас, она не знает. Просила не трогать их, так как они ни в чем не виноваты. Я повернулся и выскочил на улицу. У меня была одна цель — разыскать Исаенкова. Органами НКВД уже были задержаны несколько изменников. Среди них был и учитель Космачевский, но Исаенков не значился. Кто-то говорил, что он успел убежать с немцами.

Коля Цыркунов мне сказал, что наша корова цела. Ее взяли люди, и она по сей день находится у них. Я пошел к этим людям с Колей. Они признались, что наша корова действительно была у них, но потом немцы ее отобрали, а эта корова ими приобретена была позже. Я посмотрел, действительно, корова была не наша. Коля шепнул, что просто они нашу корову сменяли на эту. Я просил Колю и тетю Полю взять корову себе, но они отказались. Тогда я пошел в сельсовет, где уже были какие-то начальники, и оставил заявление с просьбой, чтобы с образованием колхоза взяли нашу корову. У Баньковых я забрал семейный альбом, который им удалось сохранить, мне предлагали забрать еще ряд наших вещей. Я отказался, они мне были ни к чему, так как мне предстояло еще участвовать во многих боях и мстить фашистам за мучения и гибель моих родных.

В огромном горе, распрощавшись с соседями, я покидал родной поселок. Я подъехал к оврагу, месту расстрела, поклонился праху своих односельчан и мысленно дал себе клятву, не щадя своей жизни, отомстить врагу.

К вечеру я прибыл в свой полк. Меня обступили однополчане, стали расспрашивать, и я вдруг разрыдался, убежал в мою землянку. Вскоре мы получили приказ на наступление. После короткого митинга вышли в поход. Предстояло освобождение многострадального народа Белоруссии.

Уже в 1947 году, получив отпуск, я посетил свои родные места. В Монастырщине встречался с довоенными знакомыми и соседями. Однажды ко мне подошла девушка лет семнадцати. Я в ней почти сразу узнал Симу Черняк. Но как она выросла и похорошела, настоящая невеста! До войны я бывал у них в доме, дружил с ее старшим братом, отец ее работал сапожником в сапожной мастерской. Сима мне рассказала следующую историю. В феврале 1942 года, когда из гетто людей повели на расстрел, многие из них еще надеялись на какое-то чудо. Но его не произошло, а вот она, Сима, действительно чудом уцелела, воскресла из мертвых. Когда их раздели и поставили к краю оврага, раздались страшные крики и стоны людей, выстрелов она не слышала и упала в ров. Сколько она там пролежала среди трупов, она не знает. Очнувшись ночью, кое-как выкарабкалась из-под трупов. Ощупав себя, поняла, что цела, даже не ранена. Нашла кое-какое тряпье, одела на себя, окутала ноги и побежала по снегу в сторону ближайшей деревни. Подойдя к крайнему дому, постучалась. Открыла ей старая женщина, увидев ее в лохмотьях, испугалась и убежала в хату, но потом вернулась и втащила Симу в дом. Растерла ей ноги и тело, посадила на печь, где она отогрелась. Однако ужас все еще стоял в ее глазах, даже говорить не могла, но старушка поняла, с кем имеет дело, и сказала, что постарается спасти ее. Весь день Сима пролежала на печи, а ночью приехали на подводе и увезли ее в другую деревню, где никто ее не знал и принимали за приезжую родственницу. Приютили ее родственники той самой старушки.

В апреле 1943 года немцы собирали подростков из окрестных деревень, среди них оказалась и Сима. Их отправили в Германию на работу. Сима попала к фермеру, работала на ферме, а в 1945 году наши войска освободили угнанных в Германию советских людей. Сима вернулась домой. Но так как в Монастырщине у нее из родных никого не осталось, она уехала в Могилев, где жили ее дальние родственники.

Поведали мне и еще одну историю. В поселке Монастырщина жил бывший кадровый командир Лившиц. Он прибыл в поселок примерно в 1935 году. Был на партийной работе, последние несколько лет был председателем РАЙПО. У него были жена, прекрасная русская женщина, и двое детей. Когда началась война, Лившиц пытался уйти на фронт, но его непустили. Поставили задачу: как бывший кадровый военный он должен в случае оккупации организовать партизанский отряд. С этой целью в одном из ближайших лесов была строго секретно создана партизанская база, где находилось оружие, боеприпасы и продовольствие. В состав отряда райкомом партии и райкомом комсомола были подобраны партийные и просто советские активисты. С приходом немцев они должны были собраться у базы и действовать в составе партизанского отряда.

Монастырщина. На открытии памятника погибшим узникам Монастырщинского гетто 29 июня 1968 г.

Когда немцы вошли в поселок, кто-то из партизан предал их, выдал место партизанской базы и людей, оставленных для действия в отряде. Многие из них были схвачены и расстреляны. Лившицу удалось скрыться.

Потом его жена рассказывала. В начале октября 1941 года ночью к ней постучали в окно. Она посмотрела и еле-еле узнала своего мужа, обросшего густой бородой. Она подумала, где же его спрятать? Уже много раз к ней наведывались немцы и полицаи, требуя выдачи мужа. Грозили расстрелом всей семьи. Лившиц спрятался под полом. Многими ночами он вместе с женой рыл под полом туннель, а за ним просторную комнатку в земле. Жена приносила ему туда пищу. Иногда он выходил ночами, но даже дети не знали, что в доме под полом скрывается от немцев их отец.

Жена Лившица много усилий прилагала, чтобы найти хоть какие-нибудь связи и переправить мужа к партизанам, но ничего не находила. В поселке свирепствовали полицаи, и все их боялись, как огня.

Так проходили месяцы. Лившиц все находился в подземелье. Уже в 1943 году, когда чувствовалось приближение Красной Армии и близкое освобождение, Лившиц вдруг заболел брюшным тифом и в день освобождения поселка скончался.

В 1966 году в Монастырщине на собранные населением деньги на месте гибели монастырщинских евреев был установлен обелиск. Близко от него построили частные дома и надворные постройки. За обелиском никто не ухаживает, так как родственников погибших в поселке почти не осталось, а руководству до этого дела нет.

Июнь 1994 г.

ВРЕМЯ БЫТЬ, ВРЕМЯ ИСЧЕЗАТЬ

Записки офицера

А. Симкин

В Западной области, куда ранее входила Смоленская, в 52 километрах юго-западнее города Смоленска, в треугольнике, образованном в результате слияния трех небольших речушек: Вихры, Железняка и Лютой, на небольшом холме раскинулся зеленый, как оазис в пустыне, поселок Монастырщина. Монастырщина — районный центр. Основное занятие населения поселка, а оно, в своем большинстве, состояло из мещан и крестьян, мелкая торговля, ремесла и земледелие. Застройка поселка, как и большинства мелких селений России, осуществлялась беспланово, однако небольшие деревянные домишки составляли довольно прямые перпендикулярно пересекающиеся улицы. В центре поселка стояла кирпичная церковь, рядом с ней — пожарное депо с каланчей. Через дорогу — синагога. Недалеко от центра возвышались еще две деревянные церквушки, обнесенные металлическими оградами, обозначающими границы кладбищ. На этой окраине поселка, вблизи деревни Дудино стояли два двухэтажных здания.

Абрам Борисович Симкин

Одно — кирпичное, в нем размещалось отделение милиции и тюрьма, во втором, деревянном, паровая мельница. В этом же районе в кирпичном здании, ранее принадлежавшем местной управе, расположились райком ВКП(б) и районный исполком. В недавно построенных вблизи райкома деревянных домах — райвоенкомат, районная больница. В самом центре поселка, вокруг небольшой площади, составлявшей местный базар, раскинулась гирлянда мелких амбароподобных зданий: магазины, лавчонки, чайная, столовая и другие заведения. Центральная улица, идущая с севера на юг, была вымощена булыжником. По остальным улицам в пасмурные и дождливые дни пешеходы и лошади утопали в грязи. На северо-восточной окраине поселка на холме, сплошь заросшем стройными многолетними березами, в центре большого яблоневого сада стоял красивый каменный дом, принадлежавший местному помещику. Имение помещика, ранее называвшееся Голынщиной, впоследствии было передано под детский сад, затем под среднюю школу, но название «Голынщина» осталось на долгие годы. Березовая роща была единственным в поселке местом, привлекавшим летом, особенно в жаркие дни, свободных от работы и учебы молодых людей. Здесь проводились гулянья, отмечались всевозможные торжественные события. Роща была любимым местом не только

для людей, в ней находили пристанища многочисленные полчища птиц, особенно грачей, устраивавших свои гнезда на вершинах двадцатиметровых берез. Старожилы поселка говорили, что роща была высажена помещиком в честь своей дочери Оли. Это имя было высажено на холме многочисленными рядами березок, которые, благодаря хорошему уходу, выросли в прекрасную рощу. Недалеко от рощи несла свои воды небольшая, но очень извилистая речушка Лютая. Лютая, маловодная с быстрым течением, на поворотах образовывала большие глубокие заводи, где водилась всевозможная рыба. Лютая была излюбленным местом мальчишек, любителей-рыболовов. Особенно много в Лютой было раков, которых ловили обычно ночью при помощи подвесной сеточки, с приманкой. Некоторые ловили их днем под корягами и в норках, однако, такой способ лова зачастую заканчивался трагически. Дело в том, что вдоль берега, на уровне воды, устраивали свои норы водяные крысы, и, ухватив вместо рака водяную крысу, любитель-раколов оставался с искусанной рукой или пальцем. Лютая впадала в Вихру. Вихра, более многоводная и глубокая река, была прекрасным местом купания монастырчан, однако и купаться следовало только в хорошо разведанных местах. Почти ежегодно в Вихре тонули люди, не знавшие коварных водоворотов, встречавшихся на реке довольно часто. Вихра изобиловала рыбой. В реке, значительно заросшей водорослями, водились: щука, лещ, карась, плотва, сазан, окунь и даже сом, но поймать рыбу на удочку было не так-то просто, пищи ей в реке хватало, и приманка удильщика ее не привлекала. Зато весной, во время нереста, рыболовы расставляли мережки, сети и многие другие приспособления и уловами наводняли местный рынок. Западную окраину поселка омывали воды речушки Железняк. Железняк, небольшой ручей с топкими болотистыми берегами, после устройства плотины и водяной мельницы на реке Вихре превратился в широкую, сплошь заросшую водорослями и тростником, но неглубокую и топкую реку. Правда, на отдельных участках основного русла глубина достигала 3-х метров. Купаться в реке можно было только у моста и в районе д. Дудино, где были большие заводи с крепким песчаным дном. Благодаря сплошным травянистым зарослям в реке водилось много рыбы. Для того чтобы поймать ее, нужно было выкашивать большие площади травы и только потом заметать небольшим неводом. Обычно первый замет давал десятки килограммов рыбы, последующие — меньше. Характерно, что много пойманной рыбы оказывалось израненной косами, что говорило о ее изобилии. На Железьяке устраивали свои гнездовья дикие утки, гуси и другая водоплавающая дичь. Каждую осень пойма Железняка становилась ареной для приезжих охотников, своих в округе было очень мало. Весной, в период интенсивного таяния снега, Железняк из тихой, кроткой, почти безжизненной речушки превращался в бурный и грозный поток. Река заливала большие площади земли. Многие дома, расположенные в низких местах, оказывались в

воде по самые окна. На период паводка люди, скот и имущество жителей, дома которых затопляло водами Железняка, эвакуировались в безопасные места, обычно к своим родственникам или близким знакомым. Настоящим местом сражения человека с Железником становился деревянный мост через реку на дороге, ведущей в Красный. Скопившиеся льдины образовывали у моста заторы, быстро поднимавшийся уровень воды с огромной силой давил на сваи моста, и если не удавалось расчистить затор, сносило верхнюю часть моста или, в лучшем случае, размывало близлежащую дорожную насыпь. Сразу же после ледохода уровень воды в реке резко понижался, и начинались восстановительные работы. Большой проблемой поселка была топливная. Отсутствие в районе лесов вынуждало основным топливом считать торф. Как правило, каждое лето наиболее молодые и сильные мужчины отправлялись на ближайшие болота, где вручную, с помощью специальных металлических лопат, копали, а затем сушили торф. За летние месяцы торф высыхал. Централизованной заготовки торфа для населения не велось. Немудрено, что для растопки торфа населением принимались меры добывания древесины. Вырубались кустарники, собиралось на зиму все, что могло гореть, вплоть до отходов льнозавода — костры. Прилегающая к поселку местность представляла собой резко пересеченную оврагами и холмами равнину. Отдельными зелеными островками хорошо вырисовывались близлежащие деревушки, с домами, преимущественно крытыми соломой, и покосившимися надворными постройками. Близлежащий лесной массив, откуда завозился строевой лес, был расположен в 80 км, в районе станции Гусино. В семи километрах от поселка был небольшой лесной массив под названием «Липник». Это молодой лесок, площадью примерно 4 кв. километра, состоящий из ели, березы, осины и различных пород кустарников. В «липник» из поселка ходили за грибами и ягодами, вырезали хворостины для удочек и охотились на зайцев. Хотя всего этого в «липнике» было немного, но сам поход в так называемый лес составлял большой интерес. В самом поселке зеленых насаждений было мало. Как правило, кладбища, церкви и ограды садов у отдельных домов выделялись обилием зеленых насаждений: березы, клена, ясеня, липы. У каждого дома в поселке имелся огород, на котором выращивались овощи и картофель, но немногие жители интересовались садоводством, и садов было немного.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Монастырщине, как и во всей стране, началось наступление на капиталистические порядки и пережитки. Закрылись церкви и синагога, запрещена была частная торговля. В церкви организовали клуб, в здании синагоги — кинотеатр. Открылась неполная средняя школа. Всему этому предшествовала большая борьба нового со старым. В поселке образовывались всевозможные политические течения, одни поддерживали и осуществляли решения Советской власти, другие вели скрытую

подрывную работу против ее решений, но большую часть составляли люди, которых политика совершенно не интересовала.

Постепенно, год за годом, жители поселка стали включаться более активно в работу по строительству социалистических основ в районе и поселке.

В 1928 году, когда еще существовали мелкие торговцы, со своими многочисленными лавочками, процветали спекуляции и частная собственность. Однако и этому периоду наступил конец. В 1929 году в поселке и прилегающих к нему деревнях началась коллективизация сельского хозяйства. Беднейшее крестьянство и значительная часть середняков вступали в колхозы охотно, на добровольных началах, но богатая часть крестьян, кулаки, всячески препятствовали созданию коллективных хозяйств, агитировали против них. Обстановка в районе резко обострилась, начались поджоги, уничтожение скота, появились бандитские шайки, угрожавшие местным органам власти. В этой обстановке жестокой классовой борьбы на деревне и было принято решение о выселении кулаков в отдаленные районы страны. В 1929–1933 гг. кулаки выселялись вместе с семьями в Сибирь. Им разрешалось брать с собой скотину и движимое имущество около тонны весом. В поселке Монастырщина было создано два колхоза. Один — небольшой, в который вступило около 50 семей, в основном мещан. Колхоз расположил свое хозяйство на восточной окраине поселка. Второй — «Путь Ильича» — объединил основную часть населения поселка и деревни Дудино. Это было, в основном, еврейское население, занимавшееся сельским хозяйством.

Председателем колхоза был избран коммунист, хороший организатор Хайкин, который успешно возглавлял колхоз до начала Великой Отечественной войны. В период оккупации он был зверски замучен.

Пос. Монастырщина и прилегающие к нему населенные пункты стали пристанищем моих предков. Отец мой Борис Менделевич родился в 1900 году в п. Монастырщина в домике, стоящем у самого берега реки Железняк. У него была сестра Паша, старше его на 2 года. Мой дедушка, отец моего отца, работал на мыловарке. У него было и свое хозяйство: дом, корова, лошадь, а в придворных постройках водилась и кое-какая мелкая птица: куры, утки и даже гуси. Отец мой был способным мальчиком и, успешно закончив начальную школу, стал помогать своему отцу по хозяйству. После революции отец вместе с дедом приобрели участок земли и занялись сельским хозяйством. В 1920 году отец женился. Свою молодую жену (мою мать) он привел домой, где и без нее было очень тесно. Домик состоял из маленькой прихожей, кухоньки с огромной русской печью, занимавшей чуть ли не половину площади дома, общей комнаты и двух маленьких, досками отгороженных, комнатук по 5 кв. метров каждая. Отцу и матери выделили одну комнатук, где они начинали свою совместную жизнь. Вскоре вышла замуж за сапожного закройщика Дурнова Бориса сестра

отца. Она ушла из отцовского дома, что немного смягчило жилищную проблему.

Моя мама, Софья Юльевна, до замужества Райскина, родилась в 1902 году в одной из деревушек, недалеко от поселка Монастырщина, в семье приказчика одного мелкого поместья. Отец ее работал у помещика благодаря знанию грамоты. Он был очень хорошим человеком, и его очень любили, за что он попадал в немилость к своему хозяину.

Большая нужда в семье матери, а у нее было еще 4 сестры и 4 брата, мал мала меньше, вынуждали отца ее унижаться перед помещиком и выполнять все его прихоти.

В 1916 году от тяжелой болезни умерла мать большого семейства. Мой дедушка, оставшись вдовцом, вынужден был оставить службу и переселиться в Монастырщину, где вскоре женился на довольно состоятельной женщине, решившей стать матерью девяти совсем чужим детям. В трудных условиях жизни они все же смогли дать всем детям образование и вывести их в люди. Так жила моя мать до своего замужества. Моя мать была тихой и кроткой женщиной, она всегда всех жалела, отдавала бедным свой последний кусок, всю свою жизнь привыкшая подчиняться чужой воле, она до последних дней своих без устали трудилась, не разгибая спины своей. И отец мой, и особенно мать отца, болезненная и очень нервная женщина, возложили на мать все хозяйство по дому и женскую работу в поле. Бабка требовала от нее беспрекословного повиновения, беспрестанно жаловалась на нее отцу, а отец, очень ревнивый и довольно жестокий по отношению к матери человек, даже иногда избивал ее. Мать, привыкшая к трудной жизни, считала это нормальным явлением и никому не жаловалась, да и кому жаловаться-то, ведь никто и не поможет.

В 1921 году мама родила первенца — девочку. Но недолго пришлось ей испытать радость материнства. Через полгода девочка заболела воспалением легких и умерла. Это было первым тяжелым потрясением для матери. Чтобы заглушить свое горе, она больше окунулась в работу. К этому времени тяжело заболела бабушка (ее парализовало), к повседневному труду по хозяйству прибавилась еще и работа по уходу за бабушкой. Шли дни, в 1922 году родилась моя старшая сестра Паша, в 1923 родился я — Бома, в 1925 — сестра Фаина и в 1927 — сестра Мария. В течение 6 лет семья прибавилась на 4 человека. В доме стало тесно, а иногда и голодно. В 1928 году умерла бабушка. Хотя и много неприятностей натерпелась мать от бабушки, даже от парализованной, однако она сильно переживала ее смерть и долго не могла прийти в себя после случившегося. Тем не менее, смерть бабушки несколько облегчила участь матери, она стала больше уделять внимания детям. Дедушка вновь устроился на работу на мыловаренный заводик, отец занимался сельским хозяйством, а зимой ездил в извоз по доставке грузов из г. Смоленска в сельпо. Хотя и не были мы голодны, но жили бедно. Одевались плохо, особенно летом.

Зимой надевали шубы и валенки, благо свои овцы были, а в другое время года одеть было нечего, особенно из обуви. Дети, как правило, бегали босиком, а в прохладные дни сидели дома. Основной пищей был картофель. Хлеб с картофелем, блины из картофеля и все из картофеля. Сахар, конфеты-леденцы — большая редкость и величайшее лакомство. Часто не было соли, керосина и совершенно не было мануфактуры.

В 1929 году, в период коллективизации, отец после некоторых колебаний по уговору матери и против воли деда вступил в колхоз. Отвез плуг и борону, телегу и упряжь, все это вместе с лошадью сдал в колхоз, пришел домой и сказал, что теперь мы совсем нищие. Вскоре во вновь созданном колхозе началась работа. Мой отец сначала работал на разных работах, затем его назначили заведующим молочно-товарной фермой, где в то время, кроме 10 коров, ничего не было. Нужно было все начинать сначала.

Из нескольких старых сараев был построен коровник на 50 голов скота, обнесен забором загон, построено помещение для оборудования фермы и обработки молока. При ферме было 15 га земли, на которой силами работников выращивались турнепс, брюква и другие культуры, обеспечивавшие сочный корм скоту. Дела фермы с каждым годом улучшались. Отец вкладывал в работу все свои силы и душу, уходил на работу с рассветом, приходил поздно ночью, а в период отела коров зачастую и ночевал там. Обедать ему носили мать или старшие дети. Все тяготы домашнего труда на приусадебном участке, воспитания детей ложились на мать. Кроме этого, она отработала в колхозе необходимый минимум трудодней. Наступил 1933 год. С ранней весны до поздней осени шли проливные дожди, все посеы вымокли, да и то незначительное, что уродилось, невозможно было убрать. Над Смоленщиной нависла угроза страшного голода. Именно в этом году нашей семье повезло. Дело в том, что приусадебный участок в 0,40 га, выделенный нам колхозом, находился на возвышенности, почва была песчаной. Если в хорошие годы с него собирали весьма низкие урожаи картофеля, то в 1933 дождливом году у нас выдался невиданный урожай, более 450 пудов картофеля. Отца колхоз направил на годичные курсы животноводов при райзо с сохранением среднегодовой нормы выработки трудодней. У отца появилось много свободного времени, стал он помогать матери по хозяйству, больше уделять внимания семье.

Однажды уже после уборки урожая картофеля с приусадебного участка у отца возникла идея купить свой дом. С этой целью он договорился с дедушкой о продаже его дома. Было также решено продать годовалую телку, большую часть картофеля и на вырученные деньги купить подходящий дом, обеспечивающий нормальные условия жизни.

Такой дом был на примете, его продавал овдовевший старик, который уезжал к своим детям в Ленинград. После довольно долгих торгов дом был оценен в 5000 рублей. Дедушка продал свой дом за 2000 рублей, были проданы

картофель и телка, но не хватало еще 500 рублей. Старику нужно было срочно уезжать, а других покупателей не было, и он согласился недостающие 500 рублей получить не позднее июня 1935 года. Так мы в октябре 1933 года переселились в добротный дом, под железной крышей, с крыльцом и чуланом. При доме был двор, огороженный дощатым забором, во дворе сарай и амбар, крытые железом, большой огород. Дом представлял собой пятистенку из соснового леса. Пять окон дома выходили на уличную сторону, на юг, 4 окна — на огород, на север. Планировка дома следующая: при входе справа — большая русская печь, за печью к северной стенке небольшая кухонька, за печью к западной стороне — комнатка, при входе с левой стороны — небольшая комнатка, за ней до западной внутренней стены — передняя, где стояли стол и скамейки, вмонтированный в стенку посудный шкаф. В передней обычно мы принимали пищу. За внутренней стеной — зал 3х5 метров. Правая часть зала отгорожена дощатой перегородкой. В свою очередь, отгороженная часть разделялась на две половины высокой кирпичной печкой, образуя две спальни. В угловой дальней спальне стояли кровати отца и матери. Это была их комната. Ближняя спальня была отведена девочкам, бабушке — комната у русской печи. Я спал на кушетке, стоявшей у внутренней стенки залы. В дальнейшем после смерти отца в 1938 году две комнаты передней части дома мать сдавала на период учебного года школьникам, приезжавшим на учебу из дальних деревень. После тесноты, в которой мы жили в доме бабушки, в новом доме мы себя считали на «седьмом небе». Однако материальное положение, особенно продовольственное, значительно ухудшилось. На трудодни семья вместо обычных 2 кг получала по 200 граммов хлеба и 0,5 кг картофеля, немного гречневой крупы, немного соломы и мякины. Мать пекла хлеб с картошкой. Всю живность: поросенка, овец, кур — пришлось зарезать, ибо нечем было кормить. Надо было во что бы то ни стало сберечь корову, дотянуть ее до весны, до появления травы. Еще хуже обстоял продовольственный вопрос в ближайших деревнях, где на трудодни из колхоза вообще нечего было выдавать. Люди пухли от голода, многие бросали свои дворы и уезжали в другие регионы страны. Но вот минул голодный год. В июне 1934 года отец успешно сдал экзамены, получил диплом животновода и за отличную учебу был премирован хорошей библиотечкой ветеринара-животновода. Вернувшись на ферму, отец поставил работу на научную основу и через год добился отличных результатов. Осенью 1935 года возглавляемая им бригада животноводов была объявлена ударной, фотографии бригады занесены на доску почета и появились в районной газете. Вдохновленный столь высоким званием ударника труда, отец стал отдавать всего себя работе, проводил всевозможные эксперименты, ставил перед собой цель обновления поголовья скота на наиболее продуктивную породу — Швиц. Дома он появлялся, когда уже все спали, и с рассветом уходил. В июне 1936 года семья наша увеличилась еще на одного человека. Родилась

четвертая сестренка — Беллочка. Отец был к ней очень привязан, все свое свободное время и любовь он отдавал ей, все время носил ее на руках. Несмотря на незаурядную физическую силу, отец вскоре стал жаловаться на утомляемость, боли в суставах. На советы обратиться к врачу посмеивался и говорил, что это пройдет и никаких врачей ему не нужно, и он их не признает. Чрезмерное физическое, а порой и нервное напряжение привели к тому, что в марте 1937 года отец от сильного приступа ревматизма слег. Приглашенный к нему старенький, но очень опытный врач Златин определил ревматизм с осложнением на сердце и предупредил, что необходим полный покой и что после улучшения работать на физических и умственных работах запрещается. Отец проболел 3 месяца, но чувствовал себя неважно. Встал вопрос, чем же ему заниматься? О возвращении на ферму, а он рвался туда, и речи быть не могло.

В 1937 году в поселке проводились репрессивные меры, как правило, ничем не обоснованные. Многие лучшие люди, преданные Советской власти, были арестованы. Арестован и муж сестры отца Борис Дурнов — лучший закройщик сапожной мастерской. Впоследствии выяснилось, что арестован он был по доносу секретаря сельского Совета Марьяхина, по специальности тоже закройщика, якобы за то, что он агитировал сапожников против подписки на заем. Фактически никто этого не слышал и этого не было. Однако Дурнов был осужден и отправлен в лагеря под Архангельск. В 1939 году он там от болезни желудка скончался.

Отец мой был сильно расстроен арестом шурина. Зная Дурнова как преданного, передового рабочего, он не мог постичь смысла такой вопиющей несправедливости. Затем он сам стал опасаться подобной участи и решил на время уехать к своим дальним родственникам на Украину. Там он пробыл до конца сентября. Домой он вернулся не с пустыми руками, ему на Украине подарили пятиминутный фотоаппарат и научили фотографировать. Но не долго ему довелось работать фотографом. Болезнь его прогрессировала. В октябре 1938 года отец простудился и заболел воспалением легких. Проводимое лечение видимого улучшения не дало. Врач решил отправить его в больницу в г. Смоленск. В середине ноября на нанятой повозке, укутанного в валенки, тулуп и шапку отца повезли в Смоленск, но с середины пути, из-за снежных заносов и сильной метели, пришлось вернуться домой. Состояние здоровья отца все ухудшалось, он уже и лежать не мог, а находился в сидячем положении, сильно похудел, зарос. Врач на месте был бессилён чем-нибудь ему помочь, отец «таял» прямо на виду. Мать совсем измучилась. Сестра его, тетя Паша, приходила на ночь дежурить, а я уходил ночевать к ним. Однажды, а это было в начале декабря 1938 года, я ночевал у тети Паши, а она дежурила у постели отца. Проснувшись утром, я услышал плач тети Паши, меня как током ударило. Быстро вскочив с постели, я подбежал к рыдавшей тете. Она мне прошептала, чтобы я бежал домой, что отца уже нет, он умер.

Сейчас я могу признаться, что отца я своего недолюбливал.

Я считал, что он ко мне несправедлив, что к моим сестрам не придирается, а мною все время интересуется. Ежедневно он спрашивал у матери: помогал ли я ей по хозяйству, не шалил ли и если узнавал, что я что-нибудь натворил или не выполнил, или долго гулял с ребяташками, начинал ругать и избивать. Сначала я, поплакав, мирился с таким отношением, но, став постарше, с побоями мириться не мог и затаил в себе неприязнь к отцу. Я старался не попадаться ему на глаза, однако он был нашим кормильцем, и с этим нельзя было не считаться. В противоположность отцу, мать мне все прощала и очень жалела, когда начиналась очередная экзекуция, она просила отца, чтобы он меня не бил, пыталась защитить меня, но отец ее отталкивал и требовал, чтобы она в мое воспитание не вмешивалась. Он, по его словам, с меня «выбивал дурь и лень», хотя ни того, ни другого, кроме него, никто за мной не замечал, да и я этого не чувствовал за собой. Мне очень много приходилось помогать матери по хозяйству и я, в меру своих сил, старался облегчить ее труд, но и любил пошалить, погонять мяч, побороться или подраться с ребяташками, как и все мальчишки моего возраста. Ну и, конечно, случалось: то нос разобьют до крови, то штанишки или рубаху разорвут, то, загулявшись, поздно домой возвратишься. Почти все это не оставалось без отцовского возмездия.

Узнав о смерти отца, я прибежал домой. Отец уже лежал на полу на постланном одеяле. Из рта у него еще струилась кровь и что-то хлюпало. Мне сначала показалось, что он еще жив, но бездыханное тело его говорило, что неминуемый исход болезни наступил. И вдруг мне так жалко стало отца, какой-то комок подступил к горлу, и у меня начались какие-то истерические рыдания без слез, и я упал на пол. Меня положили на кушетку, вызвали врача. Врач сказал, что у меня сильное нервное потрясение и что мне нужно несколько дней лежать в полном покое. Отца похоронили без меня, я пролежал больше недели, но и встав с постели, чувствовал еще долго какую-то слабость, недомогание.

Мать мне говорила, что перед смертью отец подзывал меня, хотел что-то сказать, но меня не было дома, и он сказал, что умирает в тяжких муках, но нам будет еще труднее, и чтобы она опиралась на меня. Сейчас я констатирую, что его последние слова оказались пророческими, о чем я напишу позже.

И вот я стал единственным трудоспособным мужчиной в семье, то есть главой семьи, мне тогда было 15 лет. Правда, с нами жил дедушка, который физически работать не мог, но давал дельные советы по хозяйству, а иногда и сам помогал накормить скотину, истопить печь, содержать в порядке двор.

Конечно, я не смог сразу стать полной опорой для матери, но после смерти отца мои взгляды на необходимость моей помощи в корне изменились. На меня надеялись и видели во мне какую-то надежду. Я старался ее оправдать и все свободное от школы время помогал матери по хозяйству. В период каникул, особенно с наступлением лета, работал в колхозе. Мне в колхозе шли навстречу

и всегда находили посильную работу. Особенно часто приходилось перевозить на повозке всевозможные грузы: навоз, корм скоту, зерно и другие. Очень часто я помогал матери на птичнике, а иногда полностью подменял ее. Матери было очень трудно. Весь день на работе в колхозе. Рано утром подоить корову и накормить скотину, приготовить пищу семье, испечь хлеб на неделю, постирать, убрать, сшить или подлатать детям одежду, и множество других дел. Сейчас, вспоминая ее огромный труд, я удивляюсь, как она, небольшая худенькая женщина, справлялась со всеми делами. Я не помню, когда она ложилась спать и вставала. Обычно все уже спали, а она штопала носки или шила. Летом в 4.00, зимой в 6.00 утра она меня обычно будила гнать корову в стадо или помочь ей управиться со скотиной.

Нет сомнений, что девчонки ей по дому помогали, они мыли и убирали полы, стирали, много делали на огороде. Однако все наши усилия не смогли возместить материальные трудности, возникшие со смертью отца. Встал вопрос, чтобы я стал главной опорой для семьи, нужно было найти для меня постоянное занятие, которое улучшило бы хотя бы наше материальное положение. Но не будем забегать вперед.

Итак, 23 декабря 1923 года, в знакомой уже вам семье, в один из самых коротких дней и длинных ночей года, не знаю точно, днем или ночью, но скорее всего ночью, родился мальчик, которого назвали Абрамом (Бом). Мое рождение было радостным событием для отца и матери. Сын — это наследник, мужчина, первый помощник в семье, тем более что девочка уже была, моя сестра — Паша, которой уже исполнилось полтора года. Трудно я рос. Говорят, что я переболел всеми детскими болезнями, а когда болел дифтерией, то все надежды на мое спасение были возложены на судьбу, и как видно, она была ко мне благосклонна. Я рос, а вместе со временем и ростом из меня вырисовывался совсем обычный, как и все вокруг, мальчишка, любивший шумно поиграть, пошалить и где-нибудь и что-нибудь набедокурить. Из раннего детства мне помнится, как мы играли в прятки, лазили под амбар, бегали босиком по лужам, особенно после дождя. В зимнее время любимым местом была русская печь, где был постлан овчинный полушубок, тепло, и все видно, что делается в доме. Когда мне исполнилось 5 лет, родители устроили мне именины. Помню, как приходили тети и дяди, гладили меня по головке и давали мне конфеты. Конфеты я брал с большим удовольствием, прятал их в сундучок, и когда сестренка у меня очень вежливо просила, я ей по полконфетки давал. Когда мне исполнилось 6 лет, меня определили в детский сад, который размещался в березовой роще, в бывшей помещицкой усадьбе. Функционировал он только в летнее время. Мне там очень нравилось. Там давали кашу с молоком и чай с сахаром, устраивали всякие игры. Но однажды я не поладил с одним мальчишкой, и мы подрались. Он меня ударил в нос, и у меня пошла кровь. Решив ему отомстить, я поднял камень, бросил в него и попал в голову, мальчик

упал и заплакал. Потом вызвали мою маму и сказали, чтобы она меня забрала и больше не приводила, так как я большой хулиган, что я пробил камнем мальчику голову. Мама увела меня домой, дома меня отец сильно побил, но больше в детский садик меня не водили. Мы жили рядом с речкой Железняк. С ранних лет я научился плавать и все теплые дни лета пропадал на реке, ловил корзинкой рыбешек, купался и с дядей-рыбаком плавал на лодке. Дядя-рыбак жил недалеко от нас на берегу реки. Его главным занятием было сапожное дело, но, пожалуй, больше дохода у него было от рыбной ловли. У него было несколько лодок и домик на острове напротив нашего дома. Я почти ежедневно поджидал его, когда он ездил проверять расставленные по реке мережки. После долгих просьб он иногда брал меня. Я был очень рад, что дядя-рыбак брал меня в лодку и старался всеми силами ему помочь. Радости моей не было конца, когда в мережки попадало много рыбы, и дядя-рыбак давал мне одну большую или несколько малых рыбешек. Я бежал домой, отдавал их матери, а она меня похваливала и говорила, что пожарит мне рыбы, а иногда и всем к обеду.

Рядом с нашим домом, на самом берегу реки, стояла кузница. Владелец ее — Райцин. Они жили на нашей же улице, только намного выше. У них был сын Матвей, с которым я рос и дружил. Любимым нашим занятием было смотреть, как его отец из кусков железа выделывал всевозможные нужные вещи. Мы ему помогали качать меха, подносили воду. Иногда я чумазый приходил домой и получал от отца взбучку, но ходить в кузницу продолжал.

В неполных 7 лет меня отдали учиться в первый класс начальной школы. Школа тогда была организована на базе начальной школы, принадлежавшей Эркину.

Эркин — директор школы, был уже старым, опытным и очень строгим учителем. У него были старые привычки грубого и очень строгого общения с учениками. Школа была в большом деревянном одноэтажном доме на противоположном конце поселка. Я не помню первых дней пребывания в школе, смутно вспоминаю, как я боялся учителя и не хотел ходить в школу. Эркин бил нас линейкой по голове и рукам, нельзя было пошевелиться, не говоря уж о баловстве. Дома я усердно выполнял все задания и считался хорошим учеником. В школе Эркина я проучился два года. В 1932 году в поселке построили семилетнюю школу, с большими светлыми классами. Школа Эркина была закрыта. Я не помню, как звали нашу учительницу, она была еще молода и очень старалась вложить в наши головы как можно больше знаний. Она обращалась с нами просто и вежливо, и мы ее очень любили и уважали.

В новой школе началась и новая жизнь, были организованы всевозможные кружки: хоровой, драматический, спортивные секции.

У меня был хороший голос, да и вообще я очень любил петь, немудрено поэтому, что я охотно вступил в хоровой кружок. Кружок возглавляла одна молодая учительница, Непомнящая Оля. Жила она с мужем, заведующим

учебной частью, в школьном доме и все свое свободное время занималась с кружком. В кружке изучались ноты и классические произведения, и самые простые советские и народные песни. Хор нашего кружка выступал не только в школе, но и на многих самодеятельных концертах. Никогда не забуду овации, устроенной нашему хору, выступавшему с концертом на районном съезде колхозников-ударников в 1935 году. Мы исполняли песню «Запрягайте, хлопцы, коней», я был запевалой и мне нужно было выйти вперед и стать посреди сцены. Я так волновался, особенно мне стало страшно, когда я посмотрел в переполненный зал, но мне подали знак и я, сначала робко, но потом во весь голос запел. Я старался не смотреть в зал, а смотрел куда-то в дальний угол и в потолок, и мне казалось, что в театре (а он был в здании бывшей синагоги), кроме меня и нашего хора, никого нет. Хор подхватил припев, затем я снова запевал. Когда песня была спета, наступила необыкновенная тишина. Я подумал, что провалился, и пение мое никому не понравилось, но вдруг раздался гром аплодисментов. Я быстро поклонился и убежал на свое место в хоре. Меня вновь вызывали, но я очень боялся выйти, тогда учительница взяла меня за руку и вытащила меня на сцену. Я упирался, говорил, что стесняюсь, но она меня все уговаривала, что так нехорошо и что когда просят, нужно выйти и вновь поклониться. Так я и сделал. Затем мы исполнили еще несколько песен, и концерт был окончен. С того памятного дня я слыл в школе незаурядным исполнителем, и без меня не обходился ни один школьный самодеятельный концерт. Вообще-то в нашей семье все хорошо пели, особенно мать и старшая сестра Паша. В школьном хоре я состоял до 8-го класса, то есть до 1938 года. Затем, перейдя в вечернюю школу, расстался и с хором.

Я вспоминаю свои школьные годы как самые лучшие и счастливые годы моей жизни. Учеба мне давалась очень легко. Заданные на дом уроки я выполнял тут же на уроках, дома я никогда не делал. Когда меня спрашивали, почему не делаю уроков, отвечал, что все уроки уже сделаны. Частенько мама с помощью старшей сестры проверяла достоверность моих слов и, убедившись в их правдивости, удивлялась, когда же я успел сделать.

Однако я не был отличником, хотя учился хорошо и вполне мог бы им стать. Мои сестренки все были отличницами, но занимались они очень много дома, особенно Маша. Она зубрила все уроки наизусть, иногда не понимая, в чем смысл зазубренного.

Я наоборот никогда не зубрил, а старался вникнуть в смысл изучаемого предмета. Когда мне это удавалось, а это в большинстве случаев было именно так, то изучаемый материал запоминался надолго.

Особенно хорошо я относился к химии и литературе. Это были мои любимые предметы. Я превосходно решал задачи по химии, запоминал самые сложные формулы. Много читал литературы, особенно любил Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого. Стихи Пушкина, Лермонтова и Некрасова очень быстро

запоминались, иногда я их заучивал бессмысленно, не понимая сути текста. Уже много позднее я, перечитывая эти стихи, стал понимать их глубокий смысл и восторгался величайшим талантом этих могучих людей.

Математику и физику я не любил, но понимал, что если внимательно не прослушать объяснение учителя на уроке, пропустить какое-либо действие, то потом его не наверстаешь. Поэтому я на уроках математики был очень внимателен, и сразу же после урока, по свежей памяти, решал заданные на дом задачи: по алгебре, геометрии, тригонометрии и физике.

Школа наша была деревянной, стояла она на углу двух улиц буквой «Г». У школы был небольшой двор, огражденный штaketным забором. Во дворе несколько спортивных площадок: для игры в волейбол, городошная площадка и места для прыжков в длину и высоту.

Есть ли на свете хоть один мальчишка, который бы не хотел быть хорошим спортсменом? Вряд ли. Я тоже упорно занимался спортом, бегал и прыгал, поднимал штангу и хорошо играл в волейбол, но рекордов никогда не устанавливал. Участвовал во всех школьных спортивных соревнованиях, сдал нормативы на значки БГТО, Осавиахим, Ворошиловский стрелок.

Хорошая спортивная площадка была устроена возле церкви (в то время — дома культуры). В пределах церковного двора размещались футбольное поле, волейбольная площадка, места для прыжков, беговая дорожка. На гимнастической площадке были установлены турники и брусья, городок с лестницами: вертикальной и наклонной, канатом и шестом. В доме культуры были отведены места для поднятия тяжестей (штанги и гирь). Все это создавало условия для занятия спортом, и большинство молодежи вовлекалось в спортивные секции. Но отсутствие тренеров или лиц, могущих их заменить, приводило к тому, что занятия проводились методически не правильно. Я перепробовал все виды спорта, предпочтения никакому виду не отдал.

Однажды, при подъеме на брусьях, у меня что-то «треснуло», я почувствовал очень сильную боль в передней части грудной клетки, но терпел, не показывая вида, ведь ребята, которые при этом присутствовали, могли меня засмеять. Я под каким-то предлогом ушел домой и долго после этого не мог подняться на брусья. Однако спортплощадки у дома культуры никогда не пустовали, и я старался постоянно заниматься спортом.

В летнее время, когда наступали сумерки, мы обычно собирались на поповском лугу. Поповским он назывался потому, что когда-то принадлежал попу, дом которого стоял здесь же недалеко. На этом лужку был очень хороший травяной покров, где можно было кувыраться, бороться и валяться. Здесь-то мы и устраивали игрища. Разделялись на две группы и наступали друг на друга. Если большинство мальчишек одной группы повалят своих соперников второй группы, считалось, что они побеждали. Тогда победители садились на спины побежденных и ехали с конца поповского лужка, а это метров 200. Отец мне

запрещал участвовать в этих играх, но мог ли я устоять перед таким соблазном, когда все мои приятели в них участвовали.

Однажды, когда я возвращался домой часов в 12 ночи после очередных игр на поповском лугу, меня встретила сестренка Мария и сказала, что отец требует, чтобы я немедленно пришел домой. Я понял, что меня ждет неприятный разговор. Когда я вошел в дом, отец встал с лавки и пошел мне навстречу. Ничего не говоря, он размахнулся и со всей силой ударил меня ладонью в левую щеку. Я упал, но тут же вскочил, чтобы бежать, но он схватил меня за руку и начал бить по лицу, голове так, что я думал, что уже не встану. Все это произошло так быстро, что я не успел заплакать. Кое-как мне удалось вырваться из его рук и выскользнуть на улицу, где я из-за боли и обиды дал полную волю слезам. Я решил больше домой не возвращаться. Сначала я около часа бродил по поселку, все думал, куда бы уехать, но не имея никакого жизненного опыта, нигде, кроме своего поселка, где я жил, ничего на свете не видел, решил, что лучшим убежищем будет дом дедушки, который находился в конце Советской улицы, реки Вихры. Я побежал к дедушке. Дедушка уже спал, но на мой стук открыл. Когда он спросил, в чем дело, почему я так поздно пришел и что случилось, я ничего не мог сказать и разрыдался. Он взял меня под руку и завел в дом. Когда я пришел в себя и высказал свои обиды на отца и сказал, что я больше туда не вернусь, дедушка стал меня успокаивать, а бабушка принесла кусок сладкого торта. Я торт съел, немного успокоился, и меня уложили спать. Уже сквозь сон я услышал стук в окно. Когда дедушка открыл, в комнату вошла моя старшая сестра и со слезами на глазах сказала, что я пропал и дома очень волнуются, особенно мама, и что она боится, не утонул ли я. Затем она стала рассказывать, как отец меня избивал. Узнав, что я цел и нахожусь у них, сестра обрадовалась и тут же побежала домой. На следующий день после завтрака я понял, что оставаться у дедушки как-то неудобно. Рассчитав по времени, когда отец находился на работе, я пошел домой, украдкой вошел в дом. Дома была мама, она меня увидела и заплакала, стала ощупывать и спрашивать, что у меня болит, приговаривая, что отец меня больше бить не будет, и убегать из дома вовсе не надо, и что мне тоже следует слушаться отца и поздно домой не приходить.

После этого памятного вечера я некоторое время вел себя примерно, но потом снова включился в активную мальчишескую деятельность, однако об отцовских побоях помнил и затаил на него обиду.

Недалеко от дома культуры на Советской улице, там, где начиналась целая вереница магазинчиков, стоял небольшой домик, в котором жила моя тетя, сестра отца. Муж ее Дурнов Борис работал закройщиком в сапожной мастерской. У них было двое детей: дочь — Муся, 1919 года рождения и сын Хаим, 1920 года рождения. Жили они хорошо. Глава семьи хорошо зарабатывал, да еще дома прирабатывал. Тетя Паша у нас была постоянной посетительницей,

помогала матери по хозяйству и нянчила детей. Мы к ней так привыкли, что звали ее тетя-мама, так это прозвище за ней и закрепилось. Как-то я зашел к тете-маме и увидел у них в прихожей новенький велосипед. Я спросил, чей это велосипед. Она сказала, что купила его для Хаима за 150 рублей. Свободно велосипеды тогда не продавались, а только на хлебозакупки. Как им удалось его купить, я не знаю. Увидев велосипед, я потерял покой. Мне страстно хотелось научиться кататься, но велосипед-то не мой. Я стал ежедневно ходить к тете-маме, вместе с Хаимом выкатывали велосипед на улицу, и он, очень быстро научившись ездить, уезжал кататься, а я поджидал его, иногда бегал за ним, как собачка. Так длилось больше месяца. Однажды после долгих уговоров Хаим согласился научить меня ездить на велосипеде. Мы с ним вышли на Починковский большак, где после обстоятельного инструктажа я сел на велосипед. Сначала Хаим поддерживал велосипед за руль и сиденье, затем стал отпускать. У меня никак не получалось равновесие, и я несколько раз падал. После каждого падения Хаим внимательно осматривал велосипед и, убедившись в отсутствии поломок, вновь подсаживал меня на сиденье. Каково же было мое счастье, когда в этот же день я научился ездить, конечно, не совсем уверенно, но самостоятельно и не падая. С того дня я еще больше привязался к Хаиму, готов был выполнить любое его желание, лишь бы получить разрешение прокатиться на велосипеде. Убедившись в том, что я стал прилично кататься, Хаим стал часто давать мне велосипед, требуя, чтобы после катания я чистил велосипед от пыли и грязи и вовремя возвращал домой. Я старался выполнять все его требования, и мы с ним стали хорошими друзьями. Хаим был очень способный парень, хорошо сложен, физически развит. Отлично учился, особенно отличался от остальных учеников школы в решении математических задач. Порой лучший учитель математики, зав. учебной частью школы Космачевский, не мог сравниться с ним в быстроте и способах решения математических задач. В 1937 году отец Хаима дядя Боря, будучи ударником труда, по ложному доносу был репрессирован и сослан в Архангельск, где от болезни желудка умер. В этом же году Хаим окончил 10 классов, но поступить учиться в институт из-за материального положения не мог. Ему предложили работу в школе — учителем математики в 8-10 классах, он согласился. В 1939 году он женился на выпускнице 10 класса, монастырщинской красавице Рае Фоминой. Мать его была против женитьбы, и он вынужден был уйти из дома на частную квартиру.

В 1940 году у них родился сын — Боря, в этом же году Хаима призвали в Красную Армию, а в первые дни Великой Отечественной войны он погиб. Рая Фомина находилась на оккупированной территории, вышла замуж за изменника Родины — полицейского. После освобождения Монастырщины и ареста второго мужа она добилась получения дома Дурновых, продала его и выехала с сыном из Монастырщины в неизвестном направлении.

В противоположность своему брату Муся, сестра Хаима, к учебе относилась с ленцой. Окончив 7 классов, школу бросила. Она была очень красивой девушкой, гордилась этим, за ней ухаживало много ребят. Меня она не замечала, а заметив, называла «шпаной», и я ее за это не любил. В 1936 году она вышла замуж без согласия родителей и уехала с мужем в Смоленск, не зарегистрировав брак, а через год возвратилась домой с дочерью на руках. Оказалось, что они не сошлись характерами, и о совместной жизни не могло быть и речи. Дома она закончила курсы телефонисток и работала телефонисткой на почте до начала войны. В феврале 1942 года немецко-фашистские захватчики проводили массовые расстрелы населения, в числе погибших были тетя-мама, ее дочь Муся и дочь Муси — Беллочка.

Но вернемся к моим детским годам.

Моими сверстниками, проживавшими на нашей улице (а проживали мы на улице Революционной, в доме № 37), были Шурка Циркунов, Женька Филимоненков, Сергей Мастаков. Часто у нас бывала Рая Банькова — подружка моих младших сестер. Шурка Циркунов со своим младшим братом Николаем и матерью — тетей Полей жили в маленьком, соломой крытом домике рядом с нашим домом. Мы были хорошими товарищами и часто, почти ежедневно, навещали друг друга. Циркуновы воспитывались без отца. Отец их был алкоголиком, все заработанные деньги пропивал. Зимней ночью 1932 года, возвращаясь с очередной попойки домой, не мог открыть калитку своего двора, упал у забора и замерз. Тетя Поля всю свою жизнь работала прачкой на дому, чем зарабатывала себе средства для семьи. Шурка после окончания 7 классов поступил в сапожную мастерскую учеником и до призыва в армию работал сапожником. В 1942 году в битве за Кавказ был ранен в руку. До освобождения Монастырщины, как инвалид войны, проживал на Кавказе, а в 1943 году вернулся домой. Работал в райвоенкомате, женился на Кате Царевой, затем окончил курсы прорабов, работал на стройках поселка, в последние годы увлекался выпиванием, на почве чего в 1978 году повесился.

Женька Филимоненков с сестрой своей и матерью жили в доме своего отчима-сапожника рядом с домом Циркуновых. Женька был веселым, жизнерадостным парнем. Отлично играл на гармошке и был в центре внимания на всех вечеринках. Я с ним вместе учился, и мы были хорошими друзьями. Вместе уходили в Красную Армию. Служил он в воздушно-десантных войсках. После войны демобилизовался и проживал вместе с матерью в г. Даугавпилсе.

Сергей Мастаков был старше меня на 3 года. Жил он вместе со своей сестрой Ириной, отцом — дядей Гавриком и матерью — тетей Верой в конце улицы, через дом от нашего дома. Дядя Гаврик работал шорником в нашем колхозе. У них был самый большой и лучший сад в поселке, ульи с пчелами и злая-презлая собака. Сергей был стройным высоким пареньком, много читал. Привлекал от нас тем, что рассказывал много приключенческих историй из прочитанных книг

и был организатором всевозможных затейливых игр. Иногда эти игры заканчивались набегам на их собственный сад. Он, как «разведчик», через забор проникал в свой сад и, отвлекая собаку, давал возможность нам забираться в сад, набирать яблок и исчезать. Сергей после окончания 10 классов был призван на флот, служил матросом на подводной лодке на Севере. В 1941 году их подводная лодка была торпедирована, и весь экипаж, в том числе и Сергей, погиб.

Банькова Рая вместе со всей семьей переехали из далекой деревни в наш поселок. Они перевезли и поставили свой дом на нашей улице, через дорогу от нашего. Отец ее — Михаил Баньков работал плотником, мать нигде не работала. Кроме Раи, было еще двое детей — мальчик и девочка, моложе Раи. В 1941 году Михаила Банькова призвали на военные сборы, с которых домой он уже не вернулся, погиб где-то в лесах Белоруссии.

Одним из любимых моих занятий была охота и рыбная ловля. Из-за отсутствия ружья охотиться приходилось самодельными средствами. С Шуркой Циркуновым мы организовывали изготовление кротоловок, ловушек, петель, купили несколько капканов. В летнее и осеннее время занимались кротоловством. Кротоловки мы свои расставляли в роще, недалеко от школы и в овраге у деревни Дудино, где было нарыто множество кротовых ходов. Иногда нам удавалось в день добыть по 5—10 кротов, это считалось большой удачей, но в большинстве случаев 1—2, а то и ни одного. Кротовые шкурки мы сдавали в охотничий магазин, а взамен брали капканы и деньги.

С наступлением зимы мы с Шуркой становились следопытами. Став на лыжи, обходили все прилегающие к поселку рощицы, гумна, сараи. Обнаружив следы зайца, расставляли петли, горностая или хоря — капканы и ловушки. Не часто нам улыбалась удача. За зиму нам удавалось поймать 1—2 горностая, 2—3 хоря, 5—10 куропаток, но ни разу нам не удавалось поймать зайца. Однажды мать вошла в дом и с волнением сказала, что в сарае лежат 3 курицы с перегрызенными горлами. Я, откровенно говоря, обрадовался этому сообщению, поняв, что это работа хоря. Надев полушубок, тут же выскочил во двор. На снегу я увидел четкие отпечатки матерого хоря, ведущие от сарая к нам под дом. Вернувшись в дом, я залез в подвал, освещая фонариком себе путь, полез к стене, откуда хорь проник под дом. Под полом нашего дома оказалось множество вырытых нор, в которых, по моему предположению, жил целый выводок хорьков. Если хорь повадился в сарай за курами, он не успокоится пока всех не передушит. Помня об этом, я решил установить капкан на дорожке у выхода норки из-под дома. Прошли сутки, хорь не выходил, капкан хорошо припорошило снегом. На следующий день с рассветом я вновь отправился проверить капкан. Ночью была метель, и все замело. На месте, где стоял капкан, образовался небольшой сугробик. Я палкой отгреб сугробик и был удивлен отсутствием капкана. Куда же он мог деваться? Утащить никто не мог, а может

быть, кошка попала в капкан лапой и утащила его. Следов никаких не было. Я, утопая по колени в снегу, стал обходить забор, тыкая палкой в промежутки между досками. И вот, потеряв надежду найти свой лучший капкан, я увидел между досками забора часть металлического предмета, подойдя ближе, разгреб снег и застыл на месте от радости и восторга. В капкан попался лапой огромный хорь. Пытаясь освободиться от капкана, он протащился через весь огород, головой пролез в проем между досками забора, где и окоченел. Окрыленный таким успехом, я помчался домой и показал матери и дедушке хоря вместе с капканом. Мать была очень довольна, а я вновь установил капкан. В течение месяца поймал еще двух хорьков, но уже не таких больших, как первый.

Таким образом, мне удалось спасти маминых курочек и добиться большого успеха в моей охоте.

Мы с Шуркой Циркуновым были своими людьми в охотничьем магазине. Особенно много времени я там проводил в воскресные дни, когда районные охотники привозили сдавать шкурки добытых зверей. Они привозили шкуры зайцев, лисиц, горностаев, хорьков, а иногда и волков.

Как-то мы с Шуркой зашли в магазин, и заведующий к нам обратился с упреком, чем без дела шататься, лучше бы занялись разведением кроликов. Мне эта идея понравилась. Но где их взять и как за ними ухаживать? Заведующий дал нам книжки по кролиководству, посоветовал их изучить и пообещал достать нам по паре кроликов. Свое обещание зав. магазином выполнил.

К моменту получения кроликов мы с Шуркой построили клетки. У меня клетка была сделана из большого ящика. Лицевую сторону из-за отсутствия металлической сетки я забил рейками. Клетку установил в заброшенном тамбуре, вход в подвал дома со стороны огорода. Зав. магазином где-то достал две пары кроликов двухмесячного возраста «шиншилла» и торжественно вручил их нам. Договорившись, что рассчитаемся после, шкурками, мы направились домой. Сначала я кроликов держал дома. Отец ругал меня и требовал, чтобы я их отнес обратно, но я с помощью матери упрямился и разрешил мне их оставить. Кто бы мог подумать, что из этой пары кроликов через два года их у меня будет более сотни. Жили они уже не в клетках, а под амбаром, и летом совершали опустошающие набеги на огород. Мне приходилось их уничтожать из малокалиберной винтовки из форточки дома. Зимой они через проделанные норы проникали в сарай, где питались сеном. Часть их погибала, но летом они вновь восстанавливали свое поголовье. Так к 1941 году, к началу войны, уничтожить полностью всех кроликов мне так и не удалось, хотя я и не ставил себе такой цели. После смерти отца в 1938 году я стал чувствовать ответственность за судьбу нашей семьи. Ведь я был единственным мужчиной в доме, дедушку я уже не считал, ибо он был стар и не совсем здоров.

Свои взгляды на жизнь мне пришлось изменить. Я подумывал о необходимости материальной поддержки семьи. Дневное обучение в 8-м классе мне пришлось бросить и перейти в вечернюю школу.

Настало время познакомиться нас с моими сестрами. Итак, у меня их было четыре. Старшая — Паша, на вид спокойная, уравновешенная девушка, всю свою сознательную жизнь отдала учебе. Она обычно говорила, что если учиться, то учиться только отлично, и свой завет она выполняла, хотя это ей стоило больших жертв. От переутомления она довольно часто болела. В дни учебы в школе она почти никогда никуда не ходила, знала только школу и уроки, которые она заучивала наизусть. Отлично окончив 10 классов, в 1940 году она поступила в Смоленский педагогический институт, но учиться не смогла по состоянию здоровья. У нее признали заболевание сердца. Переведясь на заочное отделение, она приехала домой, где директор школы предложил ей работу секретаря в школе.

Она с благодарностью приняла это предложение.

Вторая сестра Фаина, 1925 года рождения, была худенькой, узколицей девочкой, со светлыми волосами. На кого она была похожа, трудно было определить. Училась она тоже отлично, но по характеру была вспыльчивой и нервной.

Третья сестра Мария, 1927 года рождения, была очень похожа на старшую сестру. Лицо ее всегда было каким-то грустным, она мало смеялась, была очень замкнутой. Мария была лучшей помощницей у матери, сама вызывалась что-нибудь сделать. Очень много времени летом проводила на огороде, пропалывала и ухаживала за растениями. Любила помогать матери в мытье посуды и приготовлении пищи, в играх с девочками участвовала редко.

Любимицей всей семьи была младшая сестренка Беллочка. Она родилась в 1936 году, девочки за ней ухаживали, как будто играли с куклой. Беллочка была очень красивой, забавной и жизнерадостной девочкой. Отец в ней души не чаял, без конца брал ее на руки, целовал и был с ней бесконечно счастлив.

К сожалению, очень короткими оказались жизни моих сестер. Перейдя на учебу в вечернюю школу в 8-й класс, я поставил целью своим трудом оказать материальную помощь семье. Председатель и правление колхоза пошли мне навстречу. Мне давали посильную работу на колхозном дворе, на ферме. Летом и осенью работал на уборке урожая, на жнейке и молотье. Таким образом я помогал матери зарабатывать трудовни, которые записывали на ее счет.

Летом 1939 года к нам приехал брат моего дедушки. Он жил в Артемовске (на Украине). До этого момента я даже не знал, что у дедушки есть брат. Погостив у нас около месяца, он предложил мне поехать с ним на Украину, где работали его родственники в мастерской по изготовлению портретов. Он говорил мне, что это очень интересная работа и, что если мне понравится, то я смогу там остаться работать. Я согласился и вместе с ним поехал в г.

Артемовск. Стыдно признаться, что почти до 16-летнего возраста я ни разу не видел поезда и никуда из своего поселка не выезжал. Всю дорогу я смотрел в окно и любовался всем виденным. Как во сне помню нашу пересадку в Харькове. Поезд вошел в какое-то здание, покрытое стеклянной крышей, и остановился у перрона. Приехали в Харьков ночью. Выйдя в город, мы попали на широкую освещенную улицу, застроенную высокими домами. Мне как-то было страшно. Подумалось, что бы я делал, если бы оставили в таком городе одного? Захотелось домой. Молча мы подошли к небольшому зданию, где было много автобусов. От Харькова до Артемовска доехали в автобусе. У дедушкиного брата я был всего два дня. Затем он меня отвез в Лозовую Павловку, в Донбассе, недалеко от г. Апчевска. Там он меня оставил у своего родственника, который с женой и двумя детьми жили в своем домике. Сначала я очень стеснялся, никуда из дома не выходил. Через несколько дней дядя Миша, так звали хозяина дома, повел меня знакомить с мастерской и работой. Работа этой мастерской заключалась в том, что специальные агенты разъезжали по всей стране, ходили по домам и предлагали увеличить фотокарточки их родных в портреты. Заказы они высылали в мастерскую, там из фотокарточек делали различных размеров портреты, ретушировали их и высылали заказчикам. Сначала я испробовал свои силы в ретуши портретов, но у меня ничего не получилось, ибо в этой работе надо еще обладать художественными данными, которых у меня, увы, не оказалось. Тогда я перешел в лабораторию. Работа моя заключалась в печатании и обработке увеличенных фотокарточек. С этой работой я быстро освоился, но работать мне приходилось все время в темноте, при красном свете, что мне не очень-то нравилось, и я стал проситься домой.

Как-то дядя Миша подозвал меня и сказал, что хочет со мной серьезно поговорить. В разговоре он мне рассказал, что мой отец тоже у них учился и уехал от них хорошим фотографом. Стал меня стыдить, что уеду ни с чем и не смогу стать помощником в своей семье. Он мне предложил остаться еще на 3–4 недели и обучиться на фотографа. Я согласился, хотя меня очень тянуло домой. Причиной тяги домой была еще и пища. Я никак не мог привыкнуть к белому хлебу и украинскому борщу. Тетя делала очень жирный и наваристый кисло-сладкий борщ, да еще со сметаной, и я никак не мог приспособиться к их любимым блюдам. Дядя Миша меня прикрепил к одному пожилому фотографу, который меня обучал элементарным правилам фотографии, особое внимание уделял работе на пятиминутном фотоаппарате, где в качестве негатива и фотоотпечатков использовалась только фотобумага.

Имея некоторые навыки работы, полученные еще от отца, я хорошо освоил пятиминутное фотографирование и, получив полный чемодан фотоматериала, выехал домой. Домой я приехал к началу учебного года. Зимой я продолжал учиться в 9-м классе и работать в колхозе, а после окончания 9-го класса решил испытать свои силы в фотографировании. Пошел в фотомастерскую и

предложил свои услуги. Меня приняли на работу лаборантом. Потом на рыночной площади был открыт павильон пятиминутной фотографии. Первые мои дни работы были полны разочарования, но постепенно стало получаться неплохо. В тот период особенно много клиентов было в связи с получением паспортов. Если в мастерской нужно было 3–4 дня ждать фотокарточек, то я их делал в течение 10–15 минут. Поэтому все приезжие из деревень фотографировались у меня. За один месяц я заработал 500 рублей, это был самый большой мой заработок за всю мою гражданскую жизнь. Мать была очень довольна, но меня эта работа не устраивала. Я не хотел стоять с фотоаппаратом на виду у всех граждан, да и ребята надо мной часто подтрунивали. Мне хотелось делать что-то серьезное. В 1939 году приезжал в отпуск Алеша Николаев. Он раньше жил у нас на квартире, закончил школу и служил в Красной Армии. Когда он зашел к нам, я его сразу и не узнал. Он возмужал, окреп, и было очень приятно видеть его в военной форме, да еще с двумя треугольниками в петлицах. Он был в полковой школе командиром отделения. Я стянул с него шинель, снял фуражку и надел на себя. Поглядел в зеркало и сказал, что мне эта форма очень идет и что теперь мне все ясно. Я буду только военным. Мое решение стать военным стало еще тверже, когда после финской кампании в отпуск приехал Муравьев, летчик, лейтенант, с орденом Красного Знамени на груди. Он был в центре внимания всего поселка, за ним ходили толпами, а мальчишки и подростки смотрели на него с восхищением. Особенно нравились его рассказы о войне. Вскоре я пошел в райвоенкомат и попросил, чтобы мне дали возможность поступить в военное училище, какое именно, я еще и сам не знал, видимо, любое, лишь бы военное. Там мне сказали, что в училища принимают в возрасте не моложе 17 лет и что я еще мал, через год могу приходить. Пришлось ждать еще год. Я продолжал работать и учиться в 10-м классе. Я уже писал, что дом наш был большой, после смерти отца мать стала сдавать две передние комнатки квартирантам. В одной обычно жили учащиеся. Они жили только зимой, когда трудно было ходить из дальних деревень в школу. С наступлением теплых дней они уходили домой.

Во второй комнатке жил у нас постоянный квартирант Михалев, работал он шофером на сельповской полуторатонной машине ГАЗ АЛ. Я часто с ним ездил по району, а иногда и в Починок. В 1939 году его призвали в армию. Вместо него у нас поселился Качурин. Приехал он из Дорогобужа, где оставил свою семью: жену и двоих детей. Работал он начальником базы заготконторы. Работа у него была денежная, дело он знал хорошо, но был алкоголиком. Обычно он покупал водку десятками бутылок, выпьет полстакана, немного опьянеет и чувствует себя нормально. С началом войны с Финляндией водки в магазинах не стало, достать ее было очень трудно. Качурин слег, заболел, у него тряслись руки, голова и ноги, он себе места не находил. Когда я спросил, не вызвать ли врача, он ответил, что лучшим врачом будет 100 граммов водки или хотя бы

денатурата. У него была просто алкогольная лихорадка. Мне мать сказала, чтобы я сбегал к тете-маме, спросил, нет ли у нее денатурата. Когда я принес четвертинку денатурата, налил немного в стакан и подал Качурину, он готов был меня расцеловать. Выпив денатурат, спустя 15–20 минут наш Качурин стал обычным человеком, как будто ничего с ним и не было.

В зимние месяцы 1938 и 1939 годов у нас на квартире проживала Нюра Маслова. Родители ее жили в 15 км от поселка. Школы у них не было, а пешком ходить далеко. Нюра училась с моей старшей сестрой, успевала плохо и в 8-м классе осталась на второй год. Ее перевели в вечернюю школу в один класс со мной. Нюра была очень тихой и застенчивой девушкой, всех стеснялась, голосок тихий, порой приходилось переспрашивать ее, так тихо она говорила. Часто мне приходилось ей объяснять уроки, но доходило до нее все очень туго, особенно математика, физика, химия. Не знаю, как это случилось, но я крепко полюбил эту девушку. Мне хотелось все время видеть ее, помогать ей. Старался вместе с ней ходить в школу и возвращаться домой, но признаться в своих чувствах не смел. Часто в перерывах между уроками мы в коридоре школы устраивали танцы. Танцевать я не умел, но когда Нюру кто-либо из ребят приглашал танцевать, я страшно ревновал и готов был затеять драку с товарищем. Это была моя первая любовь. У Нюры был дядя, Космачевский, заведующий учебной частью школы, учитель математики. Когда ему предоставили квартиру при школе, он взял Нюру к себе, и она жила у них. Когда Нюра от нас ушла, видеться с ней мне стало трудней, порой с целью увидеть ее я помногу раз проходил по улице, где они жили. В период каникул Нюра уезжала в деревню, я немного забывался, но, вспоминая ее, сильно тосковал. Было много и других хороших девушек, таких как Леля Разумкова, Катя Царева и другие, с которыми было так просто, легко и весело, но это были только увлечения, а с Нюрой было совсем другое. Нюра не догадывалась о моей любви к ней, и мне казалось, что если я ей объяснюсь в любви, она меня осмеет, поэтому я ей ничего не говорил, и тайна эта осталась вечной.

После окончания 10-го класса Нюра уехала в деревню, началась война. В 1943 году после освобождения Монастырщины я узнал ее адрес и написал ей письмо. В ответном письме она мне сообщила, что в начале июля 1941 года ее послали угонять колхозный скот в тыл страны, так она попала в Московскую область, где жила до освобождения своей Родины. Затем она приехала домой, поступила учиться в учительский институт, который окончила в 1946 году и была направлена на работу в один из районов Смоленской области. Связь с ней с 1946 года у меня, за неимением ее адреса, прекратилась.

Так окончилась моя первая любовь, она была и последней, ибо такого чувства в своей жизни я больше не испытывал.

В конце мая 1941 года мы сдали экзамены и получили аттестаты о среднем образовании. У меня были только хорошие и отличные оценки. Я начал

деятельную подготовку к поступлению в военное училище. После объявления в газетах о наборе курсантов в училище я послал заявление в Ленинградское военно-медицинское училище, в Одесское военно-морское и какое-то бронетанковое училище и решил, с какого училища раньше придет ответ, туда и поеду. Меня родные отговаривали, советовали поступать в институт, но я был неумолим. Мне нужно было получить паспорт. Я пошел в ЗАГС за метрической выпиской. Прочитав метрическую выписку, я ее подал обратно и говорю, что у меня неправильно написано имя, зовут меня Бома, а в справке написано Абрам, что, мол, это вы, наверное, ошиблись. Мне ответили, что в книге именно и значится Абрам, показали мне книгу с записью. Я был ошеломлен, узнав о своем новом имени. Возвратившись домой, я спросил дедушку, что все это значит, он ответил, что Бома и Абрам это одно и то же. Так, на 18 году жизни я узнал свое юридически правильное имя. Но до сих пор все мои знакомые и оставшиеся в живых родственники называют меня Бомой — Борисом. Получив паспорт, подготовил все необходимые документы, ждал ответа из училищ, куда послал свои заявления. Первый ответ я получил из Ленинградского военно-медицинского училища. С ответом я побежал в военкомат. Там мне оформили проездные документы, и я 2 июня 1941 года выехал в училище. В огромном незнакомом Ленинграде мне с большим трудом удалось найти училище. Я сдал документы, прошел все формальности и был определен в казарму, где уже проживало много таких, как я. Всего несколько дней мне пришлось жить по военному распорядку, где все делалось строем: подъем, физзарядка и прием пищи. Вступительные экзамены сдавали с одновременным прохождением медицинской комиссии. Я успел сдать два экзамена: по химии и сочинение. Экзамены я сдал хорошо, но на медицинской комиссии меня признали непригодным для поступления в военное училище из-за плоскостопия. На 6-й день пребывания в училище, где мне уже довелось отведать пищу двух вегетарианских дней, где кроме воблы, супа с сухариками и чая с сахаром, ничего не давали, я понял, что мне не очень-то здесь нравится. Узнав о том, что в училище по состоянию здоровья не принят, я в этот же день выехал из Ленинграда. Недалеко от Ленинграда на ст. Луга жила моя тетя Маша (мамина сестра) с семьей: мужем и двумя девочками Лилей и Броней. Я решил к ним заехать и, будучи очень хорошо принятым, пробыл у них более 10 дней. У них был велосипед, садик, вокруг сосновый бор, речка. Я очень хорошо у них отдохнул и 20 июня выехал домой. Приехал я домой в 11.00 22 июня 1941 года. Подходя к дому, я увидел настежь распахнутые окна. В доме, кроме дедушки, никого не было, все были в поле. Я поставил чемодан, разделся, перекусил и решил отдохнуть. Ночь в поезде не спал, тряся в автобусе, устал. Лег на свою кушетку, но уснуть никак не мог. В 11 часов 56 минут начали передавать по радио позывные сигналы о важном сообщении. Ровно в 12.00 по радио выступил Министр иностранных дел Молотов, который сообщил о вероломном

нападении гитлеровской Германии на нашу Родину. Я был очень взволнован этим неожиданным сообщением. Ведь у нас была договоренность о ненападении, все время нам говорили, что война с Германией маловероятна, и вдруг вероломное нападение. Мы, я имею в виду молодежь, были уверены в непобедимости нашей Красной Армии, были воспитаны в духе патриотических песен, и я, как и все мои товарищи, считал, что гитлеровская Германия будет раздавлена в несколько недель, что Гитлер совершил большую ошибку. Мы с ребятами сравнивали его с моськой из крыловской басни, лаявшей на слона. Никто из нас тогда и думать не смел, что наш родной поселок через несколько недель будет оккупирован фашистскими войсками.

Началась Великая Отечественная война — новый этап моей жизни.

* * *

Обстановка в Монастырщине к началу войны складывалась благоприятно. В 1940 году был вполне удовлетворительный урожай зерновых и картофеля. У населения района стало больше возможностей в содержании коров и другого скота в своих хозяйствах. Население стало жить зажиточно, а это способствовало укреплению колхозного строя. К примеру, в нашем личном хозяйстве имелся скот и птица: корова, 4 овечки, 2 поросенка, около 30 кур. На трудодни в 1940 году мы получали по 2 кг зерна, 3 кг картофеля, фураж для коровы (солому и мякину), гречневую крупу, яблоки и другие продукты. Жизнь становилась «лучше и веселее». В 1941 году виды на урожай были очень хорошие, а от урожая зависело все — и жизнь, и быт, и благополучие. Во всем районе не было промышленности, за исключением мелких заводиков по переработке сельскохозяйственного сырья, таких, как льнозавод, молокозавод, крахмальный завод, спиртзавод. На этих мелких предприятиях было занято примерно 500 рабочих и служащих. Остальное население района занималось сельским хозяйством. Война ворвалась в нашу жизнь неожиданно. Мы хорошо понимали, что на западе Европы неспокойно, что Гитлеру легко удастся покорять одну за другой европейские страны и что это к хорошему не может привести. Вместе с тем, мы глубоко верили своему правительству и одобряли принятые меры по предотвращению войны.

Сейчас, спустя много лет, имея уже большой жизненный опыт, я все же могу утверждать, что, заключив договор с Германией о ненападении, партия и правительство не исключали возможности его вероломного нарушения со стороны гитлеровской Германии и принимали соответствующие меры по обороне страны. В частности, в нашем селе, под предлогом учебных сборов, в Красную Армию были призваны все мужчины в возрасте 22–35 лет и все, ранее имевшие отсрочки от службы по различным причинам. Активизировал свою работу Осавиахим по обучению военному делу допризывной молодежи.

Безусловно, нам очень многое было неизвестно, но меры обороны принимались и на других направлениях.

Большинство сельского населения стояло на прочных позициях социалистического строя, но были и отдельные лица, которые видели в новой войне возврат к прошлому, к частной собственности, единоличному хозяйству и свободе предпринимательства. Многие из таких с нетерпением ждали прихода гитлеровцев и держали камень за пазухой.

Еще задолго до начала войны многие старики пророчески предсказывали эту войну. Я не верю приметам, но в данном случае они угадали. Старики говорили, что появление на свет большого числа мальчиков, намного превышающее рождение девочек, — к войне, невиданно хороший урожай грибов — к войне и, наконец, невиданный урожай зерновых в нашем крае — непременно к войне. И мой дедушка мне как-то говорил, что будет скоро война и что она будет самой жестокой из всех войн, что после этой войны останутся в живых одна из десяти семей, а в каждой семье по одному человеку. Так предсказывали старики, чем они руководствовались в своем предсказании, я не знаю, но во многом, хотя и не во всем, они были правы.

Выслушав выступление Министра иностранных дел СССР Молотова по радио, я побежал во двор, где сидел дедушка, и сообщил ему эту весть, он быстро встал, подошел ко мне и сказал: «Ну, вот оно и началось, будет беда великая». Больше он ничего не сказал, достал свою большую папиросу — самокрутку и закурил, снова сел и углубился в свои думы. Я помчался к клубу. Там уже собиралась молодежь моего возраста. Все говорили о войне, были готовы с оружием в руках стать на защиту своей Родины, задать «перцу» немцу, уничтожить его на его же территории. Мы все считали, что не завтра, так послезавтра будет сообщение о том, что немцы разгромлены и что наши войска успешно продвигаются по территории Германии. Другого представления мы не имели и не хотели иметь. Но вопреки нашим желаниям, события развивались очень быстро и не так, как нам хотелось. Радио сообщало совсем не утешительные сводки. Немецкие войска продвигались в глубь нашей территории с огромной быстротой. На 3-й день войны — 25 июня к нам в поселок прибыло несколько машин с беженцами с польской границы, из Литвы и Западной Белоруссии. Они рассказывали, как гитлеровцы уничтожают все на своем пути, жгут города и деревни, убивают людей. Поток беженцев с каждым днем увеличивался. Они двигались на машинах, лошадях и пешком. Гнали скот, везли свои пожитки. Наш дом превратился в постоянный двор, день и ночь в нем было полно беженцев, мать пускала всех, даже не спрашивая, кто они и откуда. Положение становилось все тревожнее. Часто стали пролетать над поселком в направлении Смоленска и Москвы немецкие бомбардировщики. В конце июня меня вызвали в райком комсомола и сказали, что в поселке создается истребительный батальон, и если я желаю, то меня могут туда зачислить. Я с

удовольствием согласился. 28 июня 1941 года нас, примерно 50 юношей, построили у здания клуба, где вручили тяжелые английские винтовки и по 10 патронов, показали, как нужно обращаться с винтовкой, разбирать затвор и чистить ствол. Затем нас разбили на два взвода и отделения. Командирами взводов назначили бывших кадровых военных, а командирами отделений — комсомольцев-активистов. Задачу нам ставил офицер НКВД. Надо было взять под охрану все мосты и дороги, проверять документы у беженцев, разоблачать и задерживать шпионов и диверсантов, засылаемых в наш тыл под видом беженцев, пресекать панику, вылавливать паникеров и распространителей лживых слухов. Самой главной задачей считалось уничтожение воздушных десантов, для чего надо было держать под постоянным контролем, особенно в ночное время, все места вероятной выброски парашютного десанта. Каждому отделению были поставлены частные задачи. Нашему отделению надо было перекрыть дорогу Монастырщина — Починок, постоянно иметь подвижный патруль на мосту через р. Глинка, вести наблюдение за полем в районе ветлечебницы. На первое боевое задание по охране моста через р. Глинка мы с товарищем в паре вышли в ночь на 29 июня 1941 года. Ночь прошла спокойно, проверили документы у нескольких десятков человек, ничего подозрительного не обнаружили. В 6.00 утра нас сменили. К этому времени поток людей, машин и повозок намного увеличился. Сдав пост, оружие и патроны, мы ушли отдыхать. Почти весь день я проспал на сеновале. На ночь мы вновь заступили на свой пост. Так продолжалось несколько дней. Задержали мы нескольких, на наш взгляд, подозрительных лиц и многих без документов. Задержанных отводили в отделение милиции, где после проверки их отпускали. В ночь на 3 июля, стоя на посту, мы видели армады немецких бомбардировщиков, девятками одна за другой, на малой высоте, направляющихся в сторону Смоленска. Мы с товарищем сделали несколько выстрелов по самолетам, ведь большего мы ничего не могли сделать. Через некоторое время до нас донеслись звуки глухих взрывов, огромное зарево поднялось в небе. Как стало известно позже, немцам в эту ночь удалось разбомбить железнодорожную станцию и нефтехранилище в Смоленске. За стрельбу по самолетам нам от командира взвода попало, он нас ругал, что мы зря расходовали патроны, ведь самолет все равно одной пулей не собьешь, а патронов и так мало. Этот командир, конечно, не имел опыта стрельбы по низко летящим самолетам. Впоследствии я не единожды был свидетелем и сам принимал участие в залповой стрельбе по самолетам из стрелкового оружия и небезуспешно.

По заданию НКВД наш батальон дважды прочесывал лес «Липник» в 7 км восточнее Монастырщины, искали шпионов, но никого не нашли. В начале июля положение усложнилось. Районные власти получили распоряжение об эвакуации скота и техники. На восток потянулись бесконечные потоки людей, повозок и скота, несколькими колоннами проходили трактора, потоки беженцев

все увеличивались. Из местного населения многие стали уезжать и уходить из поселка. В основном уходили те, у кого в восточных областях страны имелись родственники. Я говорил своей маме, что здесь оставаться нельзя, надо уезжать, немцы очень быстро приближались к нашей местности, но мама и слушать не хотела, она никак не могла уехать, бросив на произвол судьбы дедушку со сломанной ногой, который идти не мог, да и хозяйство было жалко. Между тем уезжали все, кто мог — учителя, районные партийно-хозяйственные работники. Моя старшая сестра Паша собиралась ехать с учителями, им была выделена машина, но мать, узнав об этом, запретила ей уезжать. Я эти дни редко бывал дома, а поэтому как следует воздействовать на мать и сестер своих не мог, так они и остались в поселке к приходу немцев.

10 июля 1941 года большинство бойцов нашего батальона получили повестки о призыве в Красную Армию. Мне повестки не было. Я побежал в военкомат узнать, почему мне нет повестки, когда почти всем моим товарищам их вручили. Военком мне ответил, что повестки выданы всем, кому исполнилось 18 лет, а мне будет 18 только через полгода. Тогда я попросил, чтобы меня зачислили в порядке исключения, но мне отказали. Затем меня пригласили в райком комсомола, там мне сказали, что с приходом немцев в районе будет организован партизанский отряд, поэтому и здесь нужны будут люди, но я сказал, что я хочу только в армию и здесь оставаться не буду. Секретарь позвонил в военкомат и спросил, как со мной поступить, военком ответил, что если ему уж так хочется, то пусть уходит в армию вместе со всеми. Я побежал домой и сказал матери, что ухожу в армию, она заплакала и сказала, берут ведь только восемнадцатилетних. Я ей тогда соврал, что получил повестку и завтра ухожу. Она стала со слезами на глазах собирать меня в дорогу. Сборы были короткими. Надел я на себя все, что у меня было лучшее: рубашку защитного цвета, брюки клеш и отцовские хромовые сапоги. Из мешка сделал заплечную торбу, вложил туда большую круглую буханку хлеба, большой кусок сала, соль, курицу, которую мне с вечера мать отварила, полотенце, мыло, забрал все свои документы, попрощался с сестрами и мамой, еще раз убедительно просил ее, пока еще не поздно, уезжать, и вышел на улицу. На крыльце сидел дедушка, он меня обнял, поцеловал и так сильно заплакал, никогда ранее я не видел его плачущим. Сквозь слезы он мне сказал, чтобы я бил гадов и берег себя и что чувствует он: больше мы уже не увидимся. Мне стало так тяжело на душе, я вырвался из его объятий и пошел вдоль огорода к роще, где в здании средней школы находился пункт сбора призывников. Провожали меня и моих товарищей мои сестренки Фаина и Маня, их подруга Рая Банькова, Катя Царева и многие другие девчата. По дороге мы пели песни: «Дан приказ ему на запад», «Танкисты» и другие. В здании школы уже былолюдно, прибыло много призывников и особенно много провожающих. Под вечер всех построили, проверили по списку. Меня в списке не оказалось. Я подошел к офицеру

военкомата и сказал, что мне военком разрешил идти вместе со всеми, поэтому он должен меня вписать в список. Ничего не говоря, он внес меня в список. На ночь мы разместились на полу, на партах, кто где мог. С родными и знакомыми договорились встретиться утром. Когда мы будем уходить, никто толком не знал. На рассвете 12 июля нас подняли, построили, и мы двинулись в сторону ст. Починок. С родными мы больше не виделись. Так начался наш 300-километровый марш к Медыни. Дороги, по которым мы шли, были забиты эвакуированными людьми, скотом, машинами и повозками. Все было в движении. Стояли жаркие солнечные дни, созревали хлеба. От духоты и облаков пыли было трудно дышать. Немецкие самолеты, как коршуны, набрасывались на незащищенных людей, заходили на бреющем полете вдоль колонны, сбрасывали бомбы, расстреливали все живое из пулеметов и безнаказанно уходили. На некоторое время все разбежались, на дороге оставались только убитые и раненые люди, лошади, скот, затем все снова выходили на дорогу, и движение продолжалось. По мере продвижения на восток количество беженцев на дорогах сокращалось. Многие оседали в деревнях, а многие расходились по разным дорогам. Вопреки логике, мы ночью отдыхали, а днем, как мишени для немецких летчиков, продолжали движение. В придорожных деревнях Смоленщины население к нам относилось по-разному. Одни поили молоком, хлеб с салом выносили, а были и такие, которые даже водички попить не давали, смотрели враждебно. На одном из ночных привалов, после третьего дня пути, ко мне подошел Шурка Чехиркин, мой знакомый, отец его был членом нашего колхоза, жили они в д. Дудино, и сказал, что многие ребята собираются уходить по домам, мол, все равно нас всех перебьют, вон, мол, как их авиация все мешает с землей, и предложил мне составить компанию. Я удивился, а затем и возмутился, говорю ему: «Ты что? Это же дезертирство». Он сказал, что со мной и пошутить нельзя, и ушел. Утром мы не досчитались 12 человек наших односельчан. Ушли домой Чехиркин, Шенделеев, Михеенков и другие. Представитель военкомата был возмущен, да и мы все были поражены их поступком. Больше мы в населенных пунктах не ночевали, привалы устраивали в лесах и перелесках. 18 или 19 июля мы прибыли к месту назначения на ст. Медынь. Недалеко от Медыни был большой лес, в нем тогда сосредоточились десятки тысяч юношей, призванных в Красную Армию, ждали дальнейших распоряжений. У нас уже создалась своя группа. В нее входили, кроме меня, мои хорошие товарищи Ваня Колдунов, Матвей Райцин, Илья Лидерман и другие. Мы старались быть вместе и решили не разлучаться. Под Медынью мы пробыли двое суток, оттуда колоннами призывники направлялись в разные направления. Наша колонна, более 1000 человек была направлена в город Калугу. Немцам стало известно о скоплении людей в медыньских лесах, и они чаще совершали налеты. В одном из таких налетов из нашего отряда погибло 4 человека, многие получили ранения. Может быть, это и вынудило

начальство ускорить отправку допризывников в части. К Калуге мы подошли на рассвете 23 июля 1941 года. На подступах к месту через реку Оку скопилось огромное количество людей, машин, лошадей. И беженцы, и военные, и мы подошли близко. Мост охранялся, и в город никого не пускали. Мы расположились недалеко от моста и ждали, когда будет разрешено войти в город. Прошло 2 часа. Ярче стало светить солнце. Вдруг из-за леса показались самолеты с крестами на плоскостях. Толпа словно ахнула, все пришло в движение. Лавина хлынула к мосту, опрокинули часовых и двинулись в город, остальные начали разбегаться в стороны. А самолеты сделали круг над городом и стали пикировать мост. Бомбы падали в воду и поднимали столбы воды. Второй заход немцы сделали по толпе на нашем берегу, выбросили две бомбы и прошли очередь из пулеметов. Я не могу описать результаты бомбежки. Это было что-то ужасное, месиво земли и трупов, крики и стоны. После этого захода самолеты улетели (их было всего два). Мы вместе со всеми стали пробиваться к мосту. Наконец мы оказались в городе. На противоположном берегу нас ждали, вдоль улицы стояли офицеры разных частей, которые набирали в свои части призывников. Когда мы группой перешли мост, нас встретил офицер-танкист и спросил — желаем ли мы служить в танковой части? Мы согласились. Он направил нас в один из дворов, там нас собралось человек 200. Затем нас повели в баню, остригли, обмундировали, накормили и вечером, переправив вновь через тот же мост на западный берег, направили в летний лагерь танковой части, расположенный километрах в 8 от г. Калуги на берегу реки Оки. Так, 23 июля 1941 года мы впервые надели военную форму. Нам выдали добротное обмундирование, кожаные и яловые сапоги, пилотки и шинели. Разместили нас в летних палатках. Утром нас распределили по взводам и отделениям. Я был назначен вторым номером ручного пулемета третьего отделения третьего взвода. Так как распределение по подразделениям производилось в зависимости от роста, мои друзья попали в другие взводы и другие отделения. Я стал солдатом Красной Армии, но еще не полноценным, ведь к Присяге нас еще не приводили.

Началась новая эра в моей жизни. Признанный медицинской комиссией негодным к обучению в военно-медицинском училище в июне 1941 года, я всю жизнь посвятил службе в Советской Армии и отдал этой службе 27 лучших своих лет. Все это было потом, ну а сейчас вернемся к началу военной службы.

В лагерях мы проходили первоначальное обучение солдата или, как это называется, курс молодого бойца. За недолгое пребывание в танковом полку, а были мы там всего 2 недели, нас обучали строевой и физической подготовке, мы изучали винтовку и автомат ППШ. Несколько раз подводили к одиноко стоявшему легкому танку и рассказывали о его, тактико-технических данных и устройстве. Быстро летело время. Ежедневно после подъема и физзарядки мы бежали к реке Оке, где купались или умывались, затем шли на завтрак. Кормили

нас хорошо. На второе блюдо в обед почти ежедневно подавали гречневую кашу с мясом. Числа 10 августа 1941 года после завтрака нас построили и приказали всем имеющим высшее, незаконченное высшее и среднее образование выйти из строя. Я вышел из строя вместе со своими земляками, окончившими среднюю школу. Построив нас отдельно, нам объявили, что все мы будем направлены в военные училища для подготовки командиров Красной Армии. Затем нас, человек 150 отобранных, свели в одну роту и поселили в другие палатки. Все продолжалось по-прежнему. 13 или 14 августа 1941 года вечером нас погрузили на машины и увезли в г. Калугу, где разместили в 2 пульмановских вагонах. Часа два мы сидели в вагонах, но поезд не трогался с места. Вдруг на станции завывла сирена, одновременно стали рваться бомбы, одна из них разорвалась у наших вагонов. Соседний вагон разнесло в щепки, многие наши товарищи были убиты и ранены. На станции все горело, кругом было сплошное зарево. Нас из вагонов как ветром сдуло. После отбоя воздушной тревоги мы собрались у станции, вновь погрузились в машины и вернулись в лагерь. И только через 5 дней нас вновь увезли в Калугу. На этот раз мы благополучно отбыли из Калуги и спустя 8 дней прибыли на ст. Юг Молотовской (Пермской) области, на Урал, откуда походной колонной убыли в Бершетские лагеря. Весь наш отряд, состоявший из солдат со средним и высшим образованием в составе 120 человек, был зачислен в 13-й отдельный саперный батальон, который размещался у станции Юг. У нас изъяли новое обмундирование, под предлогом того, что оно необходимо для воинов, направляющихся на фронт. Нам выдали обмундирование, бывшее в употреблении, телогрейки, ботинки с обмотками. Батальон этот был понтонным, поэтому первое время нас учили на небольшом озере наводить понтонные мосты, надувать резиновые лодки, плавать в резиновых костюмах и т. д. Но приближалась зима, а мы жили в холодных полуземлянках, поэтому нас переключили на заготовку дров, строительных материалов и строительство ротных землянок для запасного полка, готовившего маршевые роты для фронтовых частей. Работать приходилось очень много, кормили плохо. К концу дня уставшие и полуголодные, мы валились с ног на нары и засыпали крепким сном. Здесь, в лагере, я особенно подружился со своим земляком Ваней Колдуновым, были мы в одном отделении, помогали друг другу во всем, а коль удавалось добыть лишний кусок хлеба или сахара, делили пополам. А это случалось, когда нас назначали рабочими по кухне, в эти дни мы были сыты и довольны, но не так уж часто такое случалось.

В сентябре начала работу комиссия по отбору в военные училища, в основу бралось не состояние здоровья, а образование и происхождение. Отбирали в летные училища, авиационно-технические, танковые, танково-технические, артиллерийские и пехотные. Ваня Колдунов был отобран в танково-техническое училище, я — в артиллерийское, Матвей и Илья — в пехотное. Предстояло

расставание с земляками. Вскоре началась отправка. Уехал Ваня Колдунов, другие ребята. Остались только артиллеристы и пехотинцы. В конце октября 1941 года нас подняли по тревоге, старшина роты и тут не прозевал, приказал нам сдать хорошее обмундирование и выдал нам обмундирование рабочее, приговаривая притом, что мы убываем в училища и что там мы получим новенькое курсантское обмундирование. Затем мы ускоренным маршем прибыли на ст. Юг, погрузились в вагоны и поехали. Утром следующего дня наш поезд остановился на ст. Березники. Мы прошли через город, на одну из его окраин, где был исправительно-трудовой лагерь заключенных, работавших в карьерах по добыче фосфоритов для химического комбината. Часть территории лагеря и барачных заключенных была передана для размещения эвакуированного из Ленинграда 1-го Ленинградского Краснознаменного пехотного училища им. Кирова, куда мы и прибыли. На территории училища нас встретили с оркестром. Перед строем выступил начальник училища полковник Мухин, низкого роста, коренастый, с волевым лицом. Он сказал, что мы прибыли в пехотное училище, хотя многие из нас должны были ехать в артиллерийские училища, но обстановка потребовала побольше грамотных общевойсковых командиров, и что училище постарается таковыми сделать нас в короткий срок. По строю прокатилась волна недовольства, артиллеристы, естественно, хотели учиться в артиллерийском училище. Полковник Мухин, разъяснив обстановку на фронтах, сказал, что сейчас выбора быть не может, учиться будете там, где нужно, а кто не желает, того заставим. Так мы стали в конце октября 1941 года курсантами старейшего пехотного училища им. С. М. Кирова.

Училище только что прибыло в г. Березники после тяжелых оборонительных боев на Лужском рубеже на подступах к Ленинграду. Многие курсанты училища отдали свои жизни, но задачу, поставленную по удержанию обороны в районе г. Луги, выполнили.

В короткий срок были созданы необходимые, хотя и примитивные условия для подготовки командных кадров. Из нас была создана экспериментальная рота № 4, входившая в состав 2-го батальона.

В составе роты были курсанты с высшим и средним образованием. У нас были инженеры и учителя, люди уже в возрасте и юнцы вроде меня. В роте было 4 взвода, в каждом по 3 отделения, всего в роте 120 человек. Размещались мы в одном бараке. Барак с печным отоплением был построен из деревянных щитов. Вдоль стен были установлены 2-ярусные железные койки, посередине широкий проход, у коек одна тумбочка на двоих, в ногах у кровати стояли табуретки. У входа, в передней части барака, находилась ротная канцелярия, старшинская каптерка и умывальник. Туалет находился на улице. Единственным классом для занятий была Ленинская комната, вмещавшая только 2 взвода. Столовая находилась за пределами лагеря, в городе, 1,5 км от барачных. Территорию училища от лагеря для заключенных отделял забор из

колючей проволоки. Наши надежды получить курсантское обмундирование не оправдались. Училище обмундированием не располагало, и мы остались в изорванном летнем обмундировании до конца января 1942 года. Хотя трудностей было очень много, но нужно было приступать к занятиям. Мы должны были за 6 месяцев пройти и освоить курс нормального 2-годичного пехотного училища.

Итак, я — курсант 2-го отделения 4-го взвода 4-й роты 2-го батальона. Командиром батальона у нас был подполковник Турбанов, очень строгий, подтянутый и грамотный командир. Фамилию командира роты не запомнил, мы его очень мало видели. Строгий, худощавый, франтоватый капитан, в казарму он приходил, как правило, после ухода роты на занятия, проверял внутренний порядок в казарме, несение службы внутренним нарядом, занимался с командирами взводов и старшиной роты, сам с курсантами занятия проводил очень редко и только в поле.

Командиром взвода был старший лейтенант Назаров, подтянутый и требовательный, но довольно простой командир, который не прочь был иногда и пошутить. Надо отметить, что условия жизни командиров училища были не из легких. Жили они в общежитии или на частных квартирах, с питанием было и для них нелегко, а работы с нами было очень много. Ведь обязательных занятий, включая самоподготовку, предусматривалось по 12 часов в день без выходных.

Основную тяжесть по обучению и воспитанию курсантов нес, конечно, командир взвода. Он и в походах, и на стрельбах, и на учениях, в 35–40 градусов мороза всегда был с нами.

Младших командиров назначали из числа курсантов. Старшиной роты был назначен Демин, его помощником или каптенармусом, Миронов, уже немолодой человек. Командиром нашего отделения назначили Титова, нашего земляка, уроженца Смоленской области. Со мной в отделение попал Райцин Матвей. Я был назначен ручным пулеметчиком и запевалой во взводе. И вот начались учебные будни. Распорядок дня у нас был следующий: подъем в 6.00, физзарядка, туалет, завтрак, занятия с 8.00 до 21.00 с перерывом на обед, 1 час личного времени и в 22.00 отбой.

Занятия проводились в основном на улице, в поле, в лесу, на стрельбищах, причем невзирая на 40-градусные морозы. К концу дня мы уже с ног валились и не могли дожидаться сигнала отбоя, спали мертвецким сном. Учеба в училище — это напряженнейшие месяцы моей жизни. И мы не роптали, ибо нам все внушали, что на фронте еще труднее и что Суворов еще учил, что «тяжело в учении — легко в бою». Основной упор в нашем обучении делался на тактическую, стрелковую, инженерную подготовку и военную топографию. Политические занятия проводились коротко и сводились к обзору положения на фронтах. А положение на фронтах было тревожным. Немцы рвались к Москве. Нас особенно тревожило, устоит ли Москва. Часто в училище прибывало новое

пополнение, в основном, из воинов, побывавших на фронте. Они рассказывали о боях под Москвой, под Ленинградом, говорили, что Москва должна выстоять. Уверены были в этом и мы. Каждый такой рассказ, встречи с прибывшими в училище фронтовиками придавали нам силы в тяжелой, напряженной учебе. Я уже рассказывал, что мы были плохо обмундированы, правда, ботинки с обмотками нам заменили на кирзовые сапоги. С наступлением холодов мы на занятия выходили обвязанные полотенцами, чтобы не обморозить уши, ведь все мы были в пилотках. Только в середине февраля нам выдали новые гимнастерки и брюки, шинели и собранные у местного населения шапки. Мне досталась хорошая шапка из собачьего меха. И надо же было такому случиться. Когда мы пошли в баню (а мылись мы 1 раз в 10 дней в городской бане), все обмундирование сдавали в дезкамеру, где оно подвергалось тепловой обработке. Я вместе с обмундированием сдал и шапку. Когда я после мытья получил свое обмундирование, от шапки остался скрюченный ком. Как я ни пытался ее растянуть, так и не смог это сделать. Моих просьб о замене шапки старшина Демин и каптенармус Миронов и слушать не хотели. Так мне и пришлось до конца зимы проносить эту шапку на макушке головы. Занятия ежедневно проводились на улице или в поле. Стоило хоть немного постоять без движения, как обмораживались руки, ноги или нос, или щеки, или уши. Мы, молодые, еще как-то легче переносили холод и голод, но 30—35-летние мужчины-интеллигенты все эти трудности переносили очень тяжело. Некоторые заболели и в строй не возвращались.

Почему-то многие заболели недержанием мочи, этой болезнью заболел и мой друг Райцин Матвей. Он это очень тяжело переживал, но приходилось и с этим мириться. У нас был во втором взводе москвич Миронов, однофамилец каптенармуса. Родители его были какими-то большими начальниками, в 1941 году они эвакуировались из Москвы в тыл страны. Миронову часто присылали посылки с продуктами (колбасами, салом и другими лакомствами). Койка Миронова была напротив моей. Получив посылку, он ее относил к старшине в каптерку и после отбоя брал из посылки продукты, садился на койку и уплетал их. Мы же смотрели и готовы были разорвать его на части за то, что он не делился с товарищами, сам ел, а у нас только слюнки текли.

Кормили нас по тем временам неплохо. Обед из трех блюд. Но нам этого не хватало, мы всегда были голодны. Однажды мне удалось променять свои хромовые сапоги, те которые у меня были еще из дома, на буханку хлеба, тогда мы поели хлеба вдоволь. Примерно 1 раз в месяц мы всем взводом ходили в наряд по кухне. Однажды, когда я был в наряде, меня попросил помощник командира взвода (фамилию его не помню) принести ему что-либо поесть, я пообещал принести. Столовая была в 1 км от училища, причем на территорию училища можно было попасть только через контрольно-пропускной пункт. Я на кухне наложил миску пшенной каши, накрыл другой миской, прижимая их к

бедру под шинелью, вышел на улицу и направился к казарме. Каша была не очень густой, и часть ее вытекала на брюки, но я терпел и, встречая по пути командиров, четко отдавал им честь, главное не попасться с кашей на КПП. На мое счастье, когда я подошел к КПП, в ворота проходной въезжала машина, и дежурные КПП не удосужили меня своим внимательным осмотром, чем я и воспользовался, быстро направившись к казарме. Зато как благодарен мне был помощник командира взвода, получив от меня миску каши, сказав: «Молодец, задание выполнил».

Старшина Демин (о нем хотелось бы особо рассказать) был назначен из наших курсантов, такой же, как все. Но, получив власть, стал неузнаваем. На занятия ходил редко, быстро зазнался, спал в своей каптерке. Ежедневно, после отбоя, было принято мыть полы в казарме, для чего выделялись 4 человека из числа «нарушителей дисциплины». Но где их взять, столько нарушителей дисциплины? Вот Демин, бывало, после подъема станет в дверях, чтобы его не было видно, а курсанты, возвращаются из туалета, то дверьми хлопнут сильно, то честь ему не отдадут. Здесь-то он и набирал себе очередных «нарушителей» на мытье полов. Его очень не любили, но командир роты его поддерживал, и всегда он оставался правым. Мне тоже более десятка раз приходилось мыть полы. Обычно, когда все улягутся спать, Демин без предварительного предупреждения подходит к койке и командует: «Вставай! Будешь полы мыть», а так вставать не хочется, умаявшись за день, чуть промедлишь, он с тебя стаскивает одеяло и добавляет еще 1 наряд вне очереди.

Полы мы натирали швабрами по несколько раз и насухо вытирали, после чего докладывали старшине Демину. Он каждый раз вставал, в кальсонах и тапочках выходил в казарму, проверял чистоту носком тапка и довольно часто заставлял перемывать полы заново. Так мытье полов и заканчивалось только к подъему, а потом без сна и отдыха — вновь на занятия. Старшина Демин любил, чтобы рота шла в столовую и обратно с песней, но не всегда хотелось петь нам, курсантам. Как только рота трогалась в столовую, он давал команду запевалам, а нас было четверо, по одному от каждого взвода. Если мы не запевали, Демин командовал: «Бегом марш до столовой и обратно». А на прием пищи отводилось строго ограниченное время, и если рота в указанное время не укладывалась, она оставалась без пищи, таков уж закон был в училище. Хоть такое случалось и редко, но с таким старшиной, как наш, это иногда случалось. Однажды мы упорно не хотели петь, Демин прогнал нас бегом до столовой и обратно, потом все же мы запели, но пришли мы в столовую с опозданием. Первое блюдо глотали не жуя, на второе была картошка с отварной рыбой. Время обеда кончалось, а оставлять часть обеда никому не хотелось. Я, как и все, быстро проглатывал пищу, вдруг в горле у меня застряла кость, и я стал задыхаться. Меня отвели в санчасть и извлекли из горла большую кость, с тех пор я рыбу ем очень медленно.

Преподаватели училища нам передавали свой богатый боевой опыт, учили командовать подразделением, вести бойцов в наступление и обороняться, окапываться и строить инженерные сооружения, в общем, переносить все тяготы и лишения военной службы. Я много внимания уделял тактической подготовке, изучению военной топографии, почему-то эти предметы мне особенно полюбились. Как-то в конце февраля мы провели в лесу трое суток, когда отрабатывали ориентирование на местности днем и ночью, движение по азимуту. Мы с полной выкладкой с сухим пайком на трое суток совершили лыжный переход и расположились в лесу. Было очень холодно, начали строить шалаши из еловых веток, развели несколько костров и, прижимаясь друг к другу, улеглись спать. За трое суток занятий по ориентированию мы очень многое узнали. Мне они оченьгодились в боевой обстановке.

Много хорошего и важного получили мы в училище, пережитые там трудности впоследствии помогли нам выстоять на фронте.

Приближалась весна, а вместе с ней и окончание нашей учебы.

12 апреля 1942 года наш батальон был поднят по тревоге. Нам объявили, что учеба наша окончена и что сегодня мы отправляемся на фронт. Выпуск не состоялся. Было очень жаль после полугодовой учебы в трудных условиях убывать на фронт рядовыми солдатами.

Признаться, я в училище прилагал все силы и способности, чтобы хорошо учиться. Порой казалось, что уж больше не выдержу, особенно в походах, но, мобилизовав все силы свои, не отставал, а зачастую и опережал других, потому и считался неплохим курсантом. И вот мы убываем на фронт в том же составе, как и учились, только офицеры оставались в училище. Начальником эшелона был наш командир батальона подполковник Турубанов. Перед отправкой в училище состоялся митинг, нас призывали не щадя своих сил громить фашистских захватчиков.

Нам подали товарный состав. Вагоны были оборудованы двухъярусными нарами, посредине вагона проход, а по краям 2 печки-чугунки. Вечером поезд тронулся. Куда нас отправляют, мы не знали, знали, что на Запад. Сухим пайком эшелон был обеспечен на 4 суток, а прибыли в Москву только на 12-е сутки.

Так как в пути было много всевозможных событий, и приятных и неприятных, о некоторых из них хотелось бы вспомнить.

Вместе с нами отправились на фронт и младшие командиры, в том числе старшина роты Демин. Так как ко многим он был несправедлив и порой даже жесток, решили ему отплатить за все. Накрыв его шинелями и повалив на пол, его били до тех пор, пока он потерял силы сопротивляться.

На одной из станций в наш вагон прибыл подполковник Турбанов, но, не добившись выдачи инициатора происшествия, приказал Демину с поезда снять и отправить в госпиталь, пообещав с нами еще разобраться. На больших станциях мы ходили кушать в столовые, но большую часть пути остановки

приходились на мелкие станции. Сухой паек кончился, есть было нечего и некоторые «шустрые» курсанты стали срывать пломбы с вагонов проходящих поездов в поисках съестного. В одном из вагонов были обнаружены сухари в мешках. Разумеется, их начали растаскивать по вагонам, но охранникам поезда удалось двоих курсантов задержать с сухарями и сопроводить их в комендатуру.

К нам прибыло начальство, обыскали все вагоны, и все найденные мешки с сухарями были возвращены, однако задержанных курсантов на следующий день судил выездной суд военного трибунала и приговорил их к расстрелу. Для всех нас это было хорошим уроком, и в дальнейшем никто и не помышлял о срыве пломб с вагонов. На одной из больших станций нас построили между путями, и какой-то полковник зачитал приказ Уральского военного округа о присвоении воинских званий выпускникам нашего училища, чего мы и не ожидали. Воинские звания «лейтенант», «младший лейтенант» и «старшина» были присвоены всем нашим выпускникам.

Из нашей четвертой роты воинское звание «лейтенант» было присвоено восьми курсантам, в том числе и мне, чему я был бесконечно рад. Тут же нам вручили петлицы и кубики, и вскоре мы их пришили и прикрепили к гимнастеркам и шинелям.

В Москву мы прибыли 13 апреля 1942 года и поступили в резерв Западного фронта. Питались мы в офицерской столовой на окраине Москвы, размещались там же в одной из казарм. 24 апреля 1942 года нас выстроили и зачитали приказ о распределении по соединениям Западного фронта.

Около 100 новоиспеченных командиров направлялись в 354-ю стрелковую дивизию, которая занимала оборону восточнее г. Гжатска Смоленской области. В этой группе был и я, и мои друзья-земляки.

354-я стрелковая дивизия в предыдущих боях под Москвой понесла большие потери, особенно в командном составе низшего звена. В штабе дивизии, примерно в 10–12 км от переднего края, в лесу, нас построили и распределили по полкам дивизии. Значительная группа командиров, в их числе и я, были направлены в 1199-й стрелковый полк, где мы были назначены командирами стрелковых взводов. Я был назначен командиром 2-го взвода 9-й стрелковой роты 3-го стрелкового батальона.

В моем взводе были одни «старички» в возрасте 30–45 лет, а мне было чуть больше 18-ти. Но приняли они меня доброжелательно. Я им откровенно признался, что в настоящих боях еще не участвовал, но кое-чему в военном училище меня научили. Фронт обороны взвода тянулся 600 метров. Траншеи были полного профиля, хорошо были устроены огневые позиции пулеметов и подбрустверные блиндажи, в которых хранились боеприпасы и отдыхали свободные от вахты солдаты. Я спал в одном из блиндажей вместе с солдатами, своего блиндажа у меня не было. От солдат, уже побывавших в боях, я многое узнал о фронтовой жизни. Не чурался их советов и многому от них научился.

Ставил себя равным с ними, и им это нравилось, поэтому охотно и беспрекословно меня слушались. На нашем участке фронта в то время было относительно спокойно. Велась артиллерийская и пулеметная перестрелка. Как говорится, шли бои местного значения. Не долго мне довелось командовать взводом. В конце мая 1942 года меня вызвали в штаб полка и предложили вступить в должность старшего адъютанта (начальника штаба) нашего же 3-го стрелкового батальона, так как предыдущего НШ за какую-то провинность от должности отстранили. Не имея никакого представления о работе начальника штаба батальона, я сначала отказался, но после уговоров начальника штаба полка согласился. А выбор пал именно на меня потому, что из всей группы наших выпускников, попавших в 1199-й сп, в звании «лейтенанта» был тогда только я, остальные в звании «младший лейтенант». Таким образом, с 1 июня 1942 года я стал начальником штаба (или ст. адъютантом) 3-го стрелкового батальона 1199-го стрелкового полка, 354-й стрелковой дивизии.

Командиром батальона был мой земляк, уроженец г. Рославля Смоленской области, кадровый командир, капитан Дятлов. Комиссаром батальона был москвич, старый коммунист, батальонный комиссар Грошев.

Моим заместителем был старший лейтенант Коваль, за какую-то провинность сниженный в должности, обиженный судьбой командир. Ко мне он относился благосклонно, о своей прежней службе говорить не хотел, да я и не настаивал в этом. Среди командиров рот помню только командиров стрелковых рот лейтенанта Гусева и капитана Бергольца, остальных командиров уже позабыл.

Пока мы стояли в обороне, при нашем батальоне была создана учебная рота полка, которая состояла из 3-х взводов: взвод противотанковых ружей, взвод станковых пулеметов и взвод снайперов, по окончании учебы личный состав этой роты распределялся по всем батальонам полка.

Всего в батальоне было около 800 человек личного состава (3 стрелковые роты, пулеметная рота, минометная рота, учебная рота, батарея 45 мм пушек, взвод связи, санитарный взвод, хозяйственный взвод и отделение разведки). Командование батальона: командир батальона, комиссар, зам. командира по стрелковой части, начальник штаба, зам. начальника штаба, парторг батальона, комсорг батальона.

В штабе батальона, кроме 2-х командиров, было 2 писаря. Батальон занимал оборону восточнее г. Гжатска по фронту около 2-х километров. 3 роты находились в первом эшелоне, учебная — во втором эшелоне, она же — резерв командира батальона. В середине июля 1942 года нашу дивизию вывели во 2-й эшелон в лес, примерно в 15 км от переднего края, пополнили личным составом. До конца июля занимались обучением личного состава, готовились к наступательным боям.

В ночь на 2 августа 1942 года мы были подняты по тревоге и совершили марш к району сосредоточения юго-восточнее станции Погорелое Городище,

где в ночь на 30 августа сменили оборонявшиеся части и заняли исходное положение для наступления. Фронт наступления батальона был около 0,5 километра, все 3 стрелковые роты в линию, учебная рота, которую не успели расформировать, оставалась во 2-м эшелоне.

К исходу 3 августа командир батальона, комиссар и я были вызваны на КП полка, где получили задачу: после артподготовки атаковать противника, занять первую и вторую траншеи, захватить впереди стоявший лесной массив, выйти к огневым позициям немецкой артиллерии и в дальнейшем наступать в направлении станции Погорелое Городище.

Силы противника нам не были известны, его оборона проходила по берегу безымянного ручья по высокому противоположному берегу, где располагалась небольшая деревушка с деревянными домишками, стоявшими у самого обрыва. Артиллерийская подготовка, в которой, кроме дивизионной и армейской артиллерии, должна была принять участие и батальонная батарея, стоявшая на прямой наводке, должна была начаться залпом «катюш». В период артподготовки саперы должны были проделать проходы в минных полях и проволочном заграждении противника.

Получив задачу у командира полка, мы с комбатом и комиссаром возвращались в батальон. Наступило 4 августа, светало. Мы спешили, уже было около 4 часов утра. Начало артподготовки намечалось на 4.00, то есть время начала атаки в 5.30. На полпути к батальону мы вдруг услышали ужасающий рев и треск. От неожиданности я упал на землю и увидел: высоко над нами летят снаряды «катюш» в сторону противника. Это «катюши» дали первый залп — сигнал начала артподготовки. Как только снаряды стали снижаться, мы их полет уже не видели, но увидели столбы огня и оглушающий грохот разрывов. Дома на противоположном берегу речушки, объятые пламенем, разваливались и падали с обрыва.

Загрохотали все орудия и минометы, над нашими головами проносились с воем тысячи снарядов и мин, уничтожая своими разрывами все сооружения и живую силу противника. Ровно один час длилась артподготовка, затем на оборону противника обрушили свой бомбовый груз наши пикирующие бомбардировщики. Наступила 15-минутная пауза. Когда немцы опомнились, по ним вновь был обрушен 15-минутный артралет.

В период артподготовки все командиры рот и взводов, отделений и каждый солдат получили свои задачи на атаку. Ближайшая задача — захватить немецкие траншеи.

В 5 часов 30 минут 4 августа 1942 года командир батальона капитан Дятлов должен поднять батальон в атаку. Атаку возглавлял командир батальона, рядом с ним комиссар и начальник штаба, за ними шли командиры рот, возглавляя свои роты, затем командиры взводов, сзади развернутым строем — солдаты.

И вот наступило время «Ч». В 5 часов 30 минут командир батальона дал команду, в воздух взвились 2 красные ракеты, и мы, выскочив из траншей, побежали к ручью, быстро его преодолев, стали взбираться по обрывистому берегу к немецким траншеям. Немцы молчали, ни одного выстрела. Достигнув траншей, мы увидели картину полного разрушения траншей и блиндажей, везде валялись полузаваленные землей трупы немцев. В одном из полуразрушенных блиндажей я увидел 3 немцев, у которых из носа и ушей струилась кровь, а они были совсем немощными. Однако задерживаться в первой траншее нельзя было, и мы устремились в том же порядке ко второй линии траншей. Немцы все еще молчали.

Вдруг на полпути ко 2-й линии траншей, на нашем левом фланге, где проходила грунтовая дорога, показался немецкий мотоцикл с коляской, он двигался к нашей цепи. Быстро развернувшись, сидевший в коляске немец открыл огонь из пулемета, дал всего несколько очередей по нашей цепи и умчался к своим. Но и этого было достаточно, чтобы нанести батальону большие потери в командном составе. Были убиты командир батальона капитан Дятлов, комиссар Грошев, командир роты лейтенант Гусев, еще один командир роты, несколько командиров взводов, мой заместитель старший лейтенант Коваль был ранен в ногу, ему оторвало большой палец ноги, а солдат было ранено всего 2 человека. Во второй линии траншей живых немцев также не оказалось.

Когда связисты подтянули кабель, я доложил командиру полка о случившемся и о выполнении ближайшей задачи. Командир полка приказал мне временно, до подбора командира, принять командование батальоном, которому оставалась задача продолжать продвижение вперед, прочесать лес, выйти к позициям немецкой артиллерии и оседлать дорогу на Погорелое Городище. Я пытался отказаться от командования батальоном, объясняя командиру полка, что у меня нет опыта. Однако приказ был подтвержден, и я вступил в командование батальоном. Во время небольшой передышки я собрал командиров рот и поставил задачу на прочесывание леса. Было около 9.00, когда мы двинулись развернутым строем к лесному массиву. Из опушки леса немцы по нашей цепи открыли огонь из пулеметов и автоматов, начались рваться снаряды и мины, однако наша цепь ускорила движение, бегом с криками «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!» Мы подбежали к опушке леса, немцы не выдержали и бежали. Там у них никаких укреплений не было, а стреляли из-за деревьев.

Еще подходя к опушке леса, мы увидели большую группу наших бомбардировщиков и истребителей, направляющихся на бомбардировку немецких тыловых объектов. Немцы из леса открыли огонь из зениток по самолетам. Один из истребителей был подбит и летчик выбросился с парашютом. Ветром его понесло в нашу сторону, и опустился он в лесу,

недалеко от опушки. Когда мы вошли в лес, я прямо натолкнулся на этого летчика. Парашют висел на высоком дереве, а он лежал на земле лицом кверху, глаза у него были раскрытые и будто выскочившие из орбит, он был мертв. На животе у него была сумка и пистолет «ТТ». Я взял у него пистолет (у меня был револьвер), ведь летчику он уже не понадобится. Задерживаться было нельзя, и мы продолжали двигаться на запад по лесу. Часам к 12.00 мы вышли из леса, подошли к оврагу, где было настроено много блиндажей и землянок. Недалеко виднелась деревушка, но дома были все разобраны, одни печные трубы торчали. Немцы отступали, даже не переходя в контратаки.

К оврагу также подошли соседние батальоны полка. Вскоре прибыло и командование полка. Соседняя дивизия справа от нас наступала с танками, которые устремились к станции Погорелое Городище. Наш полк двигался уступом слева, построившись в походные колонны, имея впереди и с флангов походные заставы.

5, 6, 7 августа мы непрерывно продолжали преследование врага, обошли Погорелое Городище слева, за станцию вели ожесточенный бой соседние соединения. К исходу 7 августа наш полк подошел к реке Вазуза в районе юго-восточнее поселка Карманово Смоленской области. Наш батальон в прошедших боях понес наименьшие потери в личном составе и усилен учебной ротой, поэтому нам была поставлена задача: первыми переправиться в ночь на 8 августа на Западный берег р. Вазуза, атаковать противника, засевшего в траншеях вдоль берега, и захватить деревню, что стояла в 1,5 км от реки в направлении пос. Карманово. Река Вазуза в этом месте была не очень широкая, метров 50, но глубокая и с сильным течением. Средств переправы у нас не было. Я послал несколько групп солдат пройти по берегу и найти хоть несколько лодок. Начало переправы началось в 24.00. Стояла очень темная ночь, со стороны немцев ничего не было слышно. Одной из групп удалось найти довольно большую лодку, на которой можно было поместить 10 человек. Первой переправилась боевая группа (отделение разведки) со связистами, которые натянули телефонный шнур в несколько рядов, затем с помощью шнуров темпы переправы значительно увеличились. К рассвету весь батальон был переправлен на противоположный берег и занял исходное положение для атаки вражеских траншей.

Еще не совсем рассвело, когда по моей команде роты с криком «Ура!» атаковали противника. Немцы сначала отстреливались, а потом, покинув траншеи, бежали к деревне. Несколько немцев, не успевших бежать, сдались в плен. Ими оказались юнцы 17–18 лет, какой-то немецкой школы «гитлерюнгенд», которых бросили на прикрытие прорыва. Не задерживаясь в траншеях, мы стремительным броском захватили деревню. К исходу дня заняли еще две близлежащие деревни и заняли оборону полудугой, имея фланги у р. Вазуза, фронтом к пос. Карманово. Местность в этом районе была равнинная,

луга вдоль реки скошены, везде стояли небольшие стожки сена, вокруг ржанные и картофельные поля, поэтому наблюдение за противником было ограничено. С рассветом 8 августа появились немецкие штурмовики по 20–25 самолетов. Они становились в круг и, пикируя, включали мощные сирены, сбрасывая бомбы и вели пулеметный огонь. Утром за нами должны были отправиться остальные подразделения полка, но немецкая авиация воспрепятствовала этому. Единственная лодка была разбита, подходы к реке постоянно контролировались вражеской авиацией. Так мы и остались одни на противоположном берегу без артиллерии и без связи, ибо кабеля хватило лишь до первой деревушки, а мы уже продвинулись еще на 3 км.

Сплошной обороны у нас не было, мы окопались у двух деревень и оседлали дороги, идущие со стороны Карманово. Жителей в деревнях не было, они были угнаны в тыл. Около 20.00 со стороны пос. Карманово послышался гул моторов, вскоре мы увидели 4 вражеских танка. Они шли по ржи на роту капитана Бергольца, за танками шла цепь немецкой пехоты. Началась первая контратака противника, рассчитывавших сбросить нас с занятого плацдарма в реку. Мы не успели окопаться в полный профиль, но укрыться от разрывов снарядов, мин и пуль уже можно было. У Бергольца в роте было 4 противотанковых ружья из учебного взвода, но я приказал через посыльного передать ему еще 4 ПТР правофланговой роты. Когда танки на малой скорости подходили к обороне, «пэтеэррвцы» открыли по ним огонь. Начался ожесточенный бой. Немцы с криком, во весь рост, ведя огонь из автоматов и винтовок, бежали к нашей обороне, но и наши солдаты не дрогнули, открыли по немцам огонь из всех видов оружия.

Чтобы облегчить участь роты Бергольца, я направил туда свой резервный взвод, который должен был ударом с фланга вынудить немцев откатиться назад. Используя высокорастущую рожь, резервный взвод скрытно вышел во фланг немцам. К этому времени были подбиты 2 танка, остальные два сначала остановились, а затем стали пятиться назад. В это время резервный взвод открыл огонь вдоль немецкой цепи, и немцы стали поспешно отступать, оставляя на поле боя своих убитых и раненых. Контратака была отбита. У нас потери были сравнительно невелики, несколько убитых и человек 15 раненых солдат и сержантов.

Всю ночь на 9 августа я не смыкал глаза, боялся повторения контратаки, которая могла бы для нас быть гибельной. Лишь с рассветом 9 августа я добрался к телефону и доложил командиру полка о боевых делах. Он меня отругал, что не поддерживаю с ним постоянную связь, но ведь это от меня не зависело, связь в батальон должна обеспечивать полковая рота связи, а у них не хватило кабеля. Но командир полка сказал, что он наблюдал, как мы отбивали контратаку, и сообщил, что скоро переправятся остальные батальоны и что справа от нас переправились кавалеристы, которые также захватили плацдарм.

Но 9 августа полку не удалось переправиться, так как авиация немцев беспрерывно бомбила и обстреливала переправу. Часов в 12.00 9 августа немцы вновь контратаковали наш батальон. 6 танков и большое количество пехоты устремились к нашей обороне. Они рассредоточились по всему фронту и быстро придвигались к нам. Откровенно говоря, я думал, что это конец, что мы не выдержим. Помощи ждать неоткуда. Но когда «пэтеэровцы» подбили один танк, а затем справа еще один, движение немцев замедлилось. Встретив противника дружным пулеметным и винтовочным огнем, мы вынудили его залечь во ржи, а затем после 2-часового боя отойти. Больше немцы в этот день к нам не совались.

Вечером 9 августа после очередного доклада командиру полка о боях за день, о подбитых танках, а их уже стало 4, он меня похвалил и сказал, что представит меня к награде. Вместе с тем он потребовал, чтобы батальон в ночь на 10 августа попытался захватить соседнюю деревню справа и соединиться с соседями кавалеристами, а ночью он переправит весь полк и сменит наш батальон. В заключение он мне сказал, что приказ о захвате деревни должен быть выполнен во что бы то ни стало, иначе я пойду под трибунал. В этот вечер я допустил большую ошибку, направившись к телефону один, без ординарца. Он у меня был старенький, мне его было жаль, он сильно устал, и я велел ему отдыхать, а пошел один.

Пока я разговаривал с командиром полка, стало быстро темнеть. Возвращался я на свой КП уже в полной темноте. Кругом стояла зловещая тишина, ни единого выстрела, лишь далеко где-то справа и слева стоял сплошной гул боя.

Я взял направление движения к своему КП и, пройдя довольно большое расстояние, вышел на какую-то дорожку, сразу подумав, что сбился с пути, но куда идти, в каком направлении? Немного подождал, может, увижу свет ракеты немцев, обычно они часто освещали свой передний край. Но тут как назло ни одной ракеты. Ничего не увидев и не услышав, я пошел по дорожке и вскоре понял, что спускаюсь в какой-то овражек. Затем я разглядел силуэты больших деревьев и дом. Я сразу понял, что заблудился и попал к деревне, которую нам предстояло ночью атаковать и захватить.

Не успел я опомниться, как услышал немецкую речь. Я залег в кювет дороги, мимо меня прошла группа немцев, освещая себе дорогу фонариком. Это шла смена караулов. Я достал пистолет и решил, если меня заметят, буду сопротивляться, но живым не сдамся. Когда немцы спустились в овраг, в небо взвились осветительные ракеты, стало светло, как днем. Я хорошо разглядел вдоль оврага оборудованные огневые позиции, пулеметы, в самом овраге слева от дороги стояли 81 мм минометы. Когда прошла смена постов и все стихло, я решил пробираться к своим. Поднявшись из кювета, я вдоль дороги направился в обратный путь, стараясь двигаться как можно тише. Когда поравнялся с краем оврага, вдруг засветилась ракета, я сразу упал на траву почти рядом с немецким

пулеметом. Когда ракета погасла, я вскочил и во весь дух бросился бежать, немцы осветили местность и стали по мне стрелять. Пули беспрерывно свистели надо мной, с боков, но я бежал не думая, что одна из них может оборвать мою жизнь. К счастью, на моем пути оказался стожок сена. Я упал, подполз к стожку и еле отдышался. На этот раз пуля меня не достала. Отдышавшись, я побрел искать свой батальон, по пути несколько раз спотыкался о трупы убитых немцев и падал. Наконец, я услышал сильный храп. В стоге сена спала группа солдат. Это были солдаты 9-й роты. Через них я собрал командиров рот, поставил задачу на захват деревни, заведомо зная, что без артиллерии и минометов нам это сделать не удастся, но приказ нужно было выполнять. Примерно к 3.00 ночи были собраны роты и сосредоточены для атаки. Дело шло к рассвету, надо было спешить, ибо на голой равнинной местности днем нас могли расстрелять как куропаток. Вначале ползком, а затем в рост личный состав батальона пошел в атаку. Кто-то из солдат справа начал преждевременно стрелять, и немцы сразу, осветив местность, открыли ураганный огонь из пулеметов, автоматов и минометов. Не добежав метров 50 до оврага, неся большие потери, батальон залег. Уже начало светать. Огонь немцев был настолько плотным, что головы поднять нельзя было. Я передал по цепи всем окапываться. Рядом со мной окапывался солдат, когда он себе сделал ячейку для стрельбы лежа, я попросил у него лопатку, своей у меня не было. Стал окапываться, огонь немцев не ослабел. Поднявшись на левом локте, правой рукой копал себе ячейку. Вдруг я ощутил два сильных удара в правую щеку и ожог. Опустив голову, я сплюнул на ладонь несколько своих зубов, а изо рта хлынула кровь. Я понял, что ранен. Метрах в 20 от меня стоял стожок сена.

Я покатился к нему, там нашел женскую косынку, которой сильно затянул себе рот. Кровь заполнила рот, и я ее глотал, пока меня не стало тошнить. Я развязал платок, и кровь потекла по шее, по телу, нечем было ее остановить. Истекая кровью, я как-то стал безразличен ко всему, постепенно силы меня покидали.

Часов в 12.00 10 августа к нам на выручку подходили 2-й батальон нашего полка и кавалеристы, которые пытались пробиться к своим справа от нас. Они наступали прямо на нас в направлении деревни, которую мы так и не взяли.

Немцы их расстреливали в упор. Прямо на меня бежал старший лейтенант кавалерист, такой коренастый плотный мужчина, весь в ремнях с пистолетом в руке. Когда был метрах в десяти, я видел, как несколько пуль пробили ему грудь, и он замертво упал у моих ног. Атака кавалеристов и нашего 2-го батальона захлебнулась. Командиру полка уже было известно, что я ранен, и лишь с наступлением темноты ко мне пробрался ст. лейтенант, я его раньше не знал, с посыльным из полка и сказал мне, что прибыл меня сменить. Было уже совсем темно, когда я, собрав последние силы, поднялся и направился в деревню, где находился санвзвод нашего батальона. По дороге я упал, потерял

сознание. Кто-то меня подобрал, очнулся я уже в своей санчасти, когда фельдшер делал мне перевязку. Кто-то с меня снял сумку и сапоги, видимо, решив, что мертв. После перевязки меня положили в сарай на сено, где лежало уже немало раненых. Ночь провел в забытии, а утром меня подняли, вывели на улицу и посадили на повозку, где уже лежали двое солдат без конечностей. Оказывается, в ночь на 11 августа через реку был наведен понтонный мост, и почти весь наш полк и другие части сумели переправиться.

Только наша повозка тронулась, как в небе появилось 27 самолетов-штурмовиков с черными страшными крестами. Они стали в круг и, включив свои сирены, начали бомбить нашу деревушку. Моего повозочного как ветром сдуло. Не знаю, откуда у меня хватило сил, я соскочил с повозки, схватил вожжи и стал гнать лошадей от дома к полю, отогнав повозку метров на 500, я остановился и увидел, как самолет, снизившись над нашей санчастью, сбросил бомбу и угодил прямо в дом. Дом мгновенно загорелся, и все раненые, находившиеся там, сгорели. После ухода самолетов появился наш повозочный и погнал лошадей к переправе. Понтонный мост был разрушен, у реки лежало много убитых, а в щелях раненые, ожидавшие переправы. Среди них я увидел нашего командира роты капитана Бергольца. Он лежал навзничь и кричал, чтобы его пристрелили, он был ранен в ягодицу, пуля вышла вперед и оторвала ему член и яички. Как он мучился, было страшно смотреть. Несколько часов мы ждали переправы. Наконец, с того берега подогнали резиновую лодку, в которой нас четверых раненых переправили на восточный берег. Там нас встречал врач полка. Он мне сказал, что санчасть полка постоянно бомбят и, если я могу, надо как можно быстрее уходить в тыл, в эвакогоспиталь. Следующим рейсом была переправлена еще группа раненых. Среди них был наш санинструктор. Он был сильно контужен, но ранений у него не было. Он мне и объяснил, что бомбой, попавшей в санчасть, убило фельдшера и его жену, сгорели раненые, а он ударной волной был выброшен в окно, но отделался лишь ушибами и контузией. Мы с ним и решили двигаться вдвоем в эвакогоспиталь. Шли мы двое суток. Дорога сплошь была забита машинами и повозками, разбитыми немецкой авиацией, трупами лошадей. К ночи 11 августа мы подошли к какой-то деревне и попросились в дом переночевать. На стук ответила бабка, сказала, что не пустит, ибо у нее уже полный дом ночлежников. Санинструктор стал так сильно стучать, что бабка испугалась, что разлетится дверь, и открыла. В доме было пусто, никаких ночлежников. Когда она увидела меня с забинтованным лицом, всего окровавленного, она сжала ласку, даже побежала в огород. Накопала чугунок еще совсем молодой картошки и поставила ее варить. Потом она нас пригласила к столу, но есть я не мог. Лишь маленькие кусочки картофеля я проталкивал пальцем в рот и, не жевавши, глотал, ибо был очень голоден и измучен.

Утром мы продолжили путь и к вечеру увидели на дороге стрелку-указатель эвакогоспиталя. Прибыли мы вовремя. Медикам подали санлетучку и нас даже без осмотра посадили в машину и привезли на какую-то станцию и посадили в вагон. Утром 13 августа наш поезд разгружался в Москве.

Меня привезли в госпиталь, который размещался в здании академии им. Фрунзе. Когда мне сняли бинты с лица, я глянул в зеркало и охнул: черное распухшее лицо, рот до ушей, язык вываливается, ибо были выбиты зубы. Я говорю врачу: «Уж лучше бы меня убило, чем оставаться таким уродом». Врач-женщина рассмеялась и сказала, что мы тебе сделаем все возможное, чтобы ничего не было заметно. В операционной мне привели в порядок рану, наложили швы и вскоре отправили в офицерский госпиталь, размещавшийся в имении Абрамцево. Там я пробыл полтора месяца, рана стала заживать. Однажды группа выздоравливавших командиров, а среди них и я, без разрешения отправились в соседний совхоз, где было очень много девчат-москвичек, они убирали картофель и брюкву. Поздно вечером мы вернулись в госпиталь, где нас уже ждал приказ начальника госпиталя о досрочной выписке за нарушение госпитального режима. На следующий день мы были отправлены в резерв Западного фронта. У меня еще не совсем зажила рана, не были удалены корни выбитых зубов и осколки челюсти, но делать было нечего. Забыл написать, что в здании академии им. Фрунзе я в одной из очередных партий прибывших раненых увидел того старшего лейтенанта, который сменил меня под Кармановом. Он мне рассказал, что на следующий день после моего ранения и его ранило, пуля выбила ему два передних, зуба, задела язык и вышла в затылок. Когда он уже был в санчасти, немцы крупными силами пошли в контратаку и сбросили наш полк и кавалеристов в реку, ликвидировав плацдарм на западном берегу. Больше о судьбе нашего 1199-го сп 354-й сд мне ничего не известно.

Прибыв в резерв Западного фронта и переночевав одну ночь, я был вызван в штаб, где мне вручили предписание, по которому я назначался старшим команды и обязан был с группой командиров-лейтенантов в количестве 10 человек, выпускников Московского пехотного училища, направиться на станцию Шаховская Московской области и поступить в распоряжение командира 399-й стрелковой дивизии, находившейся там на формировании.

Вскоре меня представили, как старшего группы, молодым лейтенантам, и мы через Москву отбыли на ст. Шаховская. Все командиры моей группы были москвичами, и они очень просили меня дать им хотя бы одну ночь побыть дома, среди родных, попрощаться с ними. Я не имел права это делать, но все же решился. Условившись на следующий день всем собраться у входа в здание Белорусского вокзала. Один из лейтенантов по фамилии Фролов спросил, есть ли у меня родные в Москве. Я ответил, что нет, тогда он предложил мне поехать

с ним. Я согласился. Жил он недалеко от Крымского моста на втором этаже деревянного дома. У него была одна мать, тетя Мотя.

С огромной радостью она встретила своего сыночка, а вместе с ним и меня. У нас был сухой паек на двое суток, поужинали, она рассказала, что ее старший сын служил на флоте и пропал без вести, воспитывала сыновей одна без отца, который давно умер.

В разговорах почти всю ночь провели без сна. Утром распрощались. Тетя Мотя, рыдая, не хотела отпускать сына, как будто чувствовала, что видит его в последний раз.

К 9.00, как и было условлено, все мои подопечные собрались, и мы поездом доехали до ст. Шаховская, где я в отделе кадров доложил о прибытии группы. Начальник отдела кадров дивизии, подполковник, тут же распределил лейтенантов по полкам, а мне, за неимением пока вакантной должности, приказал оставаться в резерве.

Переспал ночь в палатке медсанбата, на нарах вместе с девчатами. Утром у меня стала распухать правая щека. Ошутив невыносимую боль, я пошел к зубному врачу. Он сказал, что предполагает у меня воспаление верхней челюсти (ведь еще и рана не совсем зажила) и что он ничего мне сделать не может. Согласовав вопрос с начальником штаба дивизии, врач выписал мне направление в один из московских госпиталей, не указав именно в какой. Прибыв в Москву, я долго не мог найти госпиталь и вынужден был вновь остановиться у тети Моти, матери Фролова.

Распухшая щека так сильно болела, что я себе не находил места. Уже тетя Мотя мне помогла найти госпиталь на улице Госпитальной, 3, куда я приехал. Но там мне отказали в приеме, ибо я был с другого фронта. Тогда я в приемной лег на кушетку и сказал, что отсюда никуда не уйду, пока мне не окажут помощь. Дежурная сестра повела меня в челюстное хирургическое отделение, доложили обо мне врачу, и та приказала: «Давай его сюда». Я подошел, она сказала, чтобы я лег на операционный стол. Включив свои лампы, она стала ковыряться во рту и сказала, что надо удалить корни зубов, один из четырех качался, она зацепила его и выдернула. Мне стало так больно, ведь все лицо было раздражено, и я не помню, как сорвался со стола и очутился на 1-м этаже. Все это случилось бессознательно, о чем мне пришлось потом сожалеть. Когда я опомнился и вернулся в операционную, врач сказала, что ничего мне делать не будет, начала срамить меня, мол, что за командир, если боишься боли. Показала мне на солдата в коляске и сказала, что сейчас будет делать ему операцию и чтобы я посмотрел. В коляске лежал человек с совершенно раздробленной нижней челюстью. Врач пинцетом отдирала у него куски мяса вместе с раздробленными костями и бросала в урну, а он только глазами моргал, не издавая ни единого звука, а она все приговаривала «видишь? — вот это мужчина, не то, что ты!».

Я стал просить у нее прощения, но она была неумолима, сказала, что делать мне ничего не будет.

При госпитале было большое зубоврачебное отделение, там было кресло 15. Я пошел туда, меня приняли, посадили в кресло. Я рассказал врачу обо всем, она посмотрела и сказала, что попробует, но это будет очень больно. Я согласился терпеть. Она ковырялась во рту больше часа, и я от боли чуть сознание не терял, и она вся в поту. Однако сделать ничего не смогла, сказав, что только в челюстной хирургии смогут мне помочь.

Ночь я провел в приемном отделении на кушетке. На следующий день вновь пошел в хирургию. Ассистент хирурга, уже пожилая женщина, мне сказала, что хирург куда-то уехала и будет только завтра, что она берется ее уговорить, чтобы она мною занялась и велела мне прийти к 9.00 следующего дня. В 9.00 я был на месте. Хирург, увидев меня, сказала, чтобы я поблагодарил ассистентку, которая ее уговорила помочь мне.

Меня положили на стол, привязали руки, две сестры придерживали меня, сделали несколько обезболивающих уколов и начали оперировать. Удалили корни и осколки челюсти, наложили швы. Я все терпел, но когда налагали швы, терпение мое кончилось, и я стал что-то мычать. Когда операция закончилась, я встал со стола и, держась за стенку, чтобы не упасть, спустился на первый этаж. Куда теперь идти? Где отдохнуть? Пошел опять в приемную. Поговорил с сестрами. Они мне посоветовали не уезжать, пока не вставят зубы. Я пошел в зубопротезную, но там мне сказали, что пока не заживет рана, и не снимут швы, зубы вставлять не могут. Я попросил, чтобы мне выписали направление с указанием срока явки, что мне и сделали.

Я убыл в резерв Западного фронта. Лишь через 10 дней я вновь поехал в Москву, в госпиталь, заглянул к тете Моте и застал ее заплаканной, убитой горем. А на руках у нее было извещение о гибели сына, того самого лейтенанта, которого я сопровождал в 399-ю стр. дивизию. Она меня ни в чем не обвиняла, говорила, что теперь осталась совсем одна. Я съездил на продовольственный пункт, получил на 5 суток продукты, привез ей, а сам поехал в госпиталь.

Меня сразу приняли, сняли швы, и я направился в протезную, где быстро сняли мерку и сказали явиться через 3 дня. Все три дня я провел у тети Моти, она где-то работала на фабрике. К ее приходу я готовил, как мог, ей пищу. Она предложила мне стать ее приемным сыном, ведь и у меня не было своей семьи.

Когда я приехал к указанному времени в протезную госпиталя, мне тут же вставили зубы. Вечером того же дня я убыл в резерв Западного фронта. После недолгого пребывания в резерве меня направили в 30-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая готовилась к прорыву немецкой обороны между г. Ржевом и Сычевкой. В дивизию я прибыл в начале декабря 1942 года.

30-я гвардейская стрелковая дивизия, бывшая 238-я стрелковая, сформированная в г. Семипалатинске, за успешные боевые действия в 1941–

1942 годах по разгрому немцев под Москвой и Тулой в мае 1942 года была переименована в 30-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В ее составе были: 94-й, 96-й и 98-й гвардейские стрелковые полки и другие части и подразделения. Командовал дивизией генерал-майор Кулешов. Итак, я прибыл в состав прославленной в боях дивизии. Меня сразу назначили начальником штаба отдельного учебного батальона. Этот батальон находился во втором эшелоне и занимался подготовкой младших командиров. Батальоном командовал капитан Степанов, комиссаром был батальонный комиссар Бондаренко. Моим помощником и заместителем был интендант II ранга Дрыгин.

Готовилась Ржевско-Вяземская наступательная операция, в которой участвовала и наша 31-я Армия. 30-я стрелковая дивизия была сосредоточена на направлении главного удара армии и имела задачу прорвать долговременную оборону немцев в направлении деревень Жеребцово и Косово, затем оседлать железную дорогу Ржев — Сычевка. 12 декабря 1942 года, после мощной артподготовки дивизия атаковала передний край немцев. Захватив 2-ю линию траншей и продвинувшись на 1,5–2 км, мы были остановлены мощным огнем противника. В течение 12, 13 и 14 декабря дивизия вела ожесточенные бои, в результате которых нам удалось продвинуться лишь на 3–4 км, неся большие потери в живой силе. 15 декабря немцы перешли в контратаки крупными силами, и им удалось потеснить наш 96-й гвардейский стрелковый полк. Для восстановления положения командир дивизии принял решение усилить полк нашим учебным батальоном. Во второй половине дня 15 декабря батальон поступил в распоряжение командира 96-го гвардейского стрелкового полка. Вечером, когда уже совсем стемнело, внезапной атакой батальона при поддержке оставшегося личного состава полка наши курсанты с криком «Ура» опрокинули немцев и вновь овладели д. Жеребцово. С 16 по 20 декабря попытки дивизии продвинуться к железной дороге Ржев — Сычевка результатов не дали. В воздухе господствовала немецкая авиация, а по железной дороге курсировал немецкий бронепоезд, засыпая нас снарядами. Наш батальон тоже понес большие потери. Был ранен в руку и командир батальона, но эвакуироваться не пожелал.

В конце декабря поступил приказ о прекращении атаки и переходе к обороне. Наш батальон оборонял д. Жеребцово.

Командир батальона и комиссар разместились отдельно в добротных немецких блиндажах. Я со своим штабом облюбовал небольшой блиндаж недалеко от командирского. Находясь в обороне, я смог поближе познакомиться со своими командирами. Командир батальона капитан Степанов, светловолосый, широколицый, коренастый мужчина, лет 30, спокойный, доброжелательный человек. Получив ранение, постоянно находился в блиндаже со своей сожительницей санитаркой Ниной. Она его «лечила» и кормила и была с ним неразлучна. Комиссар батальона Бондаренко тоже сожительствовал с

женщиной, его блиндаж был метрах в 200 от моего. Это был самолюбивый, вечно пьяный человек. В батальоне его все ненавидели, но побаивались. Даже командир батальона его боялся и слушался.

Помнятся такие моменты. Как правило, немецкий бронепоезд 2 раза в день в одно и то же время производил артналеты по нашей деревне. Каждый раз в течение получаса везде рвались снаряды и летели болванки. Обычно в это время все прятались в укрытия. А Бондаренко именно в это время вызывал к себе того или иного командира, требуя доклада обстановки. Однажды, во время артналета он и мне позвонил и потребовал немедленной явки с докладом об обстановке на передовой. Я ему ответил, что, как только кончится налет, тут же явлюсь. Но он ответил, чтобы я явился немедленно, иначе он расценит это как трусость с моей стороны и сделает соответствующие выводы. Делать было нечего, я вышел из блиндажа. Кругом рвались снаряды и мины, рядом со мной кувыркаясь и фыркая, пронеслась болванка. Пробежав метров 50, я упал на снег, надо мной рвались шрапнельные снаряды, кругом сплошной грохот. Я вновь вскочил и уже без остановки добежал до блиндажа комиссара. Шинель у меня в нескольких местах была пробита осколками снарядов. Как меня не задело, просто чудо. Зайдя в блиндаж, я увидел комиссара, сидящего за столом в нательной рубашке, рядом с ним сидела его сожительница. Они, уже подвыпившие, любовались друг другом. Первым моим желанием было плюнуть ему в лицо и уйти. Но, увидав меня, он начал натягивать гимнастерку, свою сожительницу оттолкнул от себя. Я ему доложил о прибытии и заметил, что с вызовом можно было обождать до окончания налета. Бондаренко рассвирепел, начал кричать, что я, молокосос, собираюсь его учить, вытащил пистолет и пригрозил расстрелом. Потом он немного остыл, убрал пистолет. Я ему доложил о результатах обхода участка обороны, и он меня отпустил.

С каким негодованием мы, спустя несколько дней узнали, что командир батальона отправляется в госпиталь, а командование возлагается на Бондаренко. Недолго мне пришлось быть под властью этого изверга. В первых числах января 1943 года наш батальон расформировали. Весь рядовой, сержантский и командный состав распределялся по частям дивизии. Я был назначен старшим адъютантом (начальником штаба) 1-го стрелкового батальона 98-го гвардейского стрелкового полка. Бондаренко был направлен в 94 гвардейский стрелковый полк комиссаром батальона. Как впоследствии мне стало известно, Бондаренко, однажды напившись пьяным, пошел в траншею, выскочил на бруствер и с криком «За Родину, за Сталина» пытался поднять солдат в никому не нужную атаку и тут же был сражен. Пуля раздвоила ему череп.

1-й стрелковый батальон, куда я прибыл, занимал оборону в районе д. Косово (между Ржевом и Сычевкой). Батальон еще не окопался, ибо накануне ему удалось занять одну из господствующих высот, а окопаться в условиях, когда земля (глинистая) промерзла на метр, снегу было мало, было очень трудно.

Солдаты своими лопатками сделали углубления в снегу, а ночами долбили мерзлую землю, зарываясь в нее. В районе обороны было много наших и немецких трупов, которых не успели убрать. Солдаты использовали их как укрытие от огня.

Полностью зарыться в землю и создать оборону с траншеями и ходами сообщений, минными полями нам удалось лишь к концу января 1943 года.

В батальоне меня встретили доброжелательно. Предыдущий ПШ — ст. лейтенант был ранен и эвакуирован в тыл.

Командиром батальона был капитан Калинин, его комиссар, бывший летчик, списанный с летной работы — старший политрук Салказанов, заместителем по строевой части — старший лейтенант Демченко. Среди них я был самым молодым. Все мы размещались в одном блиндаже в 300 м от переднего края, жили дружно, во всем друг друга поддерживали и понимали друг друга с полуслова. Немцы тоже врылись в землю. Их передний край проходил в 100–150 метрах от наших траншей, а было несколько участков, где нейтральная зона составляла 50–60 метров, даже гранаты долетали до траншей. На нашем левом фланге был овраг, по дну которого протекал ручей, не замерзавший даже зимой, откуда и мы, и немцы брали воду.

Весь февраль на нашем участке прошел спокойно. Днем было тихо. С наступлением темноты немцы усиленно освещали передний край обороны и вели огонь из стрелкового оружия. Периодически рвались снаряды и мины. Мы отвечали на огонь своим огнем, но больших потерь в личном составе не несли. Весна 1943 года была ранней. Уже в конце февраля — начале марта стал таять снег, в траншеях стояла вода, грязь.

3 марта 1943 года рано утром я вышел из блиндажа немного размяться и увидел на территории немцев три больших столба дыма. Что бы это могло значить? Я побежал в блиндаж, взял карту, сориентировал ее. Оказалось, что столбы дыма — это горящие деревни. Я разбудил командира и комиссара и доложил им об этом. Убедившись в достоверности доклада, командир направил к траншее разведотделение с задачей узнать поведение немцев в траншеях. С группой пошел старший лейтенант Демченко. Вскоре он доложил, что немцев в траншее нет. Командир батальона доложил об этом командиру полка полковнику Колодянскому. Нам было приказано немедленно занять немецкие траншеи и организовать преследование немцев. Отдав соответствующие распоряжения командирам рот, мы приступили к выполнению приказа. Передний край немцев был сплошь заминирован, но благодаря тому, что снег растаял, мины оказались на поверхности, и мы шагали через них. Чуть позже нам было придано саперное отделение из полка, которое сняло мины, и в дальнейшем саперы были в составе батальона.

Преодолев передний край обороны, мы продолжали движение вперед и вскоре вышли к позициям дальнобойной артиллерии. В одном из овражков было

нарыто много добротных блиндажей и землянок, но все они были заминированы. С нами был инженер полка, который предупреждал, чтобы никто в землянки не заходил, пока саперы их не проверят.

Один из блиндажей, дверь которого была закрыта, а вход припорошен недавно выпавшим снегом, понравился инженеру. Но прежде, чем войти в него, он взял длинный шест и надавил им на дверь. Раздался сильный взрыв, в воздух полетели бревна и комья земли, из дверей вырвался столб огня и дыма. Наш инженер и стоявший рядом с ним солдат-сапер были отброшены в сторону. Когда мы к ним подбежали, увидели, что лицо инженера было черное с кровоподтеками, он был без сознания, а солдат убит. Инженера отправили в тыл, через 3 месяца он вернулся в полк. Все его лицо так и осталось в черных пятнах, один глаз выбит, но он еще долго продолжал служить в полку.

Одна из землянок была раскрыта, и я осмелился в нее войти. Слева на столе лежал большой кусок свежего мяса, а в правом углу на полу лежала новенькая немецкая плащ-палатка. Со мной был сержант, командир саперного отделения. Я так обрадовался, увидев плащ-палатку. Она была мне очень нужна, и я тут же хотел ее взять, но сержант схватил меня за руку, говоря, что сначала надо проверить, может, она заминирована. Он потихоньку стал приподнимать палатку, вдруг он заметил, что палатка прибита маленьким гвоздиком к полу, а от гвоздя тянулась проволочка под пол. Сержант тихонько освободил палатку от гвоздя и передал ее мне, затем он привязал телефонный шнур к гвоздику и приказал всем выйти из землянки и отойти подальше. Мы отошли метров на 20. Когда он дернул шнур, раздался оглушительный взрыв. Нас всех повалило ударной волной, на месте землянки образовалась дымящаяся воронка. Так я чуть не погиб из-за какой-то тряпки. Немцы специально оставляли множество предметов: часов, кошельков, обуви и т. д., и все это было заминировано. Многие солдаты, да и командиры, поплатились жизнью или были ранены из-за этих сюрпризов.

После короткого отдыха и оценки обстановки было принято решение изменить тактику преследования немцев. Надо было во что бы то ни стало спасать уничтожаемые немцами населенные пункты, от которых оставались одни пепелища. Немцы, отходя, оставляли небольшие отряды, как мы их называли, факельщиков. Они на автомашине возили с собой бочки с горючим. Въезжая в деревню, они обливали все дома бензином и поджигали их. Население предварительно угоняли в немецкий тыл, где они строили немцам оборонительные сооружения. На своем пути мы почти не имели сопротивления, лишь в отдельных местах вспыхивали кратковременные перестрелки. Только на подходе к станции Сычевка Смоленской области немцы оказали нам сильное сопротивление. Когда мы подходили к Сычевке, за нее уже вела бой соседняя дивизия. В ночь на 8 марта Сычевка была освобождена. Поселок весь горел, мы

вышли к станции. Здание вокзала было разрушено на путях стояло несколько обгоревших вагонов.

После взятия Сычевки командир полка приказал создать в батальоне 2 подвижных отряда с задачей: обходить населенные пункты лесными массивами, заходить немцам в тыл и уничтожать факельщиков, не допуская сжигания деревень.

Одним из подвижных отрядов, куда было подобрано 50 молодых здоровых ребят, командовал командир первой роты старший лейтенант Ретинский. С этим отрядом было приказано двигаться и мне. Ретинский был смелый, решительный, но не совсем грамотный командир, к тому же любил выпить. Моя задача состояла в том, чтобы отряд выдерживал направление движения и совместно с Ретинским принимать быстрые и правильные решения, сообразуясь с обстановкой. Вторым отрядом командовал зам. командира батальона старший лейтенант Демченко. Сложность наших действий заключалась в том, что у нас единственным видом связи с командиром батальона были посыльные, и советоваться было не с кем. Каждый из отрядов действовал самостоятельно. 9 марта, взяв направление строго на запад, к реке Днепр, мы выступили. К вечеру подошли к лесному массиву. За лесом была большая деревня, дыма с той стороны еще не было. Значит, деревня цела.

В лесу еще было довольно много снега. Выслав вперед боевое охранение, мы выстроились в колонну по одному и почти след в след всю ночь продвигались к деревне. К рассвету, уже подойдя к деревне на 200–300 м, мы разбили отряд на 2 группы и вышли к дороге, с обеих окраин деревни. Оседлав дорогу, выслали разведку в деревню. Там было тихо. У одного дома стояла грузовая машина с бочками. Двое немцев набирали в ведра горючее. Несколько домов уже было обложено соломой. Опоздай мы хотя бы на 1 час, деревня бы запылала. По условному сигналу разведчиков мы с обеих сторон деревни быстро стали пробираться к центру. Солдаты немецкие нас заметили и побежали в дом. Когда мы вошли в дом, там оказалось 16 немцев. Возглавлял группу фельдфебель. Они не сопротивлялись, все подняли руки и кричали «Гитлер капут!». У нас был сержант, хорошо владевший немецким языком. Он переводил, а мы с Ретинским допрашивали всех по одному. Некоторые вели себя дерзко, на вопросы не хотели отвечать. Их сразу уводили. Другие охотно рассказывали, что, мол, их отход связан с тем, что командование боялось окружения их войск после успешного выступления наших войск под г. Ржевом, и что им было приказано сжигать все на своем пути, не оставлять ни одного дома, ни грамма продовольствия. Что касается жителей деревень, то они были угнаны в тыл еще задолго до отхода, правда, некоторые бежали в леса. Мы решили немцев оставить под охраной до подхода наших частей. Жаль, что у нас не было ни одного шофера, поэтому машину использовать мы не могли. На следующие сутки нас догнали солдаты, оставленные для охраны пленных. Они сообщили,

что пленные пытались бежать, поэтому их всех пришлось пристрелить, а машина сгорела. Примерно таким же образом нам удалось спасти еще 2 деревни. После недельного похода мы остались без продовольствия. В деревнях находили иногда немного картофеля или ржи, варили кашу. Мы были вынуждены ждать подхода полка для пополнения запасов, да и обувь у многих порвалась. Было холодно и голодно.

Вскоре мы соединились с полком. Демченко со своим отрядом уже был в батальоне. Дальше мы продвигались в составе полка, и подошли к верховьям р. Днепр. Весна уже полностью вступила в свои права. Река Днепр превратилась в бурный поток. Дороги разбухли и стали непроходимыми. Оставив обоз и артиллерию, набрав носимые запасы боеприпасов и продовольствия, мы по пояс в холодной воде перешли Днепр и продолжили преследование немцев. К концу марта мы оказались восточнее г. Дорогобужа. Все господствующие высоты были превращены немцами в узлы мощной обороны. Не зря они сгоняли сюда все сельское население и заставляли рыть окопы. Мы натолкнулись на организованное сильное сопротивление немцев и вынуждены были в низине, хорошо просматриваемой немцами, остановиться и перейти к обороне. Продвинувшись примерно на 100–110 км, оставшись из-за распутицы без боеприпасов и продовольствия, в невыгодных позиционных условиях мы перешли к обороне. Однажды к нам принесли из штаба полка гражданского парня, который называл себя партизаном. Он брался провести наш батальон через оборону немцев, для удара по их обороне с тыла. Он говорил, что хорошо знает эту местность, что в том месте, где он проведет батальон, нет немецких огневых точек. Командир полка ему доверял и приказал следовать с ним. Ночью мы выступили, двигались по дну глубокого оврага, поросшему мелким лесом. Когда мы стали выходить из оврага на какую-то поляну, вдруг местность с обеих сторон осветилась ракетами, и на нас обрушился шквал пулеметного и автоматного огня. Командир батальона капитан Калинин схватил за шиворот проводника и чуть не пристрелил его. Потеряв 13 человек убитыми и около 20 ранеными, мы ползком выбрались из ловушки. «Партизана» отправили в полк. Кто он, и кем был подослан, мы так и не узнали.

Окопавшись, насколько было возможно в грунтовых водах, в условиях голода и холода, мы пробыли в обороне до конца апреля 1943 года. Как-то нам пытались помочь продовольствием и боеприпасами. Ночью прилетели несколько самолетов, сбросили на парашюте мешки, но они были отнесены ветром к немцам. Для борьбы с голодом мы создали несколько групп солдат, вооружили их щупами (длинными металлическими прутьями) и отправили их по сожженным деревням, где иногда им удавалось находить то мешок ржи, то немного картофеля. Пришлось довольствоваться и мясом убитых лошадей, которые уже стали разлагаться.

Но вот, кажется, 28 апреля 1943 года нас сменила другая часть. Наша дивизия снималась с обороны и, совершив марш, сосредоточилась в одном из лесов юго-западнее г. Вязьмы.

На базе 30-й армии приказом ставки Верховного командования из гвардейских частей формировалась 10-я гвардейская армия, в состав которой вошла и наша 30-я гвардейская стрелковая дивизия. Полк получил район размещения, где были вырыты землянки. Личный состав приводил себя в порядок. Вскоре мы получили пополнение. Началась усиленная учеба взводов и рот.

Запомнился первомайский праздник. К нам приехали шефы из Москвы, привезли много посылок. Мне досталась посылка с фотографией девушки-москвички. Она просила написать ей письмо, понравились ли подарки, а там были шерстяные носки, пряники, конфеты и даже бутылка вина. Я написал ей, и между нами завязалась переписка, которая длилась до моего очередного ранения.

В течение мая-июня 1943 года продолжалась усиленная боевая подготовка личного состава. Командный состав проходил подготовку путем сборов в полку и дивизии. В конце июля были проведены батальонные учения с боевой стрельбой и обкаткой солдат танками. Они показали хорошую выучку личного состава и возросшую зрелость командиров.

В свободное от занятий время устраивались концерты художественной самодеятельности, показывались кинофильмы. Я был активным участником художественной самодеятельности, пел в хоре, которым руководил начальник продовольственной службы полка. Он тоже хорошо пел и был ведущим солистом.

Однажды мы (группа батальона) решили пойти в ближайшую деревню, которая была за лесом примерно в 10 км от нашего лагеря. В деревне, в одном из домов собралось много девчат. Устроили танцы. Перезнакомились. Я танцевать не умел и своей партнерше, которая была на целую голову выше меня, наступал на ноги. Она хохотала и все пыталась меня учить, но ничего не получалось. После танцев она меня пригласила домой. Жили они по-деревенски, очень просто и бедно. У нее была одна мать. Отец был на фронте. Меня угостили чаем. Потом еще несколько раз я бывал у них дома. Мои однополчане надо мной смеялись. Однажды, когда я вернулся из деревни, мне капитан Калинин и замполит старший лейтенант Ломакин, сменивший раненого комиссара Салказанова, преподносят самодельную табуретку. Это, говорят, тебе, чтобы можно было целовать свою девушку, а то ведь не достанешь до ее рта, и все подняли меня на смех. Я покраснел до волос.

В очередной раз я отправился в деревню с комсоргом батальона. Это было, кажется, 28 июня. Вернувшись в лагерь, мы уже никого не застали. В моей землянке сидел мой ординарец, поджидавший меня. У него в руках была схема с

маршрутом движения полка. Оказывается, полк был снят по тревоге и должен был прибыть в новый район сосредоточения — лес юго-восточнее г. Спас-Деменска.

Готовилась новая наступательная операция — Смоленская, под условным наименованием «Суворов», в которой принимали участие Западный и Калининский фронты, имевшие задачу освобождения Смоленской области и значительной части Белоруссии. В этой операции нашей 10-й гвардейской армии отводилась задача нанесения главного удара на участке наступления Западного фронта.

Свой полк мы догнали уже на следующий день. Перемещение войск ведь производилось ночами, а мы, используя попутный транспорт, зная места дневных привалов, легко нашли свой полк.

Прибыв к месту сосредоточения, мы продолжали боевую учебу, пополняли свои запасы боеприпасов и продовольствия, готовились к предстоящему наступлению. Так случилось, что мне всю первую половину войны до конца октября 1943 года довелось воевать на своей родной Смоленщине. Вот почему сейчас, зная о предстоящем освобождении Смоленщины, и что мне тоже доведется в этой операции принимать участие, я был бесконечно рад этому, но вместе с тем меня охватывала тревога за судьбу своих родных, оставшихся на оккупированной территории. Не хотелось верить, что они все погибли, а вдруг кто-либо из них остался в живых. С таким чувством я пребывал в эти памятные дни. Приближался день начала наступления. К переднему краю подтягивалось большое количество войск, танков, артиллерии. Все лесные массивы буквально были забиты войсками. Наша 30-я гвардейская стрелковая дивизия к началу прорыва должна была двигаться во втором эшелоне, впоследствии, будучи введенной в прорыв, начать преследование немцев. Она действовала на правом фланге армии. Нашему полку была поставлена задача: прикрыть правый фланг наступательной группировки и, по возможности, развернувшись вправо, наступать вдоль немецкой обороны, расширяя фронт прорыва. В 4.00 7 августа 1943 года началась мощная артиллерийская подготовка. В небе появились десятки бомбардировщиков, сбросивших свой смертоносный груз на немецкие позиции.

Передовые соединения после двухчасовой артподготовки атаковали передний край немцев, но встретили яростное сопротивление. Только после дополнительного 15-минутного артогня отдельным частям удалось вклиниться в оборону немцев на 1–2 километра. В ночь на 8 августа наш полк приступил к выполнению поставленной задачи. Развернувшись фронтом на северо-запад, в районе д. Гнездилово мы начали атаковать немцев вдоль траншей. Пространство между траншеями и проволочными заграждениями было сплошь минировано, немцы оказывали упорное сопротивление.

Каждый метр отвоеванной территории давался со значительными потерями. Схватки в траншеях носили характер ближнего боя, который велся с помощью автомата, гранаты и штыка. Немцы на каждом изгибе траншеи ставили проволочные ежи, минировали их и держали под обстрелом. Поверхность вдоль траншей сплошь минировалась. Наш батальон наступал вдоль 1-й траншеи. В каждой роте были созданы группы бойцов, как правило, во главе ставили одного из командиров взводов. Солдаты пробираясь по траншее к очередному ее изгибу, бросали туда несколько гранат, затем набрасывали свои шинели на ежи, преодолевали их, стреляя на ходу. Итак, до следующего изгиба траншеи. Зачастую завязывался рукопашный бой, и обе стороны несли большие потери. Нужно было искать иной способ «выкуривания» немцев из траншей.

Однажды заместитель командира батальона по строевой части старший лейтенант Демченко предложил капитану Калинину попробовать ночью пробраться по поверхности тыльной стороны траншеи в немецкий тыл и оттуда ворваться в траншею и уничтожить там засевших немцев. Хорошо обдумав его предложение, мы сформировали группу из 25 человек, куда вошли молодые крепкие бойцы, среди них трое саперов с миноискателями. Все они были вооружены автоматами, гранатами, штыками. Возглавил группу старший лейтенант Демченко. Немцы уже привыкли, что мы вот уже 5 дней ведем наступление по траншее и не ожидали нападения с тыла. 13 августа, когда уже стемнело, группа Демченко по-пластунски скрылась в темноте. Мы с большой тревогой ждали, прислушиваясь к стрельбе. Прошло около двух часов, когда мы услышали глухие взрывы разрывающихся гранат и автоматные очереди. Сразу же Калинин приказал начать наступление навстречу группе Демченко. У немцев в траншее началась паника, и они заметались, как в ловушке. Минут через 30 прибыл Демченко и доложил капитану Калинину, что захвачено около 500 метров траншей, 12 пленных, много немцев было убито, а в группе никто не пострадал. Много времени при продвижении вдоль траншей отняло разминирование, но немцы были захвачены врасплох. Многие из них сидели в блиндажах, не ожидая столь дерзкого налета наших бойцов.

Такой способ боевых действий был принят на вооружение всего полка. Очень часто немцы находились от нас на удалении 50–60 метров. У них были гранаты с длинными деревянными ручками, а при броске граната летела довольно далеко. Уже на земле их гранаты взрывались не сразу, а через 5—10 секунд. Этого было достаточно, чтобы схватить гранату и бросить обратно к немцам. Так некоторые солдаты и делали. 15 августа старший лейтенант Демченко, будучи с одной из штурмовых групп, уже имея опыт переброски немецких гранат, схватил упавшую рядом с ним гранату. Пытаясь ее бросить в сторону немцев, он немного замешкался, мешала стенка траншеи размахнуться. Граната у него взорвалась в руках, и он был тяжело ранен, а спустя несколько часов

умер. Так мы потеряли одного из лучших командиров, прекрасного друга, отличного и очень смелого воина.

К 18 августа наш полк расширил фронт прорыва армии на 12,5 км и продолжал выполнение задачи.

Утром 18 августа я в составе боевой группы первой роты пробирался к очередному участку штурма траншеи. Вдруг слева на бруствере вспыхнуло пламя, и раздался оглушительный взрыв. Меня сильно ударило по голове, и я упал в траншею. Оказывается, на бруствере разорвалась немецкая граната. Меня оглушило взрывом, и множество мелких осколков, пробив пилотку, воткнулись мне в голову и лицо. Все лицо мое было залито кровью. Кто-то крикнул, что мне выбило глаза, но я видел, только левый глаз заплыл кровью, это один из осколков впился в левую бровь. Сознания я не терял, но очень сильно разболелась голова, и левое ухо совершенно не слышало.

Меня отправили в дивизионный медсанбат. От эвакуации в тыловой госпиталь я отказался, ибо ранение было легким. Осколки почти все были извлечены, и через 10 дней, то есть 27 августа, когда командир батальона капитан Калинин меня навестил в медсанбате, я с ним вернулся в батальон. Наш полк к тому времени с правого фланга армии был снят и в составе дивизии наступал в направлении г. Ельни.

Четверо суток кровопролитных упорных боев потребовалось нашей армии, чтобы прорвать долговременную оборону немцев в районе Гнездилово — Павлиново на Спас-Деменском направлении. Только введя в прорыв свежие резервы войск и танковый корпус, удалось сбить немцев с позиций и обратить их в бегство, начав их преследование на широком фронте. На пути продвижения наших войск встречались сожженные деревни, разграбленные дворы. Население укрывалось в подвалах домов или бежало в ближайшие леса. Однажды на Ельнинском направлении мы прочесывали лес. На одной из полян я увидел пасущуюся корову, а недалеко от коровы мальчишку. Когда мальчишка заметил цепь солдат, то испугался и побежал. Я кричу ему, чтобы он остановился, мы свои. Но он бежал, а я за ним. И вот он подбежал к лесному лагерю, где жило население нескольких близлежащих деревень. Они укрывались от немцев. Жили в вырытых землянках. Среди них было много детей, женщин и стариков. Я подбежал первым к лагерю. И увидевшие меня остоленели, а узнав, что я свой, с криками, слезами радости бросились меня обнимать и целовать, а тут подоспели наши остальные воины и начались рассказы и расспросы, и радость и слезы, и чего только не было. Пробыв с людьми некоторое время и отдохнув, мы продолжали проческу леса, а они стали собирать свои скромные пожитки для возвращения к своим очагам.

Однако вернемся к последовательному повествованию. 27 августа я вновь прибыл в свой батальон. В батальоне были рады моему возвращению, да и я был бесконечно рад вновь встретиться со своими боевыми товарищами. Среди

командного состава были и новенькие, взамен убитых и раненых. Среди них был старший лейтенант Воронов, прибывший из госпиталя взамен погибшего зам. командира старшего лейтенанта Демченко. Это был красивый среднего роста, плотного сложения мужчина, лет 28, с орденом Красной Звезды на гимнастерке. Мы с ним познакомились, а затем и сдружились. Батальон занимал оборону вдоль восточного берега реки Угра. В этом районе на подступах к г. Ельня немцы создали мощную оборонительную систему, состоящую из 6 линий траншей, бетонированных и деревянно-земляных огневых точек. Нам ставилась задача: прорвать оборону противника и во взаимодействии с танками 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса овладеть г. Ельне и, сменив направление наступления, продвигаться к г. Смоленску. 28 августа после мощной артподготовки и бомбовых ударов нашей авиации мы перешли в наступление, форсировали р. Угру и при содействии танков стремительным броском овладели

2-й линией обороны немцев. Затем начали быстро приближаться к г. Ельне. Однако командование нашло нужным нашей дивизии изменить направление наступления, а на Ельню была направлена 29 гвардейская стрелковая дивизия, танковый корпус. 30 августа наши войска ворвались в Ельню и к 20.00 того же дня очистили ее от немцев. Мы же продвигались юго-западнее Ельни к магистрали Рославль-Смоленск, но вскоре были остановлены на очередном мощном оборонительном рубеже в районе станции Нежеда. После перегруппировки войск нас сменила 56 гвардейская стрелковая дивизия, а мы были выведены во 2-й эшелон для кратковременного отдыха и пополнения.

3 сентября 56 гвардейская стрелковая дивизия в районе ст. Нежеда прорвала оборону противника, но, продвинувшись на 10–12 км, была остановлена мощными контратаками немцев из укрепленных пунктов, расположенных на господствующих высотах и населенных пунктах. Один из таких опорных пунктов располагался на высоте, откуда немцам обеспечивался прекрасный обзор и обстрел прилегающей местности. Когда мы сменили 56 гвардейскую стрелковую дивизию, встал вопрос во что бы то ни стало сбить немцев с высоты. Эта задача была поставлена нашему полку. Несколько раз после артобстрелов 2-й и 3-й батальоны пытались захватить высоту, но, неся большие потери, откатывались к ее основанию. Наш батальон, окопавшись вдоль оврага, находился в резерве командира полка. Вечером 6 сентября к нам прибыл инженер полка и сказал, что в полк привезли бронешитки, и что командир полка приказал их передать нашему батальону для штурма высоты. Бронешитки представляли собой 2 бронированных плиты, соединенные между собой прочной тканью. Верхняя плита заходила на нижнюю, защищала грудь, а нижняя прикрывала живот и ниже живота. Бронешитки весили около 16 кг, крепились они ремнями за шею в пояс. Вскоре саперная рота полка доставила в батальон 150 штук бронешитков. Быстро раздали их по ротам, пристегнули,

примерили, попробовали двигаться в них. Они, конечно, мешали движению, да и тяжелы были, но гарантировали от ранений области груди и живота. Весь следующий день мы осваивали бронешитки. В ночь на 8 сентября 1943 года наш батальон атаковал немцев на высоте. В первой цепи шли солдаты и командиры, одетые в бронешитки. Когда немцы осветили местность и открыли огонь по наступающим и увидели, что наступающие под ураганным пулеметным и автоматным огнем не падают, а продолжают идти вперед, переполошились, стали бросать свои позиции и бежать. Многие из них были взяты в плен. У нас были потери, но сравнительно небольшие. Солдаты были ранены в ноги и голову. Ни одна пуля не пробила бронешитки, хотя они почти у всех наступающих имели пулевые вмятины. Так, с помощью бронешитков удалось захватить сильно укрепленную высоту.

Немцы, стремительно отходящие на запад, не всегда успевали сжигать населенные пункты. Как-то ворвавшись в одну из больших деревень, мы увидели толпу людей, которые тащили человека, на ходу избивая его. Приблизившись к толпе, мы узнали, что этот человек, бывший староста, в период оккупации издевался над жителями деревни, из-за него погибло немало людей. Когда немцы бежали из деревни, он тоже пытался с ними бежать, но его перехватили местные парни и вот учинили над ним самосуд. Чем там дело кончилось, не знаю, ибо мы не имели возможности останавливаться. Там же в деревне был большой склад немецкого продовольствия. Жители спросили, можно ли им воспользоваться, на что от капитана Калинина получили утвердительный ответ. Многие бросились к складу, сбили замок и потащили по своим домам мешки с мукой, какие-то ящики с продуктами, успели ли они растащить склад до подхода наших тылов, нам было неизвестно. Очень радушно встречали нас смоляне, оставшиеся в ожидании часа освобождения. Мы узнавали о диких зверствах, чинимых немцами и полицией на оккупированной Смоленщине. Все меньше шансов оставалось у меня застать кого-либо из моих родных в живых.

15 сентября 1943 года наша 10 гвардейская армия возобновила наступление. К 13 сентября мы вышли к железной и шоссейной дорогам Смоленск-Рославль. Наш полк вышел к населенному пункту Талашкино. В Талашкине было много эвакуированных из г. Смоленска, они ждали освобождения города, чтобы немедленно в него возвратиться. 10-я гвардейская армия частью сил (56-я гвардейская стрелковая дивизия, 1-я штурмовая комсомольская инженерная бригада) устремилась вдоль шоссе в направлении г. Смоленска и, преодолевая упорное сопротивление немцев, 25 сентября 1943 года ворвалась в г. Смоленск с юго-запада. Во взаимодействии с другими соединениями Западного и Калининского фронтов 25 сентября 1943 года г. Смоленск был освобожден.

Наша дивизия, наступая юго-западнее г. Смоленска, продолжала продвигаться в направлении пос. Красное, и во взаимодействии с 56-й

гвардейской стрелковой дивизией в ночь на 28 сентября освободила пос. Красное и вышла к границе Белоруссии у местечка Ляды, к реке Мерея. На подступах к пос. Красное мы увидели множество очагов пожара, горели подожженные немцами дома. Из колокольни небольшой церквушки немцы вели сильный пулеметный огонь, мешая продвижению нашей пехоты. Пришлось развернуть приданные 76 мм пушки и открыть огонь по церкви. Пулеметы были подавлены. Поселок был вымершим, никого из жителей мы не встретили, все прятались где-то в подвалах и оврагах.

Вдоль границы Смоленской области и Белоруссии по Западному берегу речушки Мерея немцы устроили прочную оборону и прорвать ее с ходу нам не удалось. Полк наш был сменен и отведен на отдых в лес, 8 км восточнее пос. Красное, где пополнялся личным составом из числа призванных в Советскую Армию смолян.

Я находился всего в 30 км от пос. Монастырщина, и мне не терпелось хоть что-либо узнать о судьбе моих родных. Я обратился к командиру полка с просьбой разрешить мне съездить на родину.

Мне дали отпуск на 2 дня. Командир хоззвода оседлал мне лучшую лошадь, и я отправился в путь. По дороге встречалось большое количество машин и санитарных повозок, а в сторону п. Монастырщина везли много раненых поляков. Накануне в районе совхоза Ленино, что левее нашего участка обороны, в бой впервые была введена польская дивизия имени Костюшко. Когда немцы узнали, что в бой введены поляки, они против них бросили имевшуюся здесь у них артиллерию и танки. Дивизии удалось продвинуться на несколько километров по белорусской земле, но контратакованная крупными силами пехоты, танков и авиации польская дивизия была вынуждена отойти, понеся большие потери. Медсанбат этой дивизии размещался в п. Монастырщина, куда и везли раненых.

Почти весь путь я гнал свою лошадь галопом, все не терпелось быстрее доехать. Вот уже показались знакомые места, река Вихра, за нею большой пригорок и спуск к реке Железняк, а там уж виден мост. За ним открылась страшная панорама. Вся северная сторона улиц лежала в пепелище. Отдельные дома еще дымились. В поселке в уцелевших домах размещались раненые поляки, их было очень много и на улицах. Я подъехал к своему дому. Вместо дома лежала груда искореженного железа и куча тлеющих углей. Сердце мое словно оборвалось. Сойдя с коня, я стоял, как вкопанный, возле дома. Ко мне подошла женщина, увидела меня, узнала, бросилась ко мне со слезами, обнимала и целовала. Ею оказалась тетя Поля, Шурки Циркунова мать. Она жила рядом с нами, и их дом тоже сгорел. Вскоре вокруг меня собралась целая толпа жителей нашей улицы: Баньковы, Ивановы, Мастаковы и другие. Все меня обнимали и удивлялись, что я уже старший лейтенант, командир Советской Армии, а ведь совсем недавно провожали меня еще мальчишкой в

армию. Подошел и Коля Циркунов, брат Шурки. Мы с ним отошли в сторону, и он мне сказал, что моих родных в живых никого не осталось. А вечером (я ночевал у Мастаковых) мне поведали все, что произошло в поселке.

Немцы пришли в поселок 12 июля 1941 года. Боя за поселок не было. Некоторые местные доброжелатели встречали их с хлебом, солью. Они давно ждали перемены власти и видели в немецких оккупантах своих спасителей от Советской власти. К ним относились: бывший начальник радиоузла Исаенков, учитель математики Космачевский и другие. Исаенкова сразу поставили начальником полиции. Он себе подобрал полицией армейских дезертиров Кольку Чехиркина, Шенделева, Сысоева Виктора и многих других, которые верно служили немецким оккупантам. Начались массовые репрессии. Первыми были преданы и повешены председатель колхоза коммунист Хайкин, не успевший эвакуироваться, все бывшие советские работники и члены партии. Затем начались массовые грабежи. У населения отбирали скот, ценные вещи, продукты. Все это делалось при активной помощи полицаяв.

В октябре 1941 года все еврейское население поселка было выдворено из своих домов и согнано в гетто (в дома, находящиеся вдоль р. Железняк у бывшей бани). Гетто было опутано колючей проволокой, а вход охранялся полицией.

Из гетто мужчин, а их было очень мало, и молодых женщин гоняли на работу, а продуктами питания не обеспечивали, питались тем, кто что найдет. Для топки печей зимой 41–42 гг. использовали мебель и все то, что могло гореть. В гетто находилось более 1200 человек, большинство из них дети, женщины и старики. В феврале 1942 года в гетто объявили, что все они подлежат перемещению в другой лагерь, поэтому они должны взять с собой только ценные вещи, продукты и больше ничего. Их строили в колонны, выводили к мосту через Железняк и уводили в сторону большого оврага, там всех заставляли раздеться догола на морозе, на снегу. Тогда, кто не подчинялся, жестоко избивали. Затем их ставили вдоль оврага и расстреливали. Тремя колоннами все обитатели гетто были выведены к оврагу и расстреляны. Мне рассказывали, что в одной из колонн следовал мой дедушка, он хромал, у него еще до войны была сломана нога. У моста он споткнулся и упал, его тут же пристрелили, а труп его сбросили к реке. Среди людей в колоннах никто не видел мою маму и сестер. Уже спустя неделю после массовых расстрелов ночью к Балыковым постучали. Когда они открыли, то увидели мою сестренку Фаину. Она рассказала, что мои мама и сестры, а с ними и тетя Паша с дочерью и внучкой скрываются в одном из подвалов. Она просила, чтобы дали им продукты, ибо они неделю ничего не ели. Так Рая Банькова, Леля Разумкова ночами пробирались к моим родным и снабжали их продуктами. Лишь спустя полтора месяца, после массового расстрела Чехиркин-старший, обследуя пустующие в гетто дома, заглянул в подвал и увидел там моих родных. Мать

просила его не выдавать их, ведь мы работали в одном колхозе, никому никогда зла не приносили. Но Чехиркин сообщил об увиденном своему сыну-полицая. Тот доложил начальнику полиции Исаенкову. Вскоре моих родных из подвала выдворили и привели на рыночную площадь, где заставили снять верхнюю одежду. Мать упрашивала Исаенкова оставить в живых мою младшую сестренку Белочку, ей тогда было 5 лет, но Исаенков сам первым выстрелом убил сестренку, а затем и всех остальных. Куда были вывезены трупы убитых, никто не знал.

Исаенков даже собранную после расстрела одежду забрал себе домой. На следующий день я отправился к жене Исаенкова, мне так хотелось найти и собственноручно расстрелять этого негодяя. Дом Исаенковых находился на нашей же улице, недалеко от нашего дома. Их дом не сожгли немцы, отступая, хотя и он стоял на северной стороне улицы. Дома были его жена и дочка, ровесница моей младшей сестренки. На девочке я увидел пальтишко моей сестренки. Я рассвирепел, чуть не выстрелил в ее мать, но удержал себя. Она ползала у моих ног, рыдала, говорила, что Исаенков давно уже их бросил и жил с другой женщиной, и где он сейчас, она не знает, просила не трогать их, что они ни в чем не виноваты. Я сорвал с девочки пальтишко, плюнул, повернулся и выскочил на улицу. У меня была одна цель — разыскать Исаенкова. Органами НКВД уже были задержаны некоторые изменники Родины, среди них был учитель математики Космачевский, но Исаенкова среди них не оказалось. Кто-то говорил, что он успел бежать с немцами.

Коля Циркунов мне сказал, что наша корова цела, что ее взяли одни мешчане, и по сей день она у них. Я пошел с Колей к тем людям. Они признались, что корова наша действительно была у них, но потом немцы ее отобрали, а эта корова ими приобретена позже. Я посмотрел, действительно, корова была не наша, но мне Коля подсказал, что они просто сменяли нашу корову на эту. Я просил Колю и тетю Полю взять корову себе, но они отказались. Тогда я пошел в сельсовет, где уже были какие-то начальники, рассказал о корове и оставил заявление, чтобы с образованием колхоза передали мою корову в колхоз. Было ли это исполнено, мне неизвестно. У Баньковых я забрал альбом, наш семейный, который им удалось сохранить, еще кое-какие вещи они мне предлагали, которые мать, уходя в гетто, оставила у них, но на что мне были эти вещи, впереди еще предстояли ожесточенные бои, в которых мне предстояло мстить и мстить за гибель и мучения моих дорогих родных. Теперь я уж остался совсем один, и если не я, то кто же отомстит за них. С огромным горем, распрощавшись с соседями, я покидал свой родной поселок. Выезжая из поселка, я подъехал к оврагу — месту массовых расстрелов, поклонился праху своих односельчан и мысленно дал себе клятву, не щадя своей жизни отомстить врагу.

Обратно я ехал медленно, времени для своевременного возвращения в часть у меня хватало. Всю дорогу я строил планы, как лучше отомстить за гибель родных под тяжким впечатлением виденного и услышанного.

К вечеру я прибыл в полк. Меня обступили друзья, стали расспрашивать, и я вдруг разрыдался и убежал в свою землянку, где вскоре немного успокоился. В землянку вошел замполит старший лейтенант Ломакин. Он мне сказал, что получен приказ на наступление, и что нужно провести митинг, на котором и я должен выступить, рассказать о зверствах фашистов, призвать воинов батальона бить беспощадно гитлеровских гадов. Вечером весь личный состав был собран у землянки командира батальона, командир открыл митинг, рассказал о предстоящем наступлении по земле Белоруссии, затем выступил Ломакин, потом я, как мог, рассказал о зверствах фашистов и призвал в предстоящих боях, не щадя своей крови и самой жизни, изгонять фашистскую чуму с советской земли.

Теперь мне следует сделать некоторое отступление от последовательного изложения повествования и немного забежать вперед.

Уже в 1947 году, когда я задумал поступить учиться в военную Академию, мне потребовался аттестат об окончании 10 классов. Подлинник у меня за время войны истрепался, и я вынужден был его выбросить. Я поехал в Монастырщину, где при помощи 3-х свидетелей-соучениц, подтвердивших, что я с ними вместе окончил 10 классов вечерней школы, в районо мне выдали справку, заменяющую аттестат. Я в поселке провел несколько дней и имел ряд встреч с довоенными знакомыми и соседями. Однажды ко мне подошла девушка лет 17, я в ней сразу узнал Симу Черняк, но как она выросла и похорошела, настоящая невеста. До войны я бывал у них в доме, дружил с ее старшим братом, отец у нее работал в сапожной мастерской. Она мне рассказала следующую историю: в феврале 1942 года, когда из гетто повели людей на расстрел, многие еще надеялись на какое-то чудо. Но чуда не случилось, а вот она — Сима действительно чудом уцелела. Когда их раздели и поставили к краю оврага, раздались страшные крики и стоны людей, выстрелов она не слышала и упала в ров. Сколько она пролежала среди трупов, она не помнит. Очнулась ночью и кое-как выкарабкалась из-под трупов. Ощупав себя, поняла, что цела, даже не ранена. Нашла кое-какое тряпье, надела на себя, укутала ноги и побрела по снегу в сторону близлежащей деревни. Дойдя до крайнего дома, постучалась. Открыла ей старая женщина и, увидев ее в лохмотьях, испугалась и убежала в хату, но потом вернулась и втащила ее в дом. Растерла ей ноги и тело, посадила на печь, где Сима отогрелась. Но ужас стоял в ее глазах, даже говорить она не могла. Эта женщина поняла, с кем имеет дело, и все говорила, что постарается ее спасти. Весь день она пролежала на печи, а ночью приехали на подводе и увезли ее в другую деревню, где никто ее не знал, и принимали за приезжую родственницу. Приютили ее родственники той самой старушки. В

апреле 1943 года немцы из окрестных деревень собрали подростков, среди которых была и Сима, и отправили их в Германию, где их раздали фермерам. Она попала на ферму к хорошим людям немцам. Старалась хорошо работать, поэтому ее там ценили и не наказывали. На соседних же фермах немецкие фермеры издевались над работниками, морили их голодом и избивали. Здесь же Симе повезло. В 1945 году наши войска освободили угнанных юношей и девушек, и они возвратились домой. Сима в Монастырщине не жила, она переехала в Могилев, где жили ее дальние родственники.

Тогда же мне поведали еще одну историю.

В пос. Монастырщина жил бывший кадровый командир по фамилии Лифшиц. Он прибыл в поселок примерно в 1935 году. Работал на партийной и советской работе. Последние до начала войны годы работал председателем Райпо. У него были жена, прекрасная русская женщина и двое детей. Когда началась война, Лифшиц пытался добровольцем уйти на фронт, но его непустили и поставили задачу, как бывшему кадровому командиру, в случае оккупации района организовать и руководить партизанским отрядом. С этой целью в одном из близлежащих лесов была в строгом секретном порядке создана партизанская база, где было сосредоточено оружие, боеприпасы и продовольствие. В состав отряда райкомом партии и райкомом комсомола были подобраны партийные и советские активисты. С приходом немцев они должны были уйти в лес и действовать в составе партизанского отряда. Когда немцы вошли в поселок, кто-то из оставшихся «партизан» выдал место партизанской базы и людей, оставленных для организации партизанского отряда. Многие из них были схвачены и расстреляны. Лифшицу удалось бежать. Как потом рассказывала его жена, в начале октября 1941 года ночью к ней постучались в окно. Она посмотрела и не узнала своего мужа; стоял обросший густой бородой человек, лишь по голосу она его узнала ипустила. Но где его спрятать? Уже много раз к ней наведывались немцы и полицаи, требуя выдать мужа, а иначе они расстреляют всю семью. Лифшиц спрятался под полом. Многими ночами он вместе с женой под полом рыл туннель, а за ним довольно просторную комнатку в земле. Жена ему туда подавала пищу, иногда ночами он оттуда выходил, но даже дети не знали, что в доме под полом скрывался от немцев их отец. Жена Лифшица много усилий прилагала, чтобы найти хоть какие-либо связи и переправить мужа в партизанский отряд, но ничего не находила. В поселке свирепствовали полицаи, и все их боялись как огня.

Так проходили месяцы и годы. Лифшиц все находился в подземелье. Уже в 1943 году, когда чувствовалось близкое освобождение, Лифшиц вдруг сильно заболел брюшным тифом и в день освобождения поселка скончался.

Однако мы отвлеклись от главного.

Итак, мы, то есть воины 1-го стрелкового батальона 98-го гвардейского стрелкового полка, 30 гвардейской стрелковой дивизии находились в

преддверии освобождения многострадальной Белоруссии от гитлеровских захватчиков.

Батальону ставилась задача с рубежа р. Вереи атаковать противника, засевшего в местечке Ляды, и захватить поселок, а в дальнейшем наступать в направлении Осинторф — Орша.

2 октября 1943 года, полностью освободив Смоленскую область от немецких захватчиков, после непродолжительного артиллерийского налета части дивизии, форсировав р. Верею, атаковали немецкий передний край. Атаки увенчались успехом. Наш батальон, захватив первую траншею, ворвался в м. Ляды и дом за домом очищал от немецких захватчиков. Большая группа немцев засела в подвале каменного здания сырзавода, откуда вела огонь по нашим наступающим воинам. Капитан Калинин приказал командиру батареи 45 мм орудий выкатить орудие на прямую наводку и открыть огонь по амбразурам подвала. Одновременно с этим одна из рот обошла здание слева. После десятка выпущенных снарядов огонь немцев из подвала резко ослаб, и рота ворвалась в подвал. Оставшиеся в живых немцы сдались в плен.

Когда я вошел в здание молокозавода и опустился в подвал, то увидел на полках много головок сыра, даже одну из них взял. Мы удивились, каким образом уцелел в подвале сыр. Думали, что отравлен, но после пробы убедились, что он хорош.

Продолжая продвижение вперед, мы встретили сильное сопротивление. Немцы обороняли каждый населенный пункт, каждый клочок земли.

В тяжелых боях батальон за 10 дней продвинулся на 15–16 километров. Затем поступила команда сдать позиции другой части, а дивизия наша в составе всей 10-й гвардейской армии перебрасывалась на правый фланг в район д. Добромино, Шуховцы, где соединения армии сосредотачивались в лесах. Там мы получили пополнение. Оборонительный рубеж немцев на предстоящем участке наступления был превращен в мощный узел обороны с противотанковыми рвами, проволочными заграждениями и минными полями. Наша дивизия в составе 15-го гвардейского стрелкового корпуса получила задачу прорвать оборону противника и наступать на Осинторф-Оршу.

В дивизии был создан подвижный отряд в составе нашего батальона, 10 танков, 4-х самоходно-артиллерийских установок. Наш батальон на танках должен был прорвать передний край обороны противника, зайти в тыл к немцам, захватить крупный населенный пункт Рассосну и занять там оборону до подхода передовых частей дивизии.

Батальон сосредоточился восточнее п. Осинторф, в 2 км от переднего края, в лесочке. 14 ноября после мощной артиллерийской подготовки полки первого эшелона пошли в атаку и захватили первую, а затем и 2-ю траншеи. Нам поступила команда «вперед», и танки с нашим десантом устремились в атаку. Преодолели 1-ю и 2-ю траншеи немцев. На пути встал широкий и очень

глубокий противотанковый ров, весь заполненный водой. Пока танки его обходили, немцы, открыв сильный огонь, перешли в контратаку и вынудили наступающие подразделения отходить. Во изменение ранее поставленной задачи нам было приказано отбить контратаку немцев и восстановить положение. 3 наших танка были подбиты и загорелись, остальные после восстановления положения отошли в тыл. Наш батальон, углубившись на 4–5 км в оборону немцев, закрепился в его хорошо оборудованных траншеях. В ночь на 15 ноября немцы непрерывно вели артогонь по нашим траншеям. Очевидно, траншеи были заранее пристреляны, ибо было много прямых попаданий. Стояла пасмурная погода, глинистая земля превратилась в сплошную липкую грязь, в траншеях стояла вода. Ночью мы со старшим лейтенантом Вороновым пошли проверить посты в траншеях, чтобы солдаты не спали. Решили сократить путь и пошли напрямик вдоль противотанкового рва. Вдруг мы услышали с немецкой стороны страшный скрежет, а затем над головой прошипел снаряд, и раздался оглушительный взрыв. Это немцы начали обстрел реактивными снарядами. Снаряды рвались все ближе к нам. Один из них разорвался недалеко от нас. Взрывной волной нас свалило с ног, я упал в грязь, а Воронов полетел в противотанковый ров и с головой окунулся в воду. С трудом я его вытащил, и мы побежали к траншее. В траншее я отыскал немецкий блиндаж. Там была чугунная печурка, вдоль стенки еще висело немецкое обмундирование. Я подозвал двоих солдат. Они раздобыли щепок, растопили печь. С Воронова сняли обмундирование, он лег на нары, и мы его укрыли немецкими шинелями, а его обмундирование развесили сушить у печи. Сам я пошел проверять посты, а Воронов остался в блиндаже. С наступлением рассвета немцы начали обстрел наших траншей, я вернулся в блиндаж к Воронову и сказал ему, что, наверное, немцы начнут контратаку. Воронов начал одеваться, но шинель его была очень мокрой, и он надел немецкую шинель. На мое предупреждение, чтобы снял шинель, ответил «чепуха», вышел из блиндажа на левый фланг обороны, я пошел вправо.

Вскоре немцы с четырьмя танками начали контратаку. Два танка прошли в наш тыл, а два были подбиты нашей артиллерией. Немецкая пехота ворвалась в наши траншеи, завязалась рукопашная схватка, ни один немец не ушел из траншеи, все были перебиты.

После боя я побежал разыскивать Воронова, но нигде его не было, никто его не видел. Лишь когда начали убирать раненых и убитых, среди убитых и Воронов, штыком нашей трехлинейной винтовки у него была пробита грудь. Когда немцы ворвались в траншею, его приняли за немца, и свой же солдат воткнул ему штык в грудь. Так мы потеряли еще одного командира.

В течение всего дня 15 ноября мы отбивали немецкие контратаки. Ночь на 16 ноября была на редкость тихой и темной, ни единого выстрела, стояла какая-то зловещая тишина.

Утром 16 ноября наши соседи справа пытались наступать, но были отбиты и отошли на исходное положение.

Часов в 12 дня немцы вновь начали сильный обстрел наших траншей. В блиндаж, где я находился, попал снаряд, который разнес весь накат, но все находящиеся в нем остались невредимы. Когда закончился артналет, я выбежал из блиндажа в траншею и увидел 7 танков, а за ними густую цепь пехоты, приближавшуюся к нам. Наша артиллерия вела огонь по танкам, но подбить их никак не удавалось. Танки все ближе и ближе подходили к нашим траншеям. Густо свистели немецкие пули.

Пробежав по траншее влево, я увидел солдата с противотанковым ружьем и крикнул ему, чтобы бил по головному танку. Он мне ответил, что неудобно одному, его помощник заряжающий был убит. Тут только я увидел рядом с ним убитого солдата. Я его оттащил и сам лег с пэтээровцем, стал ему заряжать ружье. Один из танков шел прямо на нас. Не дойдя до нас метров 20, он задымился и замер. Кто его подбил, мой напарник или кто-то еще, не знаю, ибо кругом все рвалось и гудело. Вдруг возле меня мелькнуло пламя, и раздался сильный грохот. Больше я ничего не видел. Когда я очнулся, страшно гудела голова. Я был завален землей. Первым делом подумал, жив ли я, пошевелил руками, затем ногами, вроде, жив, стал выкарабкиваться из земли. Сильно болела голова, в ушах звенело, я взялся за голову и ощутил на ладонях что-то жидкое и липкое. Посмотрев на ладони, я увидел мозги и подумал, что у меня разбита голова. Но может ли человек мыслить, если у него выбиты мозги? Оглянулся и увидел, что у моего напарника голова разбита, и его мозгами обдало мою голову. Почувствовал сильную боль в левом плече. Левая рука не повиновалась. Понял, что ранен в левое плечо. Вражеская контратака была отбита, 4 танка и много немецких трупов остались впереди наших траншей. Однако перестрелка продолжалась. Хотя я плохо слышал, но видел кругом разрывы снарядов. Вечером я выбрался из траншеи и побрел в тыл. Вскоре попал в медсанбат. Мне очень не хотелось эвакуироваться в госпиталь, но спустя несколько дней, по настоянию врача, меня эвакуировали в госпиталь в г. Гжатск (ныне Гагарин). Так я попал в госпиталь № 2929.

Как мне впоследствии стало известно, наша дивизия продолжала наступательные бои до первых чисел декабря 1943 года, но безуспешно. Затем все соединения 10-й гвардейской армии были сменены и переброшены на 1-й Прибалтийский фронт в район г. Великие Луки. Наша дивизия освобождала Калининскую и Псковскую области, Латвию. Участвовала наша дивизия в освобождении г. Риги и получила наименование Рижской, затем вела бои по ликвидации Курляндской группировки немцев. Но все это было уже без меня. Я лечился в госпитале, который размещался на окраине г. Гжатска в дощатых бараках. Там были огромные палаты, в нашей лежало человек 30. У меня сильно распухло плечо, врачи опасались газовой гангрены. Осколок удалять мне не

стали, он застрял в плечевом суставе, но движению руки не очень мешал. После многодневных уколов опухоль стала спадать, я быстро пошел на поправку. В госпитале, который формировался в г. Орехово-Зуево, было много молодых девчат. Немудрено, что мы, 19— 20-летние парни, быстро перезнакомились с ними. Мне особенно приглянулась одна из них. Всегда веселая, энергичная и говорливая девушка. Это была Тоня Моругова (Антонина Петровна Моругова), медицинская сестра, которая и меня лечила. Она часто подсаживалась к моей кровати, много рассказывала и меня допрашивала. Мы подружились. Вечерами в госпитальном клубе проводились танцы, иногда выступала художественная самодеятельность. Все ходячие раненые ходили в клуб, где пели, веселились. Я тоже любил петь. У девушек научился петь разные песни и пел вместе с ними. Танцевать я не умел. Тоня же хорошо танцевала. Так быстро пролетело время. В госпитале мне исполнилось 20 лет, но отметить эту дату не удалось.

Новый 1944 год мы с девушками решили отметить в ближайшей к госпиталю деревне, где был арендован дом. Нас там собралось 5 или 6 пар. Проводили 1943 год и встретили 1944 год весело, с песнями и танцами. К утру вернулись в госпиталь, где нас уже поджидали, и за нарушение госпитального режима 1 января 1944 года меня из госпиталя досрочно выписали.

Мне в последний раз сделали новую повязку. Распрощавшись со знакомыми по палате и девушками, я покинул госпиталь. Тоне я обещал писать, а она обещала отвечать на письма. Так переписка с некоторыми перерывами у нас продолжалась до конца войны и завершилась созданием новой семьи. Тоня стала моей женой, и вот уже почти 40 лет мы живем вместе, разделяя все радости и горести семейной жизни.

В резерв Западного фронта я прибыл 2 января 1944 года. Случайно там встретил женщину, на вид знакомую. Она там работала секретарем-машинисткой при начальнике резерва и была с ним в интимных отношениях (незаконной женой). Она сама мне об этом рассказывала. Она до войны жила в Монастырщине, откуда в 1940 году уехала учиться в г. Смоленск. Началась война, она добровольно ушла в армию, и вот работала при резерве Западного Фронта. Я попросил ее помочь мне вернуться в свою часть, и она мне помогла. Мне выписали предписание, по которому я был обязан не позже 10 января 1944 года прибыть в распоряжение командира 30-й гвардейской стрелковой дивизии. 4 января я попутными машинами отправился разыскивать свою дивизию. Прибыл в район предполагаемого размещения дивизии, но дивизии там не оказалось, да и о месте пребывания 10 гвардейской армии никто ничего не знал. Побывав во многих соединениях, я вдруг оказался в одном из крупнейших штабов. Это был штаб 11 гвардейской армии. Проверив мои документы, мне сообщили, что наша армия переброшена на другой фронт и сказали, что хватит мне блуждать, что нам нужны офицеры и меня оставляют здесь. Было отобрано мое предписание, да мне самому надоело скитаться в поисках своей дивизии.

Меня направили в отдел кадров II гвардейской армии, откуда на следующий день я убыл в распоряжение командира 83 гвардейской стрелковой дивизии, которая вела наступательные бои под г. Витебском. Я был назначен приказом командира дивизии адъютантом старшим (начальником штаба) 2-го стрелкового батальона 252-го гвардейского стрелкового полка, 83 гвардейской стрелковой дивизии.

83-я гвардейская стрелковая (бывшая 97-я стрелковая) дивизия была сформирована в декабре 1941 года в г. Улан-Удэ, Забайкалье. В январе 1942 года она прибыла под Москву и принимала участие в составе 16-й армии Западного фронта в разгроме немцев под Москвой. За отличие при разгроме немцев на подступах к Москве 97-я стрелковая дивизия 10 апреля 1943 года была переименована в 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Дивизией командовал генерал-майор Маслов. Высокий, стройный, с сильным хрипловатым голосом, он был настоящим генералом, любимым командиром в дивизии.

Командиром 252-го гвардейского стрелкового полка был подполковник Яблоков Василий Михайлович, его заместитель по политчасти — майор Петров Евгений Александрович, начальником штаба — майор Дремлюга и заместителем по строевой части — подполковник Чудик.

Командиром 2-го Стрелкового батальона, куда я был назначен, был капитан Шелховский Игорь Дмитриевич, его замом по политчасти капитан Серяков, заместитель по строевой части — старший лейтенант Шаров.

В мае 1943 года 83-я дивизия вошла в состав 11-й гвардейской армии. Она принимала участие в Курской битве, наступая на левом фланге группировки, участвовала в освобождении г. Карачева Брянской области, затем была переброшена под гор. Великие Луки. Потом наступала под гор. Невелем, 24 декабря 1943 года освобождала гор. Городок Витебской области, за что была награждена орденом Красного Знамени и получила наименование Городокской.

В штабе дивизии меня ознакомили с обстановкой и назначили в 252-й гвардейский стрелковый полк, который занимал оборону в Должанском лесу, что южнее озера Лоевида Витебской области. Два батальона полка вели оборонительные бои почти в полном окружении.

С посыльным дивизии я вечером прибыл на КП полка. После непродолжительной беседы с начальником штаба, майором Дремлюга, когда уже стемнело, с группой работников тыловых подразделений, нагрузившись продовольствием и ящиками с патронами, мы отправились в свои батальоны. Двигались мы лесом по единственной не занятой немцами тропе, которая, однако, простреливалась противником. Нужна была исключительная осторожность. Пройдя лесом километра 3, мы были остановлены окриком наших солдат из боевого охранения. Мне показали место нахождения командира батальона. Это была наспех вырытая землянка с земляными нарами,

укрытыми хворостом, и земляным столом, на котором горела лампа из гильзы 45-мм снаряда.

На нарах сидел командир батальона капитан Шелховский. Я вошел в землянку, по форме доложил, что прибыл в его распоряжение на должность адъютанта старшего батальона. Он со мной поздоровался и сказал: «Третий ты у меня по счету, позавчера только убили твоего предшественника, а ты долго ли продержишься?». Он меня прямо-таки ошарашил такой встречей. Потом он позвал капитана Серякова и старшего лейтенанта Шарова и в их присутствии, предварительно познакомив нас, стал расспрашивать, кто я и откуда, где воевал и т. д. Я отвечал на все вопросы коротко, без комментариев, чем, кажется, вызвал недовольство Шелховского.

Я не успел еще как следует ознакомиться с обороной батальона, как батальон получил приказ командира полка — выйти в район расположения штаба дивизии. Чтобы вывести батальон из леса без боя, следовало выходить ночью в обход немецких позиций по болотистой местности.

Шелховский как-то подозвал меня и стал расспрашивать, изучал ли я топографию, ходил ли по азимуту. Меня сначала это удивило, но я ответил, что в училище имел пятерки по топографии, и что не раз приходилось ходить по азимуту. Он мне сказал, что я во главе разведгруппы должен буду обеспечивать маршрут выхода из окружения, и чтобы немцы ни в коем случае нас не заметили.

Мы с ним подробно изучили местность по карте, проложили маршрут по азимутам. Затем, проинструктировав разведгруппу и условившись о сигналах, в ту же ночь двинулись в путь. За нами двигалась рота головной походной заставы, а затем и основные силы батальона.

Хотя я и был уверен, что не сойбюсь с пути, но все же очень волновался. Кругом было темно, глубокий снег, сплошные заросли. Каждые 15–20 минут я останавливался, накрываясь плащ-палаткой, сверялся по компасу и карте. 12 км обходного пути мы прошли за 4 с лишним часа и, к моему удовлетворению, вышли точно в указанное место на окраину леса. Так я выдержал первый экзамен перед своим, как мне сначала показалось, грозным командиром. После нескольких дней отдыха наш полк был переброшен на левый фланг дивизии, где вел наступление на господствующую высоту. Атака началась после артиллерийской подготовки. Атакующие роты, не встретив сопротивления, быстро ворвались в первую траншею, но, наткнувшись на сильный ружейно-пулеметный огонь из второй траншеи, вынуждены были остаться, и закрепиться в первой.

Вскоре и мы прибежали в траншею и удивились, что в траншее, сплошь изрытой нашими снарядами, не оказалось ни одного трупа немецких солдат. Впоследствии мы узнали, что немцы предвидели нашу атаку и заранее отвели своих солдат из первой траншеи, таким образом, наша артиллерия выпустила

сотни снарядов по пустой немецкой траншее, а когда мы двинулись ко второй — они нас встретили губительным огнем. Кроме того, немцы свою первую траншею хорошо пристреляли и, когда мы ее заняли, накрыли нас своим артиллерийским и минометным огнем. Снаряды и мины рвались прямо в траншею. От разрывов снарядов и мин мы несли большие потери. В траншею после обстрела валялись трупы наших солдат и командиров с разорванными частями тела, что наводило ужас на оставшихся в живых. Но командир полка подполковник Яблоков требовал от Шелховского продвижения вперед. Чтобы избежать дальнейших потерь от артогня немцев, надо было оставить траншею. Поэтому Шелховский вывел батальон вперед, к немецкой 2-й линии траншей, где личный состав окопался в снегу. О продвижении вперед не могло быть и речи, ибо, не подавив огневые средства немцев, мы бы все остались на том злосчастном поле.

На следующий день началась оттепель, пошел мелкий дождик, а к середине дня вновь похолодало. Мы все, промокшие от дождя, стали замерзать, шинели и валенки стояли колом. Это сильно затрудняло движение. К нашему счастью, ночью нас сменили и отвели в тыл. До начала апреля 1944 года мы вели, так называемые, бои местного значения или, иначе говоря, стали в активную оборону.

В середине апреля, сдав свои позиции, мы в составе 11-й гвардейской армии, были выведены в резерв Ставки Верховного командования и совершили марш в район г. Невеля, где в одном из лесных массивов оборудовали хороший лагерь, вырыли землянки, устроили линейки, разместились в готовности к приему и обучению пополнения. Здесь мы хорошо отметили Первомайский праздник, даже был проведен парад войск дивизии. Пополнение мы получили, в основном, из госпиталей за счет воинов, получивших ранения и уже имевших хорошие навыки действий.

Роты были укомплектованы до штатов того времени и имели в своем составе более 100 человек каждая.

Началась интенсивная боевая учеба. Здесь впервые у меня произошла стычка с капитаном Шелховским. Ему не понравилось составленное мной расписание занятий с личным составом. Он на меня раскричался, что я ничего не умею, и что он мною разочарован. В ответ я ему тоже что-то грубое ответил. Он отстранил меня от должности и отправил в штаб полка.

Я прибыл в штаб полка, который размещался в большой лагерной палатке, где доложил майору Дремлюге, что Шелховский отстранил меня от должности и направил к ним. Дремлюга позвонил Шелховскому. О чем они говорили, я не знал, но после Дремлюга потребовал, чтобы я извинился перед Шелховским. Я категорически отказался. Меня вызвали к подполковнику Яблокову, где, разобравшись в чем дело, он велел мне оставаться при штабе полка. Я просил Яблокова откомандировать меня в свою бывшую часть, в 30-ю гвардейскую

стрелковую дивизию, но он мне сказал, что это невозможно. Провел я два дня в штабе полка, выполняя отдельные поручения начальника штаба полка. На третий день майор Дремлюга подозвал меня и сказал, что Шелховский просил меня вернуться в батальон, что, мол, тот офицер — командир роты, которого он поставил вместо меня, вообще ничего не знает и ничего у него не получается. Я категорически отказался. Вскоре в штаб прибыл и сам Шелховский. Он стал меня уговаривать, сказал, что погорячился и обещал, что в дальнейшем стычек между нами не будет. Я все упирался, тогда он пошел к подполковнику Яблокову, который официально мне отдал приказ вернуться в батальон. А приказ следовало выполнять. Я вернулся. Шелховский сдержал свое слово. Он во всем меня поддерживал. Мы с ним сдружились и оставались друзьями до его трагической гибели.

Успешно продвигалась учеба личного состава, уже были проведены взводные и ротные учения с боевой стрельбой, обкатка солдат танками.

Кульминационным пунктом были батальонные учения с боевой стрельбой. Все делалось как в настоящем бою. И артподготовка, и следование пехоты за огненным валом. Не обошлось и без потерь. Одна из выпущенных 82-мм мин сделала недолет и разорвалась в цепи наступающих солдат. Один солдат был убит, двое ранено. Это считалось в пределах нормы, никто даже не был наказан. Войска 11-й гвардейской армии успешно готовились к предстоящим боевым действиям, к освобождению Белоруссии.

В конце мая 1944 года полк был поднят по тревоге. Было приказано подготовиться к длительному маршу. Конечный пункт маршрута никто не знал. Карты выдавались в батальон только на один переход, все держалось в строгой тайне. Движение производилось ночью, а днем войска, укрывшись в лесах, отдыхали. Каждую ночь мы проходили 30–35 километров. Первые дни перехода я переносил довольно легко, но потом стал уставать. Дело в том, что в период дневного отдыха все спали. Мне же поспать не удавалось. Надо было написать донесение в штаб полка, получить, склеить и нанести на карты новые маршруты и сделать еще массу дел. На сон времени не оставалось. Пришлось спать на ходу. Идешь, бывало, в голове колонны и спишь, пока не свалишься в кювет. Я помню одного солдата-узбека по фамилии Алиев. Маленький, щупленький, весь обвешанный оружием (автоматом, кинжалом и гранатами) он бодро шагал в колонне, а на привале, совсем не зная усталости, он вокруг костра плясал и пел свои национальные песни. Это был солдат, уже получивший в боях 6 ранений, но никогда не терявший бодрости духа. Уже в боях в Восточной Пруссии Алиев был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. В полк он больше не возвращался.

Марш наш продолжался 10 суток. Мы из-под г. Невеля, пройдя более 260 км, прибыли в район Лиозно, что юго-восточнее г. Витебска. 11-я гвардейская армия поступила в распоряжение командующего 3-м Белорусским фронтом генерал-полковника Черняховского, где ей предстояло участвовать в нанесении

главного удара фронта в предстоящей Белорусской наступательной операции под условным наименованием «Багратион».

В этих боях 83-я гвардейская стрелковая дивизия входила в состав 8-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала-лейтенанта Заводовского. 11-й гвардейской армией командовал генерал-лейтенант Галицкий.

22 июня 1944 года выделенные от каждой дивизии батальоны после артиллерийского налета провели разведку боем. Ранним утром 23 июня после мощной артиллерийской и авиационной подготовки началось наступление наших войск. Наша 83-я гвардейская стрелковая дивизия в первый день находилась в резерве командующего армией. Она была введена в бой лишь на следующий день в районе Осинстроя северо-восточнее г. Орши. Случилось так, что я снова попал на то же самое место, где меня ранило 16.11.1943, когда я воевал совсем в другой дивизии другой армии. Местность мне была знакома. Впереди — большая господствующая над местностью возвышенность. За ней в нескольких километрах проходило шоссе Москва — Минск. Нам ставилась задача овладеть высотой, в последующем выйти к шоссе. Неоднократные атаки высоты не увенчались успехом. Немцы ее укрепили, построили там железобетонные доты и дзоты, из которых простреливали всю лежащую впереди местность.

Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо было предпринять обходный маневр. Командир полка принял смелое решение. Слева от высоты был низкорослый лес и, как обозначено на карте, непроходимое болото. Вечером 24 июня подполковник Яблоков поставил задачу батальонам полка сосредоточить личный состав в лесочке и с наступлением темноты преодолеть болото, обойдя высоту, и ударами по правому флангу и тылу противника захватить высоту. Вооружившись шестами и палками, навьючив на себя побольше боеприпасов, полк двинулся через болото. Проваливаясь по пояс в трясину, следуя в колонне по одному, мы метр за метром преодолевали болото. Лишь к рассвету мы вышли на противоположный берег болота, где стояла немецкая дальнобойная артиллерия. Немцы нас не ожидали, суежились у орудий. Когда с криком «УРА!» мы бросились на них, они в панике покинули свои орудия и пустились бежать, потом вдруг, как по команде, остановились, подняли руки и сдались в плен. Их было около 30 человек, мы захватили 3 орудия. Когда начался бой левее высоты, немцы, боясь окружения, покинули высоту и начали отход к шоссе. За высотой мы захватили большое количество лошадей и повозок. С разрешения командира полка вся наша пехота, кто на повозках, кто верхом устремились за бегущими немцами, достигнув шоссе Москва — Минск. Затем нас обогнали танки. Бегство немцев было столь стремительным, что мы в первый день преследования прошли около 35 км. Было организовано четкое взаимодействие войск.

Дорога Москва — Минск проходила по лесам и болотам, вблизи параллельных дорог не было. Поэтому немцы двигались большими колоннами по шоссе. Наша авиация наносила удары по голове колонны, создавая пробки, в это время наши танки настигали колонну и давили ее. К нашему подходу на шоссе оставались лишь разбитые машины и повозки, масса убитых лошадей и трупы фашистских солдат.

Основная масса немецких солдат и офицеров разбегалась и большими группами скрывалась в окрестных лесах, где фашистов частично уничтожали партизаны или воинские части, следующие во втором эшелоне.

Выйдя на шоссе Москва — Минск, наш 2-й стрелковый батальон на повозках и верховых лошадях двигался в авангарде дивизии. Когда впереди идущие танки из-за взорванного моста или заторах на дороге останавливались, мы помогали расчищать путь, восстанавливать мосты и продолжали движение вперед. Были многочисленные случаи, когда немцы оставляли свои арьергарды, которые задержали продвижение танков. Тогда мы взаимными усилиями сбивали заслоны и продолжали движение. На одном из участков шоссе по нашей колонне справа из лесочка открыли огонь из пулеметов и автоматов. Несколько лошадей было убито, несколько солдат получили ранения. Капитан Шелховский быстро развернул батальон, охватив лесок с флангов, и приказал открыть огонь из 45 мм пушек и минометов по лесочку. После чего батальон стал наступать на лес. Часть обитателей лесочка была убита, остальные сдались в плен. Это был отряд «власовцев» численностью около 150 человек. Командир их был убит, а остальные, поняв бессмысленность сопротивления, сдались в плен. Капитан Шелховский, сидя на одном сундуке (мы у них захватили 2 сундука, набитых советскими деньгами), допрашивал подводимых к нему пленных. Многие из них оправдывались тем, что насильно были мобилизованы во власовскую армию, что они никого не убивали и искали случая сдаться нашим в плен. Но были и такие, которые вели себя дерзко, сожалея, что мало наших перебили.

Шелховский самостоятельно решил, кого тут же прикончить. Тогда он подзывал своего ординарца Вдовенко, и тот приводил приговор в исполнение. Среди пленных были две женщины. Когда их подвели к Шелховскому, стоящая рядом наша медсестра в одной из них признала свою довоенную подругу. Они друг друга узнали. Наша Галя схватила свою бывшую подругу за волосы и, приговаривая «сволочь», «изменница Родины», стала валить ее на землю. Галя просила у Шелховского разрешения расправиться с ней, но Шелховский приказал прекратить безобразие. Галю еле оторвали от своей бывшей подруги и отвели в сторону. Впоследствии Галя рассказала, что жили они на Украине, в каком-то селе, вместе учились. Когда началась война, и немцы подходили к их селу, они эвакуировались в Сибирь, а подруга оставалась в оккупации. Как она попала на службу к власовцам, она не знает. Пленных власовцев вывели на

дорогу и оставили под конвоем до подхода основных сил полка. Деньги были переданы в финотдел полка.

Мы продолжали движение, догоняя идущие впереди танки. На пути было много населенных пунктов. Жители со слезами радости встречали нас, рассказывая о зверствах немецких оккупантов. В нескольких местах состоялись встречи с партизанами. Впереди на нашем пути река Березина и г. Борисов.

К исходу 29 июня мы были в 20 км от р. Березины. Батальону была поставлена задача в ночь на 29 июня подойти к мосту через Березину у д. Большая Ухолода, форсировать Березину и овладеть плацдармом на противоположном берегу. Основной мост на магистрали Москва — Минск был взорван, дальнейшее продвижение танков прекратилось. К утру мы вышли к деревне. Деревянный мост через Березину также был взорван и подожжен. Для форсирования реки у нас средств не было. Немцы с противоположного берега, где они закрепились на господствующих высотах, вели интенсивный артиллерийский огонь, горящий мост простреливался из пулеметов. Когда была налажена связь с полком, командир полка подполковник Яблоков передал Шелховскому, что за действиями батальона с дивизионного НП наблюдают командующие армией и фронтом и требовал, чтобы мы не подкачали. Шелховский приказал разобрать два дома, стоявших у реки и вязать плоты. Мы начали переправляться — кто на плотях, кто вплавь вдоль моста, под прикрытием нашей артиллерии. Мы с Шелховским решили переправиться по мосту, сначала по части уцелевшего моста, затем спустились по свае в воду. Так от сваи к свае подплыли к другому берегу, куда уже переправился весь батальон. Шелховский доложил о переправе батальона. Уже к вечеру батальон сосредоточился в камышах вдоль реки в готовности к атаке немецких опорных пунктов. После залпа «катюш» и артналета мы устремились в атаку и захватили немецкие траншеи. Артиллерия точно накрыла вражеские траншеи, в которых осталось много трупов немецких солдат.

В одном из блиндажей я увидел группу немцев, оглушенных разрывными снарядами, совершенно безучастных, не пытавшихся даже сопротивляться. Под прикрытием темноты мы устремились к окраине г. Борисова. На пути встретился какой-то канал, который пришлось тоже форсировать с помощью лодок. В городе горело много домов. Немцы яростно сопротивлялись, но мы отбивали дом за домом и медленно продвигались к центру. Вскоре к нам подоспели остальные батальоны, а к утру переправились и другие соединения. Только ночью 1 июля 1944 года Борисов был полностью очищен от неприятеля. Мы разместились во дворе какого-то винного завода. Когда открыли подвалы завода, там оказалось много огромных бочек с вином. Солдаты, выпустив по бочкам автоматные очереди, набирали котелки с вином и праздновали свою победу. Однако вскоре двери подвала были закрыты, у дверей выставлена охрана. Пьянке воспрепятствовали работники тыла, которые винный погреб

взяли на учет. Мы пробыли в городе Борисове два дня. Затем продолжали наступление на г. Минск, но уже не по шоссе Москва — Минск, а южнее.

За форсирование Березины и освобождение г. Борисова весь личный состав нашего батальона по приказу генерала Галицкого был награжден орденами и медалями. Я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В поисках пищи, а иногда в попытках пробраться к своим, оставшимся в лесах, немцы нападали на наши тылы и отдельные подразделения. Когда мы продвигались к г. Борисову, у нас отстала одна 45-мм пушка с расчетом в 5 человек, у них было повреждено одно колесо. Целую неделю мы не знали о судьбе расчета пушки. Однажды на привале в батальон явился командир отставшего расчета и доложил, что, заночевав в лесу у магистрали Москва-Минск, они разложили костер, перекусили и улеглись спать, оставив часового. Сам он лег под густой елью, а солдаты его разместились у костра. Проснулся он от вскрика, схватился за автомат, но было уже поздно. У костра валялись трупы четырех наших солдат, все с перерезанными глотками. Сам он, дождавшись рассвета, бросив пушку и лошадей, на попутном транспорте догнал свой батальон. Ему была выделена группа солдат во главе с командиром взвода. Вернулись они к тому злосчастному мосту. Убитые уже были подобраны. Лошадей на месте не оказалось, а пушку они поправили и попутным транспортом доставили в батальон. Так зверски немцы расправились с нашими воинами, которых они застали врасплох.

За успешное формирование р. Березина и овладение г. Борисов, наша дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

8 июля 1944 года наш полк прорвал оборону немцев под нас. пунктом Гальшаны Молодечненской области и продвинулся на 30 км. В одном из боев наш батальон ворвался на железнодорожную станцию, где на путях стоял эшелон, в котором было несколько вагонов-ледников и цистерн со спиртом. В ледниках висели на крючках туши свинины и говядины, в одном из вагонов мешки с сухарями, шоколад и много других продуктов. Не успели немцы отправить или уничтожить этот эшелон. Захваченные продукты были хорошим подспорьем для питания личного состава дивизии.

До середины октября мы находились в обороне в районе г. Вилковишки. В этот период бои носили характер местного значения. Велась взаимная разведка. Все глубже зарывались в землю, получали пополнение и готовились к штурму немецкой границы. Однажды в полк с маршевой ротой прибыло пополнение из областей Западной Украины. В наш батальон прибыла группа в количестве человек 40 мужчин среднего возраста. Все они были из Тернопольской области. Несколько дней, будучи распределенными по ротам, они осваивались. Затем их стали выставлять на посты.

Однажды ночью на правом фланге батальона, где оборонялась 5 стрелковая рота, раздалась непривычно сильная стрельба. Я связался с командиром роты,

который доложил, что группа солдат-тернопольцев ушла к немцам. Там был старый ход сообщения, который шел в сторону немецкой обороны. Вот они его и использовали. О случившемся Шелховский немедленно доложил в полк. Что тут началось. Сначала по участку, куда бежали тернопольцы, провели артналет, затем к нам прибыли представители особого отдела, всех оставшихся тернопольцев из батальона, а затем и полка убрали. Командира роты от должности отстранили и назначили командиром взвода. Нашего замполита капитана Серякова и замполита полка майора Петрова чуть не предали суду Военного Трибунала, правда, потом они отделались строгими взысканиями. Что стало с остальными тернопольцами, нам не было известно. Каждую ночь немецкие громкоговорители призывали наших солдат и офицеров последовать примеру тернопольцев, обещая всем «золотые горы».

Правее нас в обороне находился штрафной батальон, весь личный состав его, кроме командования, составляли офицеры-штрафники, по различным причинам судимые военным трибуналом. Среди рядовых солдат были разжалованные офицеры от младшего лейтенанта до полковника. Однажды мы услышали в их расположении необычный рев и столбы дыма, а затем над немецкими траншеями раздалось несколькими сильных взрывов. Оказалось, что, спасаясь бегством в лесу, где располагался штрафной батальон, немцы оставили большой склад боеприпасов, среди которых были и реактивные снаряды большой мощности. Среди штрафников были хорошие артиллеристы, которые приспособились запускать эти снаряды по немцам. Они вырыли блиндаж, у которого установили направляющие рельсы, на них устанавливали под определенным углом снаряды и запускали их. Немцы знали об оставленном складе боеприпасов, и несколько раз их артиллерия обстреливала лес. Когда же артобстрелы кончались, штрафники вновь запускали несколько снарядов и снова немцы около получаса вели огонь по лесочку. Весь лесочек превратился в месиво земли и кусков древесины. Так продолжалось несколько дней, пока у штрафников кончились реактивные снаряды. Как мы впоследствии узнали, группа штрафников, которая вела огонь по немцам реактивными снарядами, была освобождена. Офицеры были восстановлены в звании и разъехались в части.

Находясь в обороне, мы усиленно готовились к наступлению. Числа 8 октября 1944 года мы были сменены другими войсками и выведены во второй эшелон. Дивизия готовилась к наступлению. Нам выдали карты предстоящих наступательных действий. Это были карты Восточной Пруссии.

Находясь километрах в пяти от линии фронта, мы пополняли свои запасы, продолжали комплектование своих подразделений прибывшим пополнением. Политработники проводили большую работу в связи с предстоящими боями на территории Германии, призывали к гуманности, просили ни в коем случае не

мстить местному населению, не допускать грабежей и насилий, предупреждали, что подобное будет караться беспощадно.

Однажды, возвращаясь из рекогносцировки района предстоящего наступления, я увидел в своей палатке двух офицеров, прибывших на пополнение.

В одном из них, старшем лейтенанте, я узнал своего знакомого. Это был мой монастырщинский земляк Николай Гончаров. Он был старше меня на 2 года, но мы были хорошо знакомы. В мае 1941 года его призвали в армию, дослужился он до командира роты, участвовал во многих боях, был ранен. К нам он прибыл из госпиталя на должность командира 5-й стрелковой роты. С ним прибыл младший лейтенант, тоже из госпиталя, на должность командира взвода. Я был очень рад встрече с Николаем. После беседы с командиром батальона мы с Николаем долго разговаривали, вспомнили всех знакомых. Я ему рассказал, что был в Монастырщине, о том, что видел там. Ему не удалось побывать дома, но у него в Монастырщине остались мать и сестра, с которыми он наладил переписку. Потом мы с ним пошли в роту, где я его представил личному составу, и он принял командование. Его предшественник накануне был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь. В одном из боев на Литовской земле, недалеко от границы с Восточной Пруссией, Гончаров был тяжело ранен пулей в живот. Перед смертью он просил меня навестить в Монастырщине его мать и рассказать о нем. Такая возможность у меня представилась в 1945 году, когда я впервые получил очередной отпуск. Нашел его мать и рассказал ей все, что знал о ее сыне. О том, что он погиб, ей было известно, она получила извещение о смерти, но подробностей его гибели не знала. Сестра Коли жила в каком-то другом месте, ибо в период оккупации путалась с немцами и полицией, и оставаться на родине ей было нельзя. Выслушав меня, мать Коли стала рвать волосы на голове, бегать по дому и кричать: «Вот ты сидишь передо мной живой и здоровый, почему моего Колю убили, а ты живой, где же справедливость?». Я хлопнул дверью и ушел, очень сожалея, что посетил эту женщину.

Еще до перехода к обороне в районе г. Вилковишки, когда мы преследовали немцев на Литовской земле, в один из солнечных дней полк наш следовал походной колонной, догоняя отходящих немцев. В нашей колонне двигался дивизион пушек из артполка. Внезапно изпереди лежащего лесного массива на большой скорости навстречу нам двинулись немецкие танки, за танками — цепи пехоты. Я насчитал 22 танка, но их было гораздо больше, ибо они шли на широком фронте. Наша колонна расстроилась, вблизи укрытий не было, лишь кюветы вдоль дороги и строения отдельных хуторов. Мы залегли вдоль дороги и укрылись за строениями. Танки быстро приближались, стреляя на ходу. Кругом творилось непонятное, бежали люди, кони с повозками, кругом все стреляло и рвалось. Я уж думал, что танки нас подавят, ибо местность была

открытой, ни одной щели. Но молодцами оказались наши артиллеристы: очень быстро, мы даже удивились, как быстро, они развернули пушки и в упор стали расстреливать танки. После первых выстрелов загорелось 3 танка, наши солдаты открыли огонь по пехоте, немцы залегли, затем были подбиты еще 4 танка, у одного даже башню снесло, и гитлеровцы стали отходить. Полк поднялся в атаку, немцы бежали к лесу, а некоторые поднимали руки и крича: «Гитлер капут! Гитлер капут!», стали сдаваться в плен. Контратака была отбита. Почти до самого вечера полк приводил себя в порядок, собирали убитых и раненых.

Вечером, выдвинув вперед усиленное боевое охранение, полк продолжил свой путь на Запад.

Итак, 16 октября 1944 года после полуторамесячного пребывания в обороне наша 11-я гвардейская армия перешла в наступление по разгрому гумбиненской группировки немцев.

Бои за Восточную Пруссию

После успешного наступления летом 1944 года, изгнания гитлеровцев из Белоруссии и большей части Литвы, части 83-й гв. стрелковой дивизии, в том числе и наш 252-й гв. стрелковый полк в первых числах августа 1944 года, нанося врагу большие потери в личном составе, вынужден был перейти к обороне.

Наш полк занимал оборону юго-западнее гор. Вилковишки. Занятию обороны предшествовали бои местного значения за овладение высотами, господствующими над местностью. В обороне мы стояли более полутора месяцев. За это время хорошо врылись в землю, обеспечили отличную систему пулеметного, минометного и артиллерийского огня.

Одновременно мы получали пополнение, обучали его и готовили к предстоящим наступательным боям. Накануне наступления мы были сменены другим соединением армии и выведены во второй эшелон.

16 октября 1944 года после мощной артподготовки передовые соединения 11-й гв. армии прорвали оборону врага, овладели его передним краем и устремились к границе Восточной Пруссии. Немцы отчаянно сопротивлялись, часто переходили в контратаки. Наш полк двигался за передовыми частями на правом фланге 11-й гв. армии.

Вечером 17 октября командир батальона капитан Шелховский и я были вызваны к командиру полка полковнику Яблокову, где получили задачу: в ночь на 18 октября занять исходное положение для наступления юго-западнее гор. Кабартай, чтобы после артподготовки, по сигналу «зеленая ракета» атаковать противника, выбить его из 1-й и 2-й траншей и далее, наступая на г. Кабартай, выйти к Государственной границе с Германией южнее гор. Эйдкунен.

Утром после мощного артналета наш батальон перешел в атаку, сходу овладел 1-й траншеей и, встретив сильный огонь из пулеметов и минометов противника, залег перед 2-й траншеей. Командир батальона приказал подтянуть 45-мм пушки и 2 орудия 76-мм полковой батареи на прямую наводку и открыть огонь по огневым точкам противника. В течение 30–40 минут артиллеристам удалось подавить огонь пулеметов, и роты вновь пошли в атаку. На этот раз немцы были выбиты из траншеи и отошли. Преследуя противника, батальон ворвался на окраину города Кабартай. Многие дома горели, но из подвалов, превращенных в опорные пункты, фашисты вели сильный пулеметный огонь.

В середине дня 18.10.44 г. немцы большой группой после артналета перешли в контратаку, но, встретив дружный огонь наших пулеметчиков, отступили. Вскоре пошли в атаку наши гвардейцы, продвигавшиеся вдоль южной окраины города. Они двинулись к Государственной границе СССР с Германией, сходу перешли ручей и ворвались на территорию Восточной Пруссии. Невозможно описать ликование наших воинов. Однако задерживаться на границе было нельзя, нужно было преследовать противника, не давая ему возможности закрепиться на пограничной линии обороны. Обойдя г. Эйдукунен с юго-запада, батальон продолжал наступать в направлении гор. Шталупенен. На подступах к этому городу немцы яростно сопротивлялись, каждый метр вражеской земли приходилось отвоевывать в ожесточенных боях. Так продолжалось 19, 20 и 21 октября. 21 октября батальон вел упорные бои на подступах к г. Шталупенен за какой-то населенный пункт. Все дома вокруг были разрушены, но из подвалов гитлеровцы вели яростный огонь из всех видов стрелкового оружия, непрерывно обстреливали нас артиллерией и минометами. Продвинуться удалось лишь на несколько десятков метров. В тот момент, когда после нашего артналета огонь противника несколько ослаб, и возникла возможность перейти в атаку, посыльный штаба полка передал нам приказ командира полка наступление прекратить, закрепиться на достигнутом рубеже, командиру батальона прибыть на КП полка за получением новой задачи.

Новая задача батальону заключалась в следующем: с наступлением темноты 22 октября вывести батальон из боя, сформированным маршем в ночь на 22 октября 1944 года выйти к фольварку (название его не помню, это где-то северо-восточнее г. Вольтеркемен), занять оборону вдоль шоссе с задачей прикрыть правый фланг 11-й гв. стр. дивизии и 2-го гв. танкового корпуса, прорвавшихся к гор. Гумбинену. Предстояло ночью пройти более 20 км в очень короткий срок.

Капитан Шелховский, прибыв от командира полка, ознакомил меня и капитана Серякова (зам. по политчасти) с поставленной задачей. Было еще сравнительно светло, но времени на размышление оставалось мало. Здесь я бы хотел сделать некоторое отступление и показать роль штаба батальона, который я возглавлял.

Штаб батальона, если его так можно было назвать, это один человек, адъютант старший. В его подчинении были: один писарь, который только и занимался учетом личного состава, взвод связи — 16 человек во главе с командиром взвода офицером и нештатная «боевая группа» или разведгруппа в составе 8—10 человек во главе с нештатным командиром офицером. Штаб не издавал письменных приказов и распоряжений. В задачу адъютанта старшего входило:

- постоянное изучение и обобщение данных о противостоящем противнике;
- изучение и нанесение на карту обстановки;
- доведение до командиров рот решений командира батальона и постоянный контроль за их исполнением;
- организация связи с подразделениями;
- организация учета личного состава, вооружения, боеприпасов и учет боевых потерь;
- представление в штаб полка донесений о боевых действиях и схем боевых действий;
- поддержание связи с приданными и поддерживающими средствами, взаимодействие с ними;
- поддержание связи с соседями и взаимная с ними информация об обстановке;
- организация боевой подготовки с личным составом подразделений батальона (составление расписаний занятий, обучение офицеров батальона).

Одной из важнейших задач моих было ориентирование на местности с помощью карты и компаса, особенно в наступлении. В этом капитан Шелховский полностью мне доверял, так как многократно меня проверял и достаточно высоко оценивал мои знания в этой области военного дела.

Оценивая обстановку после получения новой задачи, мы исходили из следующего:

- вывести батальон из боя возможно только с наступлением темноты, ибо противник вел сильный огонь из стрелкового оружия и минометов, да и заметив отход с занимаемых позиций, мог бы перейти в контратаку;
- подразделения 252 гсп начинали марш на 2 часа раньше, нам предстояло двигаться самостоятельно со всеми мерами охраны в условиях плохой видимости;
- предстояло найти кратчайший путь движения, чтобы в установленное время выйти в конечный пункт и занять там оборону.

Мы с капитаном Шелховским приступили к тщательному изучению карты и приняли решение двигаться не по шоссе (по маршруту движения полка), а напрямую, используя грунтовые дороги, по азимутам, чем сокращали маршрут на 6—8 км, выгадывая во времени. Однако пришлось оставлять артиллерию и обоз, которым приказано было с наступлением рассвета двигаться по шоссе.

С наступлением сумерек я направился в 4-ю стр. роту. Капитан Серяков и зам. по строевой — старший лейтенант Шаров пошли в остальные (5 и 6) стр. роты. Отвод личного состава в установленный район сосредоточения провели скрытно и успешно.

В 21.00 21 октября батальон был готов к маршу. Личный состав накормлен, вещмешки набиты боеприпасами, гранатами, сухим пайком на 1 сутки. Минометы и станковые пулеметы, запас боеприпасов к ним приказано нести на себе. Командиру хозвзвода старшине Новикову я нанес маршрут движения на карту, и ему было приказано на завтра подвезти батальону горячую пищу к фольварку, где нам предстояло занять оборону.

Наконец, командир батальона отдал команду на марш. Я вместе с боевой группой двигался во главе колонны, постоянно ориентируясь по карте и компасу. Далее шли все роты на расстоянии видимости одна от другой. Пулеметы были распределены по ротам. Замыкающим в тыльном охранении шел взвод 6 стр. роты, в котором находился зам. командира батальона по строевой части — ст. лейтенант Шаров.

Видимость была очень плохая, темно, густой туман. Мне приходилось каждые 15–20 минут делать остановки и сверять маршрут. Местное население немцами было угнано, населенные пункты пусты, только большое количество скота (коров, овец, лошадей) бродило по полям и населенным пунктам.

Марш проходил в трудных условиях, однако вскоре мы вышли на шоссе, по которому должен был двигаться наш полк. Шоссе было пустынным, никаких видимых следов движения войск не было. Сделав короткий привал, продолжили движение, через 2 часа мы должны были выйти в заданный район.

Пройдя 2–3 км по шоссе, услышали справа гул танковых моторов и выстрелы, и снаряды летели над нами с севера на юг. Меня охватило неприятное предчувствие.

Оставив боевую группу, я подождал голову колонны батальона, где шел капитан Шелховский, и поделился своим беспокойством. Говорю, что кажется мне, что это стреляют немецкие танки, на что Шелховский ответил с иронией, мол, нечего паниковать, это наши танки, их здесь целый корпус, а стреляют они, видимо, потому, что фронт прорыва узкий. Я настаивал направить отделение для разведки правого фланга маршрута, но Шелховский отклонил мою просьбу и приказал ускорить шаг. В исходный пункт маршрута мы прибыли раньше срока на 1 час. Капитан Шелховский с командирами рот направились на рекогносцировку участка обороны, а я с командиром взвода связи ст. лейтенантом Люкмановым — на поиски места развертывания КП батальона. Облюбовали мы домик на перекрестке дорог: войдя во двор домика, мы увидели страшную картину: во дворе лежал старик с разбитой головой, на пороге дома — женщина с простреленной грудью, а в комнате молодая девушка полностью обнаженная и убитая. Много приходилось видеть трупов на войне, но такого

зверства еще не видели. Как впоследствии выяснилось, эта семья не пожелала эвакуироваться, и немцы зверски их убили. Расчистив помещение, мы оборудовали подвал домика под КП, а чердак под НП батальона. Командир взвода связи ст. лейтенант Люкманов распорядился о наведении связи с ротами. Время шло к рассвету. Роты заняли свои позиции на господствующих высотах вдоль шоссе, фронтом на север, стали окапываться, минометная рота заняла позиции в ложине, в 200 м южнее шоссе. Туман все не рассеивался. Примерно часов в 9 утра на дороге показалась группа солдат с пленным немцем. Мы их остановили, это были разведчики 11-й гв. стрелковой дивизии. Пленного они вели в штаб 11-й гв. армии. Нам они сообщили, что пленный — из танковой дивизии «Герман Геринг», и что она должна сегодня нанести контрудар по нашим частям. Прошло еще минут 40–50. Вдруг оттуда же появилась машина ГАЗ-АА, на которой было штабное имущество и несколько военнослужащих (в том числе 1 женщина) штаба 11 гв. дивизии. Они нам сообщили, что на штаб дивизии напали немецкие танки, и там идет сильный бой. Спустя некоторое время послышались выстрелы из танковых пушек и лязг гусениц. Медленно на нас надвигалась армада танков, остановить которые было нечем. Связи с полком мы еще не имели, противотанковых средств также не было. Стрелки и пулеметчики вели огонь по смотровым щелям, но танки упорно двигались на нас. Пехоты у немцев было мало, да и та под огнем наших солдат залегла.

Положение становилось безвыходным. В этих условиях командир батальона, посоветовавшись с нами, принял единственно правильное решение — отойти, на что мною была подана команда в роты (мы ведь даже не успели окопаться). Отходя на юг метров 500–600, мы наткнулись на противотанковый ров, где и закрепились. При отходе мы потеряли 3 человека убитыми и 5 человек ранеными. Немцы, перерезав шоссе и захватив несколько фольварков, свое продвижение на юг приостановили. Часам к 12 туман рассеялся. Немецкие танки и бронетранспортеры с пехотой сосредоточились во дворах фольварков группами по 8—10, откуда вели огонь по нашим боевым порядкам. Для установления связи с соседями мы направили группы по 3 человека на запад и восток. Вскоре с запада прибыла группа, а с ней наш замполит полка майор Петров, побывавший в соседнем батальоне, который тоже отошел в противотанковый ров. Справа соседей мы так и не нашли. Наблюдая в бинокль за противником, я вдруг увидел, как по шоссе с востока на запад мчатся две подводы с походными кухнями. На первой рядом с повозочным восседает старшина Новиков, и едут они прямо в «лапы» к немцам, к фольварку, где сосредоточилось 10 немецких танков. Я подозвал ординарца, схватил у него ракетницу и сделал несколько выстрелов в сторону кухонь, но было уже поздно. Немцы открыли огонь по кухням, наповал убили лошадей, Новиков, повозочные, повар кубарем слетели с кухонь. Ну все, подумали мы, все погибли, и мы остались без пищи, а там еще и положенные по 100 г водки.

Весь день прошел в перестрелке. Несколько раз появлялась наша и немецкая авиация. С появлением наших штурмовиков ИЛ-2 мы на немцев, а немцы на нас пускали ракеты. Наши летчики, не разобравшись в обстановке, начали штурмовать наши боевые порядки. Затем ушли, не причинив немцам никакого вреда, а мы понесли потери. Зато, когда появились немецкие самолеты Ю-88, мы усиленно пуляли ракетами в сторону фольварков. Немецкие самолеты стали в круг и начали бомбить фольварки, где были немецкие танки и бронетранспортеры, в результате чего несколько немецких танков сгорело, фольварки были полностью разрушены. К вечеру к нам пробрался командир дивизии генерал Маслов. Каким образом он к нам попал, мы не могли догадаться. Однако, прыгнув к нам в ров, став во весь свой могучий рост, он принес с собой веру в победу. Ознакомившись с обстановкой, он сообщил, что с наступлением сумерек к нам будут подтянуты несколько дивизионов противотанковых пушек и дивизион зенитной артиллерии, и приказал с рассветом выбить немцев из фольварков и восстановить положение. Он сказал Шелховскому, что надеется на него и на весь наш полк. Между тем встал вопрос, как накормить людей. Командир пулеметной роты старший лейтенант Бляхман предложил с наступлением темноты подползти к кухням, снять термоса с водкой, мешки с хлебом и притащить в батальон. Командир батальона после некоторого раздумья согласился. Старший лейтенант Бляхман подобрал 4-х молодых солдат и с ними незаметно пробрался к кухням. Когда солдаты стали снимать термоса и мешки, они услышали стон в кювете, окликнули лежащего там, им оказался старшина Новиков, он был ранен в ногу. С ним лежали в кювете невредимыми повар и повозочный, второй повозочный был убит. Сняв с кухонь все, что можно было нести, они поползли обратно. Обнаружены они были немцами только на полпути, обстреляны, но благополучно вернулись в батальон. Накормив личный состав, мы начали готовиться к выполнению поставленной задачи. Ночью к нам прибыли представители артиллерии, занявшей огневые позиции в 500 м сзади противотанкового рва, большая часть — на прямой наводке. К нам слева подтянулся 3-й батальон. С рассветом артиллерия открыла огонь по немецким танкам, засевшим в фольварках, особенно эффективно вели огонь зенитчики.

После 20-минутного артналета, в результате которого несколько танков загорелось, мы подняли личный состав в атаку. Танки стали отходить. К 10.00 23 октября задача была выполнена. Мы начали окапываться. Подошли по освободившемуся шоссе остальные подразделения полка, наши пушки и тылы. Через наши боевые порядки начали отход подразделения 11-й гв. дивизии.

Вскоре нас с обороны сняли и перебросили в гор. Вальтеркемен, где шли ожесточенные бои.

Несколько дней нашему полку пришлось отбивать яростные атаки фашистской пехоты и танков. Часто отдельные дома и улицы несколько раз

переходили из рук в руки. Затем натиск немцев заметно ослабел, и оборона стабилизировалась.

На этом закончился 1-й этап боевых действий на вражеской земле. Предстояли еще упорные кровопролитные бои.

Около десяти дней мы находились в обороне в г. Вальтеркемен, затем были сменены и выведены в лес — «Дачу Геринга», где разбили лагерь, выкопали землянки, получали пополнение, обучали его и готовились к новым боям.

В середине января 1945 года началось новое наступление нашей 11-й гвардейской армии. Наша дивизия находилась во втором эшелоне. Передовые соединения армии подошли к г. Велау, где встретили сильное сопротивление немцев. Наш полк находился на марше вдоль северного берега реки Прегель, северо-восточнее г. Велау. 20 января 1945 года командир полка ознакомил командиров батальона с поставленной задачей. Полку приказывалось в ночь на 21 января форсировать реку Прегель, перерезать железную и шоссейную дороги Велау-Кенигсберг в районе разъезда Аугкен, где занять круговую оборону, не допустив отхода немцев из г. Велау на запад.

В первом эшелоне приказано наступать нашему и третьему батальонам. 1 батальон находился во 2-м эшелоне.

Наш 2-й батальон, действуя на левом фланге полка, имел задачу ночью форсировать (по льду) реку Прегель, бесшумно снять охранение, захватить разъезд Аугкен и занять оборону фронтом на восток и юго-восток. Батальону было придано 2 орудия 76-мм полковой батареи, которую возглавлял капитан Дербенев. Бои поддерживал дивизион пушек артполка дивизии (однако орудия еще не заняли огневые позиции). 3-й батальон должен был форсировать р. Прегель правее нашего батальона, занять оборону фронтом на запад и юго-запад, ему также придавалось 2 орудия.

Начало форсирования р. Прегель намечалось на 00 часов 21 января 1945 года без артподготовки бесшумно.

Основная цель операции заключалась в том, чтобы содействовать соединениям армии в овладении городом Велау, воспрепятствовать гарнизону города отойти на запад.

С наступлением темноты рекогносцировочная группа во главе с командиром батальона капитаном Шелховским и зам. командира полка подполковником Чудиком произвела рекогносцировку подходов к реке. Командир батальона поставил задачу боевой группе лейтенанта Кузьменко с отделением саперов: тихо перейти на южный берег, подползти к немецкой траншее, бесшумно снять наблюдателей и уничтожить немцев в траншее, о чем немедленно доложить командиру батальона. Это будет началом форсирования реки подразделениями. Затем пересечь железную и шоссейную дороги, подойти к зданиям разъезда, разведать силу немецкого гарнизона, по возможности стрельбы не открывать. С боевой группой приказано было двигаться мне. 4 стрелковая рота во главе с

командиром роты капитаном Палавандешвили должна была форсировать реку, выйти западнее разъезда Аугкен и занять оборону на левом фланге, оседлав шоссе и железную дороги фронтом на восток в сторону г. Велау. Роте придавалось 1 орудие 76-мм и 1 орудие — 45-мм. С ротой следовал зам. командира батальона старший лейтенант Шаров. 5-я стрелковая рота с 2-мя пулеметами должна была форсировать реку за 4-й ротой с задачей овладеть разъездом, выйти на юго-восточную окраину и занять оборону фронтом на восток, правее 4 стрелковой роты. С ротой следовал комсорт батальона старший лейтенант Глазков.

6-я стрелковая рота в составе 2-х взводов с двумя станковыми пулеметами должна была форсировать р. Прегель за 5-й ротой, наступать на разъезд Аугкен, выйти на южную окраину и занять оборону по южным склонам высоты.

В резерве командира батальона оставались 1-й взвод 6-й стрелковой роты, одна — 76-мм пушка и одно 45-мм орудие.

Минометная рота должна была занять позицию на южном берегу р. Прегель с задачей — уничтожать живую силу противника, особое внимание уделять подходам к разъезду Аугкен с восточной стороны.

Примерно в 22 часа, когда батальон уже занял позицию вдоль северного берега р. Прегель, дежурный связист позвал к телефону командира батальона капитана Шелховского. Командир полка полковник Яблоков передал приказ командира дивизии генерала Маслова, чтобы капитан Шелховский, в связи с утверждением его кандидатуры для учебы в академии, сдал батальон заместителю командира полка подполковнику Чудику и явился в штаб дивизии. Капитан Шелховский попросил полковника Яблокова разрешить провести этот последний бой, говорил, что война идет к концу, и ему уже не придется принимать участие в боях, на что командир полка ответил, что приказ командира дивизии отменить не может, тогда капитан Шелховский попросил разрешения обратиться к генералу Маслову, на что полковник Яблоков ответил утвердительно. Через некоторое время Шелховскому удалось связаться с генералом Масловым. Сначала генерал требовал сдать батальон, так как 28.01.45 Шелховский уже должен был убыть в Москву, но после настойчивых просьб генерал разрешил ему провести этот бой.

Вновь были собраны все командиры рот, представители артиллерии. Капитан Шелховский проверил правильность уяснения задачи каждым из них, потребовал доведения задачи до каждого командира отделения и солдата.

Ровно в 00 часов 21.01.45 г. боевая группа в составе 10 человек, во главе с лейтенантом Кузьменко, я и со мной 3 связиста со средствами связи, одетые в белые маскхалаты, вступили на лед р. Прегель и, преодолев ее сначала ползком, а затем в полный рост, направились к южному берегу.

Моя задача заключалась в проверке прочности льда, контроле за направлением движения, затем в захвате траншеи противника. С выходом на

южный берег реки связисты подключили к протянутому за нами кабелю телефон, и я доложил капитану Шелховскому, что лед сравнительно прочный и, вероятно, выдержит тяжесть лошадей с повозками.

Получив команду продолжать движение, я приказал Кузьменко дальше продвигаться только ползком. Впереди со щупами и миноискателем пошли саперы, за ними Кузьменко со своей группой, а чуть дальше я со связистами. Саперы мин не обнаружили, и группа Кузьменко подползла к самой траншее, где залегла. Сначала в траншее было тихо, как будто там никого не было. Потом слева слышались шаги, и появилась голова солдата в каске. Когда солдат приблизился, Кузьменко со своим замом старшим сержантом Гурец прыгнули на него и ударом ножа в спину свалили. Вновь затаились, вскоре справа подошел еще один солдат, и его таким же путем свалили. Затем, разделившись на две группы, направились вправо и влево по траншее. Метрах в 100 вправо обнаружили блиндаж, где спали 4 немца — состав караула, их пленили. Больше на этом участке траншеи никого не оказалось. От пленных мы узнали, что гарнизон разъезда небольшой. Всего человек 30 и все спят в большом доме, у входа есть охрана. Я быстро связался с капитаном Шелховским и доложил об очистке траншеи. Он сказал: «Молодцы, продолжайте выполнять задачу, а мы начинаем переправу». От траншеи до железной дороги и первых строений разъезда было метров 500. Перешли дорогу, подошли к сараю, никаких признаков жизни. Подошли к дому. У входа стоял часовой. Он, пританцовывая, ходил взад и вперед. Когда он повернулся спиной к нам, зам. командира взвода старший сержант Гурец и с ним один солдат быстро подбежали к нему и ударом ножа свалили, он успел крикнуть, но уже было поздно. Группа ворвалась в дом, где действительно все спали на койках. Окна были завешаны шторами, освещала помещение лампа, у входа вдоль стены стояли пирамиды с автоматами и винтовками. Я приказал Кузьменко всех пленить, а сам с ординарцем рядовым Виктором Анохиным направился в подвальное помещение. Там мы увидели двух поваров, сутившихся у котлов, они готовили завтрак. Увидев нас, они опешили и без команды подняли руки вверх. Решив, что здесь можно устроить КП батальона, мы вышли из подвала. Затем я направился во двор. В сарае большого двора, обнесенного каменным забором, стояло 2 мотоцикла с колясками (на одном был установлен пулемет), грузовая машина с имуществом связи, и еще в углу какое-то имущество. Вдоль забора тянулось несколько нитей телефонного кабеля, который мы перерезали. Обо всем этом я доложил командиру батальона.

Пленных мы отправили к реке, а сами продолжали осмотр помещений разъезда. Все это было сделано без единого выстрела. Вскоре подошла 4-я рота во главе с капитаном Палавандешвили и старшим лейтенантом Шаровым. Я им указал направление движения, и они пошли по дороге на восток, где заняли

оборону. С 5-й ротой прибыли Шелховский и Чудик. Я занялся организацией связи и оборудованием в подвале КП батальона, а на чердаке НП.

Все шло хорошо. Уже все роты вышли на свои участки и окапывались. Вдруг с запада послышался гул моторов. Вскоре по дороге со стороны Кенигсберга показались огоньки. Различно было, что идут какие-то 3 машины, но какие именно, не видно было. Их надо было пропустить к зданиям и расстрелять, но кто-то из боевой группы не выдержал и открыл огонь из автомата по машинам. Машины остановились. Первая открыла огонь из крупнокалиберного пулемета. Это был бронетранспортер. За ним развернулся танк, а сзади грузовая машина. Танк начал приближаться к забору. Капитан Дербенев (командир батареи) подбежал к 76-мм орудию и приказал выкатить его к дороге. Бойцы открыли огонь по бронетранспортеру и подожгли его, но немецкий танк с близкого расстояния выстрелил по орудию и прямым попаданием разбил его, почти весь расчет погиб. Танк подошел к забору и открыл огонь по строениям. Загорелась крыша сарая, и все осветило. В это же время 45-мм пушка вела огонь по машине и подожгла ее. Затем перевели огонь по танку, танк стал пятиться назад и ушел.

Артдивизион артполка все еще не занял огневых позиций и помочь нам не мог. Со стороны г. Велау пока все было тихо. С наступлением рассвета наши соединения, наступающие на Велау, начали артподготовку по городу. Слышно было, как со сплошным гулом рвались снаряды, и вскоре на дороге со стороны Велау показались немецкие машины с грузом и солдатами. Они приближались к боевым порядкам 4 стрелковой роты. Подпустив их на близкое расстояние, рота открыла по ним огонь из всех видов оружия.

Орудия прямой наводкой разбили 2 машины, минометная рота вела огонь по колонне. Немцы побросали машины и разбежались, оставив на дороге до десятка трупов. В течение нескольких часов немцы больше не показывались. Примерно в 9.30–10.00 часов, командир 4 роты доложил, что по дороге из г. Велау движется колонна немцев. В это же время со стороны Кенигсберга фашистский танк и около роты автоматчиков атаковали нашу боевую группу. Куда девался наш 3-й стрелковый батальон (сосед справа), мы не знали, и связи с ним у нас не было (как потом стало известно:

3 стрелковый батальон ушел вперед на 3–4 км и дорогу на Кенигсберг не оборонял, то есть задачи своей не понял комбат). Весь удар с запада и востока пришелся на наш 2-й батальон. Подойдя к нашим позициям, немцы развернулись в боевой порядок и атаковали наши 4-ю и 5-ю роты. Завязался тяжелый бой. Немцы шли в полный рост, цепь за цепью (пьяные, что ли, были). Наши пулеметы и стрелки косили их десятками, даже сотнями, а они все шли, потом уже и толпами, не соблюдая свой боевой порядок. И мы несли большие потери. 45-мм пушка, находившаяся в резерве командира батальона, вела огонь по танку, но подбить его никак не могла. Танк подошел к самому забору и вел огонь по дому, боевая группа отошла во двор.

Танк выстрелом разбил 45-мм пушку, но один из солдат боевой группы подполз вдоль забора к танку и бросил противотанковую гранату под гусеницы. Танк завертелся на месте, экипаж его стал выскакивать из танка, но сраженные меткими выстрелами фашистские танкисты упали на землю. Немецкая пехота, оставшись без танка, стала отходить на запад. Но со стороны Велау бой разгорался все сильнее. На левом фланге немцам, наступавшим вдоль траншеи, удалось просочиться через боевые порядки 4-й роты. Они уже обстреливали нас из траншеи слева. Новая волна немцев хлынула вдоль дороги. Они нанесли удар по правому флангу и прорвали оборону 5-й роты, зайдя в тыл 6-й роте и отрезав ее от батальона. Непрерывно в течение уже 4-х часов все роты батальона вели тяжелый бой с пехотой противника. Примерно в 2 часа дня 21.01 с запада и востока на боевые порядки батальона пошли танки. Немцы начали отвод войск из г. Велау. Танки прямой наводкой вели огонь по нашим боевым позициям, уже были разбиты все наши орудия, вышли из строя станковые пулеметы, остался единственный пулемет, установленный на чердаке дома. Уже погибли старший лейтенант Шаров, командир пулеметной роты старший лейтенант Бляхман, командиры 5-й и 6-й рот. Весь личный состав героически сражался, положил горы немецких трупов, но с танками сделать ничего не смогли. Немцы заняли траншею вдоль р. Прегель, и мы оказались в окружении. Капитан Шелховский приказал мне собрать оставшийся личный состав батальона и отвести его во двор, где занять оборону вдоль каменной стены. С помощью лейтенанта Кузьменко удалось собрать во двор около 60 человек солдат и сержантов. Связи с полком не было, радиостанция поддерживающего артдивизиона была разбита. Только минометная рота нас поддерживала своим огнем, ведя огонь по пехоте и танкам. Собранный личный состав мы разместили вдоль стены, но из-за нехватки боеприпасов приказано было вести только прицельный огонь.

В этих условиях капитан Шелховский понял, что задержать отходящих немцев и тем более танки, с оставшимся личным составом не удастся. Поэтому он принял решение прорвать кольцо окружения, выбить немцев из траншеи и там закрепиться.

Мы собрали весь личный состав и стремительным броском через дорогу под сильным огнем противника ворвались в траншею, выбили немцев и закрепились в ней. Фашистские танки и пехота на наших глазах по дороге начали отход на запад. Мы из винтовок и автоматов вели огонь по вражеской пехоте. Немцы решили нас уничтожить. Развернув 4 танка и часть пехоты, они двинулись в нашем направлении. Я был рядом с Шелховским. Когда неприятельские танки и пехота подошли поближе, я выполз на бруствер и начал из автомата стрелять по пехоте. Шелховский стал ругаться, чтобы я спустился в траншею, убьет ведь, и стянул меня, а сам высунул голову. И в этот момент пуля попала ему в лоб и вышла в затылок. Он, обливаясь кровью, стал оседать в траншею. Убедившись,

что он мертв, я приказал его ординарцу рядовому Вдовенко взять у него документы и свинтить ордена, мы все стреляли по пехоте. В это время из нашей минометной роты подполз к траншее связной и передал мне приказ командира полка отвести людей к реке, дать возможность нашей артиллерии открыть огонь по танкам. Мы выскочили из траншеи и побежали вниз к реке. Танки уже подходили к траншее, когда мы слышали свист наших снарядов над головой и грохот их разрывов. Один танк загорелся, остальные на ходу вели огонь по нам. Впереди меня разорвался снаряд, и меня сильно ударило в грудь. Я упал и стал задыхаться, ординарец мой Анохин схватил меня за воротник шинели и потащил за бугорок. Я там лежал немного, отдышался и стал приходить в себя. Это не было ранением, просто сильный удар большим осколком в грудь, даже шинель не была повреждена. После артналета оставшиеся танки ушли на запад. Дорога опустела. Остались лежать одни трупы, а их было очень много. К 17.00 21 января бой был кончен. К траншее стали стекаться оставшиеся в живых героические воины нашего батальона. Многих мы не досчитались. В этом бою мы потеряли 176 офицеров, сержантов и солдат. Они были похоронены в братской могиле на разъезде Аугкен у самой железной дороги.

Капитана Шелховского увезли в медсанбат, генерал Маслов хотел его переправить на родину, но это ему не удалось сделать, и он был похоронен в месте дислокации медсанбата (а где именно, я не знаю).

Из офицеров батальона из этого боя остались в живых: я, капитан Серяков, старший лейтенант Глазков, капитан Палавандешвили (у него вся шинель и сапоги были пробиты пулями и осколками), офицеры минометной роты и некоторые другие.

Задачу батальон выполнил блестяще, но какой ценой? Впереди еще были ожесточенные бои.

Спустя много лет после войны, в 1978 году, я получил письмо от Галины Николаевны Блеховой из Житомира. Адрес мой она узнала от нашего однополчанина. Галина Николаевна интересовалась нашим командиром батальона, капитаном Шелховским Игорем Дмитриевичем. О том, что он погиб, она узнала от родных Шелховского, но ее интересовали подробности его деятельности и гибели, а главное, ее интересовало место его захоронения. Она писала, что вместе с Шелховским училась в Московском высшем инженерном училище им. Баумана, что они очень любили друг друга, она была его невестой, но война не позволила им пожениться, что родители его известные в стране врачи, работали в одном из санаториев г. Сочи, что Шелховскому давали бронь для окончания училища, но он отказался от брони и пошел добровольцем на фронт в 1941 году, участвовал в разгроме немцев под Москвой, что они часто писали друг другу. Спрашивала, рассказывал ли Шелховский мне о ней. Я ей подробно описал все, что знал о капитане Шелховском, рассказал, где примерно он похоронен. Галина Николаевна поехала в г. Гвардейск (Тапиу), в

райвоенкомате узнала место захоронения Шелховского, поехала туда. Жители деревни ее очень хорошо приняли. Она побывала на могиле своего возлюбленного, вместе с жителями деревни разыскала место первоначального захоронения. Среди захороненных с Шелховским был и наш командир пулеметной роты старший лейтенант Бляхман, тоже получивший тяжелое ранение в Аугкене и скончавшийся в медсанбате. Галина Николаевна почти каждый год посещает могилу Шелховского. Сейчас она проживает в г. Сочи, иногда мы с ней переписываемся. Прошло почти 40 лет, но она не может забыть своей первой (и последней) любви к этому замечательному человеку.

Моим хорошим помощником в работе был мой командир взвода связи старший лейтенант Люкманов Тагир Халилуевич.

Всегда, когда мне нужно было отлучиться в роты или штаб полка, он меня замещал. Главная его задача заключалась в том, чтобы обеспечить связь с ротами и следить за работой телефонной связи и радиосвязью. С этой работой он прекрасно справлялся. Он был и хорошим хозяином. Всегда в вещмешке его ординарца можно было найти все необходимое, чтобы перекусить. Он за этим следил и частенько меня потчевал. Мой же ординарец Анохин Виктор, молодой беспечный паренек, никогда запасов не создавал, даже когда были большие возможности. В первых числах января 1945 года у Люкманова умер отец, и, по моему ходатайству, ему дали отпуск домой. Чтобы поддержать его семью, которая находилась в трудных условиях, я снял со своей расчетной книжки 2000 рублей и отдал ему. Мне они тогда были ни к чему. Вернулся он из отпуска 23 января и в боях в районе разъезда Аугкен не участвовал, многих однополчан он уже в живых не застал. Ему чудом повезло. Кто знает, чтобы с ним могло быть. Мы с Люкмановым крепко сдружились и дружим по сей день. Сейчас он живет в г. Красногорске Московской области.

Понесся большие потери в жестоком бою в районе разъезда Аугкен, наш батальон в течение недели в боях не участвовал. Находясь во втором эшелоне полка, он получил пополнение и сколачивал свои подразделения. Командиром батальона к нам был назначен майор Гостев, выдвиженец, прибывший из другого полка дивизии. Гостев был высокого роста, могучего сложения, лет 30 мужчина, с рыжеватым цветом волос и следами оспы на лице. По характеру вспыльчивый, очень смелый человек, особенно, когда был под хмельком. А выпить он любил, иногда не задумываясь о последствиях. Весь период совместной с ним службы мне приходилось с этим его пороком бороться, за что иногда в пьяном угаре он поднимал на меня оружие, угрожая расстрелом. Но после просил прощения, обещая подобного не допускать.

Благодаря своей смелости и решимости он пользовался авторитетом у начальства. Хотя и был совершенно малограмотным, но вырос за время войны от солдата до майора — командира батальона.

Заместителем командира батальона по строевой части к нам назначили капитана Кушнаревского. Прибыли офицеры на должности командиров рот и взводов, рядовой и сержантский состав. К концу января батальон был полностью укомплектован, готов к боевым действиям.

28 января наш полк, ведя ожесточенные бои на подступах к Людвигсвольде, был контратакован немецкими танками и пехотой из г. Витенберга. Для отражения мощной контратаки немцев командир полка ввел в бой наш батальон. Немецкие танки на большой скорости приближались к нашим позициям. Подпустив танки на близкое расстояние, открыли огонь наши пушки и противотанковые ружья. На нашем участке два танка загорелись, оставшиеся четыре танка нас обошли, но были встречены противотанковой артиллерией. Немецкая пехота, встретив сильный пулеметно-автоматный огонь, залегла и постепенно стала откатываться назад. Тогда Гостев поднял батальон в атаку, и вслед за отходящей пехотой немцев мы ворвались в Людвигсвольде, который был к концу дня очищен от противника. Таким образом, полк подошел к немецким позициям, проходящим по внешнему обводу крепости Кенигсберг, но был остановлен организованным огнем из всех видов оружия.

Дивизия начала подготовку к штурму южной части Кенигсберга, намеченному на 30 января.

Однако немцы нанесли сильный контрудар по нашим войскам, наступавшим на г. Бранденбург. Наши войска были оттеснены от залива Фриш-гаф, потеряв шоссе Бранденбург — Кенигсберг.

Наша дивизия была снята с обороны и переброшена на восстановление утраченных позиций. При непосредственной поддержке артиллерии и минометов наш полк отвоевывал у врага метр за метром, выбивая немцев из каждого домика, фольварка, лощинки и оврага. Захватив один из населенных пунктов, наш батальон вырвался далеко вперед, перерезал шоссе и захватил большой фольварк, состоящий из 3-этажного господского дома с толстыми кирпичными стенками и надворными постройками. В доме был большой подвал с окнами вокруг всего здания. Когда мы подбегали к фольварку, фашисты перешли в контратаку, обошли нас с флангов и ворвались в занятый полком населенный пункт. Мы остались в окружении. Майор Гостев приказал стянуть всех в подвалы фольварка и занять круговую оборону. Связь с полком была прервана. У наших приданных артиллеристов была радиостанция, через которую удалось связаться с командиром полка. Полковник Яблоков приказал держаться, обещая скоро помочь. Немецкие танки, выйдя на дорогу, вели огонь прямой наводкой по окнам подвала. Вокруг рвались наши снаряды, один из них попал в танк, и он загорелся.

Пехоту к зданию мы близко не подпускали, ведя огонь из пулеметов и автоматов. К вечеру один из танков подошел вплотную к зданию, даже гусеницами своими прошел вдоль окон здания и остановился. Кто-то из наших

офицеров схватил противотанковые гранаты, поднялся на второй этаж здания и из окна бросил гранаты на танк. Так он и остался у здания. Ночь прошла сравнительно спокойно. Посланные на восстановление связи с полком двое связистов не вернулись. С наступлением рассвета немцы опять начали штурм нашего дома. Один из снарядов разорвался в помещении, где находился наш любимый товарищ, замполит батальона капитан Серяков. Серяков был тяжело ранен, большой осколок пробил ему живот и вышел сзади. После нескольких часов мучительной боли Серяков скончался. Это была для нас большая потеря. Через некоторое время прямым попаданием снаряда разбило радиостанцию артиллеристов, несколько человек было убито и ранено. Немцы беспрерывно обстреливали здание, от которого уже остались одни развалины. Наше положение было критическим. Оно еще больше осложнялось тем, что у нас кончились боеприпасы и совершенно не было продуктов. С наступлением второй ночи мы послали группу солдат во главе с одним командиром взвода на связь с полком, но и эта группа не дошла, наткнулась на немцев и была уничтожена. Тогда я вызвался пробраться к полку, но Гостев категорически возражал. Однако надо было что-то предпринимать, не сидеть же, пока нас немцы всех по одному перешелкают. Я взял ординарца и незаметно с ним вышел из подвала. Где ползком, где бегом мы стали пробираться в направлении, где должен был находиться наш полк. Перебежали шоссе, а там до населенного пункта, где наши части вели бой, оставалось около километра. Впереди был фруктовый сад. Я решил добраться до сада, а там кустами незаметно добраться до деревни. Когда мы подползли к саду, то увидели, что в нем полно немцев. Стояли пушки, а возле них сустились расчеты. Мы повернули обратно, но были замечены, и по нам открыли автоматный огонь. Хорошо, что вдоль сада была канава, по которой мы ползком вновь пробрались к шоссе и вернулись в подвал. На всю нашу безрезультатную вылазку ушло более двух часов. Гостев хватился, что меня нет, поднял тревогу, а когда я вернулся, он на меня набросился, выхватил свой маузер и чуть не пустил в меня пулю от гнева. Он меня обвинял в трусости, что я якобы пытался бежать, оставив их в подвале. Но после моего рассказа, он, вроде, убедился, что моя попытка связаться с полком была оправдана. Прошла еще одна ночь и второй день пребывания в подвале в окружении немцев. Вновь все повторилось: бесконечный обстрел здания, попытки пехоты ворваться в подвал, агитация немцев о сдаче в плен, обещания оставить всех в живых.

К вечеру, около 19 часов вокруг нас стали рваться тяжелые снаряды. Обстрел был настолько силен, что часть подвала от прямых попаданий снарядов обвалилась, завалив несколько наших солдат. Затем все затихло, лишь вдаль мы слышали сильную стрельбу и поняли, что после артналета наши перешли в наступление. Когда мы уже наблюдали, как немцы стали откатываться назад, Гостев вывел батальон из подвала и повел его навстречу нашему наступающему

полку. Немцы, побросав свои пушки и минометы, разбегались. Некоторые из них поднимали руки и сдавались. Вскоре мы обнимали своих освободителей, избавивших нас от неминуемой гибели. Наступая в направлении залива Фриш-Гаф, мы перерезали дорогу Бранденбург — Кенигсберг и вышли к заливу. Юго-западнее Кенигсберга оказалась большая группировка немцев в окружении. Нам было приказано занять прочную оборону, не дав немцам вырваться из окружения вдоль берега залива.

Здесь вспоминается мне такой случай. Окопавшись и устроив небольшие блиндажи, мы заняли оборону. Недалеко от блиндажа, где разместился мой штаб, была огромная поляна, залитая водой. По льду этого залива бегали зайцы. У меня появился охотничий азарт. Взяв винтовку, я стал стрелять по зайцам. Сделав несколько выстрелов, одного из них подстрелил, бросил винтовку и побежал по льду за зайцем. Разбежавшись, уже не мог остановиться, а лед под ногами трещит. Только подбежал к зайцу и ухватил его, как провалился под лед и с головой окунулся в воду. Вынырнув, ухватился за метку куста и, обламывая лед локтями, выбрался из канавы туда, где вода мне была уже по грудь. Увидев, что я тону, ко мне на выручку побежал Анохин, ординарец мой, но, не добежав, тоже провалился. Потом мне удалось выбраться на лед и ползком добраться до берега. Заяц мой, вместе с моей шапкой остался под водой. На мне вся одежда стояла колом. Я промерз «до мозга костей». Тут меня выручил Люкманов. Он снял с меня одежду, растер меня водкой. Пришлось принять немного и внутрь. Согрелся и, когда одежда высохла, оделся, и, как ни в чем не бывало, продолжал свою работу. Мы удивлялись, как это, ни я, ни мой Анохин после такого купания не заболели.

Примерно до середины марта 1945 года наш полк вел бои по ликвидации окруженной группировки противника. Немцы яростно сопротивлялись, но метр за метром полк продвигался вперед, нанося фашистам удар за ударом. К 18 марта полк вновь вышел к заливу Фриш-гаф, захватив много пленных и большое количество оружия. На ледяном припае вдоль всего берега залива валялось много сотен расстрелянных немцами лошадей, стояли брошенные пушки, реактивные установки, большое количество всяких машин и повозок. Изредка стало встречаться местное население. В брошенных домах было очень много всевозможной одежды, мебели. Нашим воинам разрешалось брать понравившиеся им вещи и отправлять посылкой, но не более 10 кг, на родину, и некоторые этим пользовались. Из трофеев мне понравился аккордеон, я его взял и передал в хозвзвод для хранения. Мне очень хотелось научиться играть на аккордеоне. Просил командира хозвзвода старшину Баталова беречь его. Но Баталов мой аккордеон отправил к себе домой, надеясь мне раздобыть другой. Так я остался без трофеев, да и не нужны они мне были.

После ликвидации окруженной группировки нашу дивизию перебросили в район Гутенфельда, юго-восточнее Кенигсберга, где мы заняли оборону и приступили к усиленной подготовке к штурму крепости Кенигсберг.

В батальоне на базе трех стрелковых рот были созданы три штурмовые группы, усиленные станковыми пулеметами и артиллерией.

Штурмовые группы периодически выводились во второй эшелон, где усиленно готовились к предстоящему штурму укрепленного района и бою в условиях большого города. Особое внимание придавалось отработке приемов ближнего боя с применением гранат, автомата и холодного оружия.

К переднему краю обороны подтягивались мощные орудия, которым предстояло своим огнем разрушать доты и форты. Наша авиация активизировала налеты на Кенигсберг.

Штабом дивизии была разработана памятка солдату, в которой указывалось, как солдат должен действовать в составе штурмовой группы. «Штурмовая группа первой врывается в укрепление врага. Ее удар внезапный и дерзкий. Готовься к атаке скрытно, без шума. Оружие — наготове: автомат на шее, гранаты под рукой. Появляйся там, где враг тебя не ждет. Врывайся в дом вдвоем — ты и граната. Граната впереди, ты за ней. В доме много комнат — успевай поворачиваться. В каждый темный угол — гранату. Коридор прочесывай из автомата. Очистил дом — не задерживайся. Пробирайся к следующей огневой точке врага. Штурмуй упорно, без усталости». По этому принципу и готовились наши воины к штурму Кенигсберга.

Оборона Кенигсберга состояла из трех позиций, насыщенных долговременными огневыми точками, фортами, соединенными между собой огневой связью, ходами сообщения, опоясанными противотанковыми рвами, проволочными и минными заграждениями.

Внешний обвод (первая позиция) состояла из 15 фортов. Нашему полку предстояло штурмовать № 10 «Каниту», который защищал город с юга. Форт № 10 был построен еще в прошлом веке, постоянно совершенствовался и представлял собой неприступную крепость. Внешне он из себя представлял холм, сплошь заросший лесом. На самом деле это было зарытое в земле железобетонное сооружение с очень толстыми железобетонными стенами. Вокруг форта — ров, заполненный водой, с отвесными бетонными стенами пятиметровой глубины. Внутри форта было три этажа 1-й — боевое отделение, где были установлены пулеметы, пушки, 2-й жилое и служебное отделение, где стояли двухъярусные койки и служебные помещения для штаба, 3-й самое нижнее отделение, где находилась электростанция, склады боеприпасов, продовольствия и кухня.

Форт имел все необходимое для длительного автономного пребывания в нем гарнизона. Подходы к форту были опоясаны проволочными заграждениями и минными полями.

2 апреля 1945 года полк занял исходное положение для штурма Кенигсберга против форта № 10. Боевой порядок полка строился в два эшелона. 1-й батальон майора Федорова должен был наступать прямо на форт. Наш, 2-й батальон майора Гостева, левее 1-го батальона, 3-й батальон — во 2-м эшелоне.

Весь день 4 и 5 апреля и ночь на 5 апреля сотни наших и американских самолетов типа «Бостон» обрушивали огромное количество бомб на город Кенигсберг. Весь город был объят пламенем. Несколько прямых попаданий бомб было на форт № 10, но бомбы лишь сделали огромные воронки в земляном холме форта, не достав даже до бетона.

6 апреля 1945 года, в 12.00, после 3-часовой артиллерийской и авиационной подготовки, мы, по предварительно устроенным проводам в минных полях и проволочных заграждениях, устремились в атаку на форт № 10. Немцы нас встретили сильным пулеметным огнем. Добравшись до рва, заполненного водой, штурмовые отряды наших двух батальонов залегли. Наша 6-я рота, наступавшая на левом фланге, вырвалась вперед и стала обходить форт слева. Используя успех шестой роты, майор Гостев приказал командирам 4 и 5 рот следовать за шестой, обходя форт, продвигаться к городу.

Командир полка принял решение блокировать форт 1-м батальоном, 2-му и 3-му батальонам, обойдя форт, наступать на пригород города Кенигсберг — Шепфлис. К исходу дня наш батальон занял Шепфлис, большой жилой массив, застроенный особняками. Все подвалы домов были использованы противником как огневые точки. Наши штурмовые группы вынуждены были вести бой за каждый домик. Однако немцы не выдержали напора и отошли за ручей, ближе к городу. Всю ночь с 6 по 7 апреля батальон продолжал очищать Шепфлис от немцев, многие из которых засели в подвалах домов. С рассветом 7 апреля полк продолжал наступление на второй крупный пригород Розенау. Совместно с 248-м стрелковым полком овладел им и вышел к внутреннему оборонительному отводу — противотанковому рву, заполненному водой. На противоположном берегу рва были форты внутреннего обвода, соединенные между собой ходами сообщения. Со стороны форта немцы открыли ураганный огонь из пулеметов и автоматов. О захвате форта в лоб не могло быть и речи. Пришлось его обойти через Зюйд Парк и совместной атакой с 250-й стрелковым полком овладеть фортом.

В помещении форта укрывались многие сотни гражданских немцев, русских и людей других национальностей, ранее угнанных в Германию на каторжные работы. Среди них было много молодых парней и девушек из Советского Союза. Увидев своих освободителей, они бросились к нам со слезами радости. Нам нужно было продвигаться вперед, а нас оцепили толпы людей. С большим трудом мы освободились из объятий наших сограждан. Гражданские немцы, укрывшиеся в бункере, вели себя обособленно, они семьями сидели на своих чемоданах с вещами и со страхом и ужасом смотрели на нас. Ведь им всегда

говорили, что советские войска всех захваченных немцев вешают и расстреливают. Вот они и ждали своей участи. Но мы их успокоили, что ничего им не грозит.

Однако нашим парням и девушкам подсказали, чтобы они взяли у немцев чемоданы с вещами и уходили в наш тыл, что они и делали.

Проходя по помещениям форта, мы с Анохиным очутились в большой комнате, в которой прятались одни немцы (гражданские). Я сделал несколько шагов вглубь комнаты, и вдруг у моего уха просвистела пуля. Я спрятался за столб и стал наблюдать. Только высунулся, вновь просвистела пуля, но я успел заметить: метрах в 20 за железобетонным столбом стоял немец. Это он из пистолета стрелял в меня. Я уловил момент и тоже выстрелил в него. Он побежал, я за ним. Анохин из автомата дал очередь, но промазал. Немец вновь спрятался за столб и снова стал в меня стрелять, но мазал. Когда он выскочил из-за столба, пытаюсь бежать, я прицелился и выстрелил в него. Он упал лицом на цементный пол. Когда мы к нему подбежали, он был мертв. Пуля ему попала в спину. На память о поединке я взял у него часы, компас и полевую сумку. Убитым оказался офицер в чине обер-лейтенанта.

Не задерживаясь в бункере, мы продолжали наступление к южному вокзалу города. Впереди был небольшой канал, через него перекинут мостик. Наша штурмовая группа проскочила мостик и завязала бой за большой пятиэтажный дом. Когда мы (я, Гостев, Люкманов) и наши ординарцы подбежали к мосту, нас обстреляли из пулеметов. Мы вынуждены были залечь, ибо огонь велся непрерывно, а встать — значит попасть под немецкую пулю. Лишь когда штурмовая группа выбила немцев из дома, огонь по мосту прекратился. Весь день батальон вел бой за дома, порой бой переходил в рукопашную схватку, но немцы уже были не те, что в 41–42 гг. Они уже были деморализованы и натиска наших гвардейцев не выдерживали. Улицы города были завалены разрушенными домами. Все кругом горело и дымилось, из-за каждого угла стреляли.

К вечеру 8 апреля мы вышли к каналу и заняли вдоль него оборону. Надо было дать солдатам отдохнуть. На другом берегу канала почти вплотную к берегу проходил сетчатый проволочный забор, огораживающий территорию завода. Нам предстояло с рассветом форсировать канал и овладеть заводом. Мы с Гостевым разместились в каком-то подвальчике. Гостев, как всегда, был уже под «газами» и решил придремнуть. Я сидел у коптилки и рассматривал карту города. Вдруг прибегает солдат из нашей боевой группы (разведгруппы) и чуть не плача говорит, что все погибли. Кто погиб? Еле мне удалось узнать, что погиб их командир, лейтенант Кузьменко и 6 разведчиков. А случилось вот что: у нас был санинструктор старшина Живолук. Когда мы подошли к каналу, он у кого-то узнал, что в подвалах завода, который нам предстояло захватить, укрывается много гражданских немцев. Вот он и стал уговаривать лейтенанта

Кузьменко дать ему разведчиков, чтобы скрытно проникнуть в подвалы завода и отобрать у немцев золотишко и часы. Кузьменко долго не соглашался, но старшина его сумел уговорить, и лейтенант решил сам пойти с группой разведчиков.

Без ведома командования батальона они раздобыли лодку, переправились, сделали проход в заборе и оказались на территории завода. Когда они приблизились к заводу, немцы ракетой осветили территорию и в упор расстреляли группу Кузьменко. Все шесть солдат и лейтенант Кузьменко были убиты, а Живолуку пробило шапку, но он остался жив, вернулся в батальон. Когда Гостев узнал о случившемся, он вызвал Живолука и чуть не застрелил его, но потом приказал ему вытащить лейтенанта Кузьменко. Живолук под страхом смерти один вновь переправил и вскоре притащил тело Кузьменко. Лейтенант Кузьменко был любимцем Гостева. Когда его хоронили, Гостев поклялся отомстить за него. Так из-за крохобора Живолука мы потеряли лучших своих разведчиков. Забегая вперед, скажу, что старшина Живолук уже после войны, в конце 1945 года, демобилизовавшись из СА, убил моего соседа, гражданского. Ограбил его и скрылся. Его напарника поймали, судили, получил он 10 лет, а Живолук исчез бесследно.

Утром 9 апреля мы перебрались через канал и атаковали завод. После нескольких автоматных очередей по нашим боевым порядкам немцы бежали. Из подвалов завода стали выходить гражданские. Их было очень много, в основном, русские, угнанные в немецкое рабство. Они бежали к нам навстречу с распростертыми руками. Впереди толпы бежало несколько молодых парней. Когда они подбежали, Гостев стал их допрашивать, кто ночью стрелял из подвалов. Парни молчали, ничего об этом не ведая. Тогда Гостев выхватил кортик, схватил одного парня за чуб и всадил кортик ему в горло. Парень, обливаясь кровью, упал, толпа в недоумении отхлынула назад. Я прямо опешил, а Гостев с налитыми кровью глазами схватил другого парня, но я успел выбить кортик из его руки. Кое-как мы его привели в чувство, но он все продолжал кричать, что за Кузьменко он должен отомстить, совсем не соображая, кому он мстил. Прочесав территорию завода, мы продвинулись вперед и вновь захватили какое-то огромное бомбовое убежище, где было много гражданских лиц. У нас в батальоне осталось очень мало людей, очень многие получили ранения, погибли. В убежище ординарец Гостева где-то нашел несколько ящиков вина и много продуктов. К этому времени немцы прекратили сопротивление и капитулировали. Гостев решил это отметить.

Когда объявили о капитуляции немцев, из центра города целые толпы немцев при оружии стали выходить и сдаваться в плен. Мы их строили в колонну по одному, они подходили к убежищу, бросали оружие, ножи, и мы их направляли на обратный берег р. Прегель. Оттуда их отправляли в тыл. Нас было так мало, а пленных было во много раз больше нас. Я еще подумал, даже без оружия они

могли бы нас передуть. И вот в такой напряженный момент Гостев вызывает меня в убежище. Я пошел туда. Смотрю, в центре помещения стоят несколько бочек вместо столов, на ящиках уже сидят все наши командиры рот. На бочках множество бутылок с вином и закуски. Гостев говорит мне: «Садись, отметим победу!». Я ему доложил, что делается наверху, но он, уже будучи под хмельком, махнул рукой и приказал садиться за стол. Я подскочил к бочкам, схватил бутылку и ею разбил все бутылки, стоявшие на бочках. Гостев выхватил маузер и чуть не выстрелил в меня, кто-то его удержал, но он долго матерно ругался. Я с командирами рот вышел из подвала, а Гостев остался там и еще долго не появлялся.

До поздней ночи мы принимали пленных, а утром 10 апреля получили приказ выйти из Кенигсберга. Совершив небольшой марш, мы сосредоточились в лесу севернее г. Кенигсберга, где устроили лагерь. Построили землянки, линейки вдоль них, приводили себя в порядок и приступили к боевой подготовке.

После штурма Кенигсберга на нашем участке фронта оставался у немцев лишь один опорный пункт — Земландский полуостров с городом-крепостью Пиллау.

Мы ждали приказа о переброске армии на Берлинское направление, но 11 гвардейская армия оставалась на месте. Ей было приказано разгромить земландскую группировку немцев. На г. Пиллау наступали другие дивизии армии, наша дивизия была в резерве.

Для разгрома Земландской группировки командование решило высадить на косу Фрише-Нерунг морские десанты. Один из них был сформирован из частей нашей дивизии.

От каждого полка 83 гвардейской стрелковой дивизии формировался один батальон, в состав которого входили 200 человек.

Всего в десанте было 600 человек. Возглавлял его гвардейский полковник Белый, зам. командира дивизии.

В состав батальона от нашего полка были подобраны молодые, крепкие ребята. Командный состав батальона был взят, в основном, от 1-го батальона.

В течение недели десантники тренировались способом посадки и высадки из катеров.

25 апреля 1945 года, когда передовые соединения армии штурмом овладели г. Пиллау, в 22.00 два десантных отряда, один из нашей дивизии и один из моряков, катера двинулись к намеченному пункту на косе Фрише-Нерунг с задачей отрезать пути отхода немцам из Пиллау на Данциг. Я в этих боях не участвовал, поэтому излагаю материал кратко, из рассказов очевидцев. При подходе к косе катера были обстреляны, один из них загорелся, но остальные подошли к берегу и высадили десант. Десантники заняли оборону в сторону Пиллау (на восток); морской десант был высажен западнее и занял оборону фронтом на запад.

С рассветом 26 апреля колонны немцев, отходящие на Данциг, наткнулись на огонь десантников. Завязался ожесточенный бой с многократно превосходящим противником. Немцам удалось на некоторых участках просочиться через боевые порядки десантников, выйти в тыл десанта и напасть на штаб отряда. В неравном бою почти все работники штаба и политотдела десанта погибли. Сам полковник Белый находился в боевых порядках десанта, откуда руководил боем. Более 3 тысяч немцев окружили десантников, которые заняли круговую оборону. Вскоре подошли с запада десантники морской пехоты, и совместными действиями группировка врага была разгромлена.

Вся территория участка сражения была покрыта трупами немецких и наших солдат. Более 1500 немцев было взято в плен. К вечеру к месту боя подошли подразделения 5-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий.

Многие участники боев в составе десанта были награждены орденами и медалями, а девяти из них было присвоено звание Героев Советского Союза. Среди них был мой хороший друг, зам. командира 1-го стрелкового батальона капитан Леонид Круглов.

Со взятием крепости Пиллау боевые действия на нашем участке фронта были закончены блестящей Победой.

Отправки на Берлинское направление мы не дождались, там и без нас справились.

Из леса севернее г. Кенигсберга мы вскоре были передислоцированы в г. Белау, на зимние квартиры, где нам отвели бывшие немецкие казармы, которые были у бумажной фабрики. Солдаты были размещены в казармах, а офицеры разместились в квартирах многочисленных пустующих домов. Я себе облюбывал небольшую комнатку в одном из домов, где уже разместились майор Гостев, старший лейтенант Люкманов и замполит батальона.

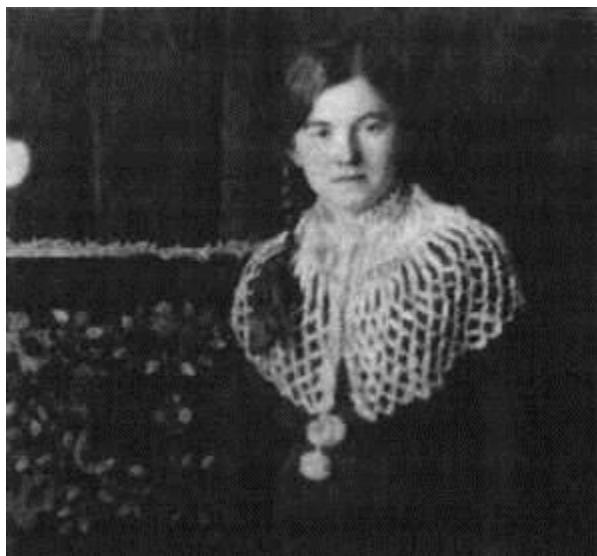
9 мая мы узнали о полной капитуляции гитлеровской Германии. Это был конец войны.

Когда дают волю бандитам

И. Цынман

Мама — Симкина Сара Юльевна

Сестра — Паша Борисовна, 1922 г. р.

Три подруги: сестры: в центре — Симкина Фаина Борисовна, 1925 г. р.; справа — Симкина Мария Борисовна, 1927 г. р.; слева — подруга сестер Банькова Раиса (живет на Украине).

Сестра Белочка, 1935 г. р.

Сын и брат убитых Симкин Абрам Борисович защищал не жалея жизни Родину, воевал. А что было дома? Где были друзья? Что делали соседи?

Эти четыре фотографии дают ответ на эти вопросы. И это не исключение.

На оккупированной территории везде так было. Где могилы их жертв? Кто к ним придет?

Геноцид евреев, организованный нацистами, — трагедия XX века. В результате евреи и русско-евреи на Смоленщине перестали быть значительным национальным меньшинством.

У ЖИВЫХ — НЕЗАЖИВАЕМЫЕ РАНЫ

И. Цынман

Прочитана интересная, полная трагизма повесть честного человека, патриота, воина. Автор — Абрам Симкин, трижды раненый, прошел с боями всю войну, лежал в госпиталях, был во вражеском окружении, прощался с убитыми фронтовыми товарищами и чудом сам остался жив. Но возвращаться с войны ему некуда: «Вместо дома лежала груда искореженного железа и куча тлеющих углей».

Все его родные — дедушка, мать, сестры, как и более 1200 человек, оставшихся в оккупированной Монастырщине и задержавшихся здесь евреев из других мест, расстреляны, повешены, замучены и лежат в монастырщинской земле. Родные автора не попали под массовый расстрел, прятались в подвале, но их выдали свои же соседи — Чехиркины, а сосед Исаенков лично их расстрелял, не пожалев даже младшую сестренку Белочку. Как такое могло случиться?

Во все времена враги России делали все, чтобы россияне убивали россиян. Что стоило в гражданскую войну убить белого или красного, сжечь помещичью усадьбу, государству ограбить зажиточного человека, трудом заключенных ГУЛАГа создавать «великие стройки»?

Обидно, что в годы Советской власти большевистские вожди сеяли в народе страх, репрессировали. Не избежали страха и репрессий и родные автора.

Большими мастерами сеять рознь между россиянами были немецкие фашисты. Благодаря фашистской пропаганде, террору, звериной жестокости эсэсовцев в последней большой войне россиянами были убиты сотни тысяч, а возможно, и миллионы россиян. Это почти неизвестные трагические страницы войны. Немногие писатели стыдливо раскрывали эти темы.

Из «врагов» и добровольцев фашисты готовили исполнителей убийства народа. После освобождения территорий от захватчиков многие жестокие полицаи попали в Красную Армию и вернулись победителями, пусть и ранеными. Сейчас они пользуются льготами. Но многие, особенно солдаты русской освободительной армии Власова, после победы были расстреляны или заканчивали жизнь в ГУЛАГах. Жестокость рождала жестокость.

В «Литературной газете» от 23 июня 1993 года была публикация Анатолия Козловича. Ему удалось установить следующее: «Про Хатынь нам лгали уже при перестройке, ее сожгли не фашисты, а наши соотечественники... 22 марта 1943 года». Народные мстители на шоссе Логойск — Плещеницы убили

немецкого офицера, олимпийского чемпиона Ханса Вельке. За его жизнь расплатилась Хатынь. По тревоге был поднят 118-й карательный батальон, сформированный в Киеве из предателей — русских, белорусов, украинцев. Операцию мщения придумал начальник штаба украинец Григорий Васюра: согнать жителей деревни в амбар, закрыть и поджечь. Напротив дверей амбара поставили пулеметчика Катрюка (сейчас он живет в Канаде)...

В 1986 году был суд. Но правда из зала суда не выбралась, и «пропагандистская машина СССР выдала народу отлакированную патристическую сказку, которая до сих пор дурачит людей...».

В поисках материалов о геноциде россиян я встречался со многими свидетелями, русскими и евреями, записывал их воспоминания. Один из них — Абрам Борисович Симкин. Он мне показал рукопись на эту тему, написанную для внука в 1984 году. Эта рукопись — своеобразный памятник героя войны своим погибшим родным, русскому еврейству, исчезающему в России, памятник погибшим или чудом уцелевшим боевым товарищам.

Более 10 лет эта рукопись оставалась недоступной для широкого круга читателей. Она вызывает раздумья и размышления, показывает навсегда утраченный быт довоенного местечка, знакомит с биографией монастырщинского воина, прошедшего через ужасную войну.

Уже с начала повествования — посвящения своему единственному внуку — и до последней страницы воспоминания пронизаны любовью к родному гнезду — Монастырщине.

Много страниц уделено довоенной Монастырщине. «В центре поселка стояла кирпичная церковь, рядом с ней — пожарное депо с каланчей, через дорогу — синагога...»

Сколько таких церквей и синагог «через дорогу», национальных школ, о которых Симкин не писал, было разрушено в 20-х гг. в городах, местечках и деревнях Смоленщины? Сколько культовых служителей было репрессировано и уничтожено? Отсюда исчезновение не только религии, но и родных национальных языков, культуры, обычаев смоленских евреев, поляков, латышей, литовцев. Плоды этого беззакония мы познали в братоубийственных войнах. Кто поверит теперь, что в Монастырщинском районе в 30-х гг. было три национальных еврейских сельсовета: в Монастырщине, Татарске и Кадино? До смерти Ленина разговорным языком в районе были белорусский, русский и идиш, на последнем говорили почти все жители Монастырщины и окрестных деревень.

Автор позволяет проследить, как образовавшиеся в поселке всевозможные политические течения ломали устоявшийся веками образ жизни местного населения, и каковы были последствия. Не хотелось ему чернить многих ораторов, пьяниц, лодырей, проводивших коллективизацию и другие кампании. Воспоминания о коллективизации, написанные в годы господства КПСС, можно

считать субъективными, хотя написаны они искренне. Коллективизацию и выселение кулаков он считал необходимым. Это внушали ему многие десятилетия учителя, пропагандисты. Но если быть последовательным, то для тысяч бедных местных евреев черты оседлости, куда входила и Монастырщина, а также для лодырей и пьяниц, коллективизация могла быть благом. В колхозе «Ленинс Вег», в деревне Дудино, многие бедствующие безземельные евреи находили работу. Извозом, торговлей, ремесленничеством после НЭПа заниматься из-за репрессий становилось невозможно. Были в этом колхозе и еврей-лавочники, бежавшие из больших городов и искавшие здесь спасение. Те евреи, которые не хотели идти в колхоз, не могли оставаться в своих домах. Они уезжали.

В воспоминаниях Симкина рассказывается об отъезде евреев в большие города. Это позволило родным автора купить хороший дом. Ускорению отъезда евреев из небольших деревень содействовал и голод в 1933 году. Колхозникам едва удавалось за трудодень получить по 200 граммов плохого зерна, в то время как полностью выполнялись планы хлебозаготовок. Из одесского порта в огромных количествах зерно экспортировалось. «Люди бросали свои дворы и уезжали». Родные автора в это время купили дом, порезали всю живность — нечем было кормить. «Мать пекла хлеб с картошкой». Купить дом и выжить помог высокий урожай картошки. Стояла задача, «сберечь корову, дотянуть ее до весны». Дети, как правило, бегали босиком, а в прохладные дни сидели дома. Но им было хорошо... «На печке тепло, все с вышки видно, что делается в доме...»

Однако же отец с увлечением работал животноводом в колхозе. Но какая оценка была его труду? Почему он рано умер? Похоже, что в коммунизме было много утопии, ведь не каждый колхозник мог увлекаться уборкой навоза, ручной дойкой коров, восхищаться высокими урожаями и удоями.

Автор интересно рассказывает о монастырщинской природе, своей военной учебе, о том, как воевали и умирали его товарищи россияне. Автору большей частью приходилось воевать на Смоленской земле.

Считается, что у нас «Никто не забыт, и ничто не забыто», но нет даже полных списков погибших в Монастырщине, Дудине, Татарске, Кадине, Бохоте и других деревнях района.

Сейчас почти во всех районах Смоленской области евреев практически нет или осталось очень мало. Нет и антисемитизма, хотя еврейские кладбища почти везде разгромлены, а памятные камни использованы для мощения дорог и как строительный материал.

В Смоленске, где теперь живет автор, более двух тысяч евреев, в Рославле их более двухсот. Здесь антисемиты на митингах, лекциях поднимают свой голос. Их любимое дело — сваливать все беды на евреев, выискивая их в руководстве страны и области; предупреждать избирателей, что кандидат — еврей. Время от

времени хулиганы практически безнаказанно устраивают погромы на еще сохранившихся еврейских кладбищах. Грустно все это, не по-человечески, не по-христиански, не по-русски. Ведь каждое грубое и лживое слово в адрес целого народа — это еще и оскорбление памяти погибших и проливавших свою кровь за Родину, за Советский Союз, за Россию.

В воспоминаниях Абрам Симкин ставит вопрос: когда же россияне станут нормально жить — без войн, без потрясений?

Январь 1995 г.

г. Смоленск.